

Александр Доставалов

Ожог от зеркала

«АСТ»

2009

Доставалов А.

Ожог от зеркала / А. Доставалов — «АСТ», 2009

Миром правит сила, и имя этой силе – магия. Любой, кто посмеет восстать против всевластных Магических орденов, очень скоро и очень горько об этом пожалеет, и смерть – пожалуй, лучшее, что может с ним случиться. Но есть еще безумцы, способные позабыть об этом... Один из них – обычный школяр из провинциального городка, дерзнувший поднять голос против высших иерархов в известном своей жестокостью ордене Валчей. Возмездие стало скорым и безжалостным. Юноше предстоит погибнуть на гладиаторской арене, а сестре его, заточенной в таинственной Девичьей башне, – пасть под жертвенным ножом жриц-весталок. Казалось бы, выхода нет. Но иногда те, кому нечего терять, решаются на самые отчаянные поступки.

© Доставалов А., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	67
Глава 14	70
Глава 15	75
Глава 16	81
Глава 17	86
Глава 18	90
Глава 19	94
Глава 20	98
Глава 21	103
Глава 22	108
Глава 23	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Александр Доставалов

Ожог от зеркала

Часть первая Колледж

Пролог

Сколько было историй о гладиаторах и бестиариях, о фантастической удаче и удивительных боях... Все мальчишки играют в Арену, их село не было исключением. Тарас невесело улыбнулся. Крыша сарайчика превращалась в башню замка или гондолу дирижабля, сгнившая телега – в карету или пиратский корабль. Деревья оборачивались фок-мачтами, кусты – джунглями, корова становилась буйволом... и только большая лужайка за околицей всегда исполняла роль Арены. О, разумеется, Большой Тверской Арены, усыпанной золотым песком.

Это было здорово. Даже девочки участвовали в свалке, царапались, изображая заморских ягуаров... Легкие стрелы без наконечников отскакивали от одежды, раздирая разве что лицо. Более опасными считались пращи. Голову за лето разбивали почти каждому, но какой пацан обращает внимание на пустяки, если мозги остались в черепашке. Девочки радостно визжали, а пацаны дрались на топорах-самоделках, на копьях, на палках, то имитируя какой-то стиль, то впадая в нешуточную ярость, но, в общем, бестолково размахивая деревяшками. Несколько легких «ран» или одна тяжелая вычитали «жизнь», которых считалось по четыре. Подобный запас позволял наиграться каждому. Тарас снова улыбнулся. Из предосторожности выполнялось цивилизованное правило «не бить по голове». Единственной обязанностью «трупа» было отсчитать сто шагов да громко крикнуть, сколько жизней у него осталось. Затем следовало снова ринуться в свалку. Одно удовольствие! Под конец оставалось двое-трое самых ушлых. Они и выясняли, кому достанется победа, заканчивая бой в кольце зрителей – «мертвецов». А потом все бежали к речке, вспоминая особо удачные тумаки. Там купались, смывая грязь и кровь нечаянных царапин. И никто не плакал, так, чуть-чуть, даже когда Филиппке сломали палец.

Мечтали об Арене. Как кто-нибудь из них станет великим и славным бойцом. И столичные зрители будут записывать ставки на серебряных табличках. А девушки кидать украшения на сверкающий песок. Затрубят в свои трубы герольды-глашатаи, заиграет храмовый оркестр, в темный купол ударят зелёные фейерверки... Кто видел – никогда не забудет. Красиво... И во всех кабаках будут тосты за здоровье победителя, да залечатся раны его... А уж победителем великий и славный боец окажется запросто. Чего там! Махнул мечом, аки положено, и посыпались на тебя кованые серебром ногти.

Тарас запустил руки в волосы и сгреб свои лохмы в кулак.

Сбылась наконец мечта детства. Уже завтра ему могут выпустить кишки на столичной Арене. И богачи, и бедняки будут делать на него ставки. Теперь ещё стать бы великим и славным бойцом.

Сейчас бы не помешали запасные жизни. Хотя бы парочка. Отошел на сто шагов и крикнул... Не хочу я больше драться и пойду-ка я домой... Дома меня Варька ждет не дождется... Ждет... и не дождется...

Подумать только, ещё месяц назад ведь был вполне благополучным парнем. Только хорошее впереди. Только хорошее. Хотя нет. Месяц назад... Тогда он уже цокнулся со стражниками.

Глава 1

Сгнившая доска хрустнула под руками. Тарас сорвался с забора и прокатился по луже, кровь смешалась с грязью, не стряхнешь, теперь в толпе не затеряться. Калитка дрожала под тяжелыми ударами стражников, сейчас они будут во дворе. Школяр вскочил на ноги. Старая тачка без колеса, глиняные кирпичи покосившейся стопкой, ржавые ведра. Всё вокруг заросло чертополохом, но мало его, в угол не забиться. Из дома уже кричали, всклокоченная тетка грозно махала молотком, демонстрируя полную лояльность власти. Если возьмут, темница раем покажется. Изувечат прямо здесь. Самое малое – изувечат. Сбоку темнел вполне подходящий подвал, можно бы и отсидеться, если б... Тарас снова махнул через забор, выбрав для упора более подходящий столбик, зыбкое сооружение кольхнулось, цепляясь проволокой за рукава, и через секунду был на противоположной стороне. Как раз вовремя – засов слетел, во двор вломилось сразу несколько стражников. Передний без шлема, с окровавленным лицом, сволочной недавний знакомец.

Точно убьют.

Тарас был уже на крыше свинарника, бревенчатый сарай, конюшня, новый забор с двумя рядами проволоки, столько колючки, а во дворе тьякает щенок... Со всех сторон ощущалось движение: то ли подмога сбежалась на свистки охраны, то ли просто зеваки, но даже плодовые деревья под ветром шевелились как-то не так... Школяр вытер щеку, растирая пот, на ладони осталось красное.

Слева мелкой рябью поблескивала гладь скоростного канала. Не подумав, что делает, Тарас оттолкнулся от набухшей дождем скользкой деревянной черепицы, проросшей осклизлыми волокнами мха, красиво сложил руки и ласточкой нырнул в канал. Светлая, холодная, отливающая зеленью вода, вскипая мелкими пузырьками, охватила его со всех сторон.

Идиот.

Грязь и кровь, конечно, смоются, но он же мокрый будет, как мышь. Затеряться надо было, на проспект пробиться, а теперь как? Мощно выкладывая саженки, плечевой взмах, проворот, голову ниже, Тарас быстро, на одном дыхании, махнул канал, понимая, что времени у него максимум две минуты. В толпу теперь нельзя, может, на дерево какое... Стражники в воду не полезут, обегут по мосточку, но это совсем рядом. Помогая себе руками, пытаюсь бежать ещё по пояс в воде, школяр выбрался на грязный берег. Скользкие, заросшие травой камни, битое стекло и прочий мусор, хлюпающая обувь. Он наколол о камень руку так, что сразу закапала кровь, боли не почувствовал, наплевать. Кисть работала нормально. Торопливо, на карачках выползая на тропинку, Тарас распрямился.

И минуты не было.

Прямо на него бежали двое. Заступись, Сварог.

Школяр пригнулся, уворачиваясь от сильнейшего удара в лицо, и чуть подтолкнул нападавшего – продолжая движение, тот качнулся и рухнул с крутого берега в направлении воды, смотреть подробнее не было времени, зато второй, толстяк с лоснящейся мордой, сразу остановился. В руке у стражника была обитая кожей дубинка с металлическим кольцом для пояса либо кистеня, обычное оружие уличных боев, но замахиваться он не спешил, не рисковал, только покачивал кистью из стороны в сторону, понимая, что каждая секунда сейчас работает на него. Морда у стражника лоснилась то ли жиром, то ли слюнями, жрал, видно, какой-нибудь пирожок.

Сбить в прыжке такую тушу было нереально, тем более с места, да и вообще в нормальных условиях Тарас остерегся бы связываться с таким здоровенным дядькой, плюхой стражника вообще не взять, а от моста уже неслась целая орава с бляхами и свистками, форменные шлемы мелькали рыжим петушиным пером.

Убьют.

Понимание последнего качнуло Тараса вперед, он даже не заметил, что шаг этот спас его щиколотку от руки первого мордоворота – тот в воду не упал, а только съехал по откосу и теперь, помогая товарищу, цапнул вместо Тарика пустоту. Толстяк, усевшись в паузы, тоже пришел в движение и всей массой пошел вперед, махнул дубинкой, выводя снизу по левой почке, но тут Тарас упал, как бы поскользнувшись, а на деле пытаясь подсесть ногу сытого кабана, и удачно подсек – а на тренировках не всегда выходило, вся эта туша, нелепо взмахнув руками, грохнулась, открывая дорогу, и мокрый, снова грязный школяр, перекатившись через противника, юркнул в заросли акации.

Под ногами зачавкала натуральная помойка: огромная куча гниющих овощей, опять битые стекла. Но не до лоска было сейчас, даже, наверное, хорошо, побрезгуют гнаться, хотя знакомец с разбитой мордой – тот за ним и в отхожую яму полезет. Да сколько ж можно резаться, больно! Ещё какой-то забор, хватит с него заборов, каменная кладка, сарай, мосточки в две доски... Они же и улицу, наверное, перекроют, не схоронишься, найдут. Куда бежать, Свароже?.. Прямо над головой проплыла гондола, прицепиться бы сейчас, как в иллюзионе, с ветки, наверное, можно было доскочить, здесь уже дальше от моста, а чего теперь терять-то... На улицу нельзя, разве на дерево. Какое, на хрен, дерево? Город, не тайга, вся листва ободрана, помоечный тупик, дальше людно будет, дальше нельзя, опять сараи... Повинуясь скорее инстинкту, чем остаткам разума, Тарас снова прыгнул в воду, на этот раз не так эффектно, зато тише. Кусты, наверное, скрывали его от преследователей, ещё несколько секунд точно, сделал несколько гребков и, надоумил Велес, нырнул.

Если видели, как в воду вошел, то напрасно. Под водой плыть медленнее, тогда точно будут на выходе ждать, впрочем, и на скорости не оторваться. А вот если нет...

Нырлял Тарик отлично и успел хорошо вдохнуть, хотя легкие, конечно, прокачать не получилось, но пока нормально – его гибкое тело умело разворачивалось, обходя заросшие мутной зеленью коряги, руки шарили дно и синхрон звенящего барьера, под которым как раз пронесся скоростной вагон, и вынырнул он точно там, где хотел, – у мостков, под низко нависшим ракетником. Чёрные от сырости доски прикрыли небо, белее сейчас никто не полоскал. Ему отсюда всё видно отлично, а вот его... Его, наверное, тоже было видно, редкие листья на ветке ободрали посетители, что использовали мостки как лавочку для перекура. Посидеть, с мостков в воду поплевать... Глубина была небольшой, и стоять приходилось согнувшись. Стараясь как можно меньше высовываться из воды, Тарас продвинулся так, чтобы, кроме листьев, его прикрывал опорный столбик.

Стражники проскочили место, с которого он нырнул, и теперь озирались чуточку дальше – камнем можно добросить, что-то говорили, но слишком плескала вода. Один из «петушиных перьев» указывал в противоположную от Тараса сторону, очень кстати отвлекая внимание остальных.

Иначе бы точно заметили.

Не дожидаясь, пока короткий фарт пройдет, Тарас попятился мимо маленькой девочки, сосредоточенно лепившей что-то из песка, да в кусты прибрежные боком, согнувшись. Кажись, пара минут есть.

Кругом переливчато свистело. Со всех сторон набегают, сволота.

Сейчас на улицу выходить нельзя. Да ещё мокрому. Здесь, в этих закоулках, хорониться надо. Пока не столкнулся с кем-нибудь, пока... Вот. Он нырнул под старую лодку, стараясь не оставлять на песке следов. Вроде не видел никто. Вроде. Во всяком случае, окриков не слышно. Хотя хитрый зритель шуметь не станет, не спугнет. Уж несколько ногтей доносчику положены. Так, здесь уже ничего не сделать – вылезать да озираться глупо. Пока везло, пусть повезет и дальше. Даже собаку через канал они использовать не смогут, славно, хотя об этом он не думал, когда второй раз в зелёную воду сиганул.

Не привык удирать-то. И не хотелось бы приучаться. Если сейчас никто под лодку не заглянет... Тарас попытался качнуть борт своего плохо покрашенного убежища. Переворачивать её не будут, это вдвоем-втроем надо делать, это вряд ли. А вот заглянуть, конечно, могут, сейчас все закоулки будут прочесывать, много стражи сбежится... Что же делать? Надо как-то спрятаться, дополнительно спрятаться внутри лодки.

Тарас с детства любил такие ухоронки – забьешься куда-нибудь под кровать, а там, под кроватью, ещё и за мешок пыльный либо ящик старый завалишься. По самой стенке распластаться. Так что и заглянув не отыщешь: надо ящики двигать, и вроде пусто чтоб. В играх это работало замечательно. Самое время проверить, поможет ли это сберечь голову. Где тут стенка?

Мешков либо ящиков под лодкой, конечно, не было. Может, в песок закопаться? А песок куда девать, видно же будет, крот зароется, и то видать... Стоп. Конечно! Тарас подтянулся чуть выше и влез в самое лодку, в её носовую часть. Там оказалась старая рыбацья сеть и лопасть весла без рукояти. Стараясь не шуметь, поскольку сбоку уже слышался чей-то голос, Тарас вжался в эту нишу, пытаясь занять как можно меньше места и, насколько получалось, прикрыть голову и бок драной сеткой. Оценить результат он не мог, возможно, где-то нога или рука торчали, но при беглом взгляде могло сойти. Конечно, если заглянуть, да ещё и сетку ковырнуть...

– Да нет его здесь. В поселке этот козел, в поселке, на том берегу прячется.

– Девочка, ты здесь дядю плохого не видела?

Лодка скрипнула, качнувшись. Тарас затаил остатки дыхания.

– А Кирюхе так и надо. Сам небось к пацану полез.

– Сам, не сам, Кирюха свой. Этому спусти – тебе каждый встречный рыло чистить будет.

– А Кирюхе давно пора начистить. Молодец малой! Поймаем, скажу ребятам, чтобы не сильно изгалялись.

– Этот малой, между прочим, трех наших файерболом сшиб! Когда б не броня, могло бы пожечь.

– М-да. – Лодка снова скрипнула, как если бы на неё облокотились. – Совсем обнаглели школяры.

Дурачье, если б не броня магистрата, он бы не кинул файербол. Чай свои, тверские, зачем друг дружку гробить? Тарас повернул голову, пытаясь разглядеть хотя бы ноги говоривших. Мелькнула чья-то ступня, тяжело вминая влажную землю... Выгибаться дальше школяр не рискнул.

Несколько часов просидел он под лодкой, так что уже и стемнело, и обсох вроде, а потом постепенно угрелся, слушая плеск воды, и проснулся только от ночного холода. Облава, конечно, давно закончилась. Игравшая на берегу девочка скорее всего мирно спала в одном из домов неподалеку. Вся Тверь утихла в сумраке осенней ночи, и только он лежит в сетях под старой лодкой. Попал дурень в паутину, сожрет дурня Алевтина... Звенели редкие комары, в городе их было немного, работали очистительные заклятия санитарной службы. Тарас шагнул к каналу сполоснуть ото сна лицо и обнаружил, что весь в пыльной трухе и мелких ниточках.

Вид потасканный, как у бродяги. Первый же стражник подзовет, а оно ему сейчас... Школяр попытался отряхнуть с одежды мусор, но получалось медленно, каждую цеплюшку надо было снимать отдельно. Далекый фонарь почти не давал света, больше проку было от луны. В ближайшем дворе сонно гавкнула собака.

– Эта сеть, наверное, линяет, – мрачно пошутил школяр и подумал, что разумно было бы снова искупаться. Обувь уже просохла, он разулся, чтобы войти в воду, и тут же наступил на острый камень. Теряя равновесие, перескочил ногой на новое место и чертыхнулся – там вообще было какое-то стекло или штырь.

Просто праздник какой-то. Зараза. Весь покоцался, как на арене.

Тарас уселся на небольшой валун, весьма кстати торчавший на берегу, и попытался рассмотреть ногу. Крови почти не было, но прокол чувствовался глубокий. Школяр промыл ранку. До густожития придется хромать. Там есть подходящая мазь, до утра затянется.

С его удачей, конечно, босиком в темноте не бродят.

И что теперь делать? Белой полосы больше не будет. Бархатная, богатая сволочь... Как он его... Чья это карета, кто стоит за этими парнями? Бургомистр? Рязань? Литва? Или восточный Орден... Тогда уже не важно какой... Найти бы того, кто поможет да объяснит...

С первого курса отчисляют шестерых – так всегда было, так всегда будет. Самое опасное время, потому ближе к лету школяры и пьют реже, и гулянки утихают, выпендрож продолжают только самые отчаянные. Бывали случаи, и порчу друг на друга наводили. Учеба переходит в круглосуточный режим, цена на хроны возрастает, романов, несмотря на весну, почти не наблюдается.

Личную жизнь крутить некогда. Весной все учатся. Стараются. И не только потому, что интересно. А на лекциях, конечно, интересно.

Ставка при отчислении слишком высока. Ставка при отчислении – жизнь. Добровольно отданная во славу княжества и Колледжа. Так обозначено на «страховке крови», что при поступлении заполняет каждый школяр, и юридически этого достаточно. На деле львиную долю съедает Колледж, Княжеству достается ерунда, но провалившему экзамен это уже без разницы. Не всё ли равно, как поделят твои потроха? Родителям полагается почет и серебро в компенсацию. Колледжу – «сырец самоубийцы» и удача. Всё торжественно, всё весьма пристойно. В семьях, конечно, горе, но что ж поделаешь. Ни связи, ни деньги не могут спасти несчастного: качество экзаменов – это престиж Радужного Ордена, и следят за ним очень строго. Сила держится кровью, а сила в этом мире нужна всем. Был случай, отчислили дочь проректора – и тот ничего не смог поделать. Да и не пытался. Разрушающее мозг заклятие накладывают ещё до экзаменов, срабатывает оно на результат, так что спасти никого нельзя даже теоретически. Потом жертва медленно движется через «чистилище» – здесь хуже всего. В «чистилище» связи рвут по струнам, по ниточке, сознание окончательно разрушается, и под нож ложится уже только пустое тело. Иногда это преподносят как гуманизм.

Душа и разум струйками, малыми долями, сонными капсулами перетекают в магию Основы Основ. Тарас слышал, что это напоминает ночной кошмар, только с окончательным в него погружением. Гуще, четче и страшнее, пока личность не развоплощается. Растекается в серую муть. В белёсые жилочки. Говорят разное, правду смешивают со «страшилками», тема для школяров большая, а узнавший, что и как, уже ничего никому не рассказывает. В общем, отчисленный «уходит в вечность», а Радужный Колледж вбирает его удачу и плоть.

На втором курсе на смерть идут пятеро. Уже чуть легче. На третьем – четверо, на четвертом – трое. На шестом отчисляют только одного человека, но и этого хватает, чтобы учились все так, как никто и никогда не учится в обычных заведениях, где вместо отбора в мертвецы бумажные оценки.

В августе среди школяров начинаются кутежи и пьянки. Поминают ушедших, радуются новому году жизни, выпускают пар. В городе это понимают, даже стражники особо не пристают. Гуляют дней десять, по полной, с витринами вдребезги, с девками, песнями, драками, подвешенными огнями и почти без сна. Шпана в эти дни тихо сидит по норам, задирает школяров рискуют только курсанты. Открытые лавки либо богатеют, либо разносятся в хлам, как подфартит торговцу, редкие гондолы колыхаются, обвешанные гроздьями пьяных магов и флагами боевых соцветий. Красота! Трезвый школяр в эти дни редкость. Даже девки в зюю. Есть, конечно, самородки, что начинают учиться с первых дней, но на улице их не видно и

не слышно. Тарас к числу праведников не относился, хотя контроль обычно не терял. Пил, не нажираясь. Для веселья и, как положено, для души.

И в этот год вроде никого серьёзно не обидел. И рядом тоже не случилось. Не было причин. Так, по мелочи цеплялись. Кому-то в ухо дашь, так и сам получишь, и, довольные, разошлись. Нормальное гуляние, кому не нравится, дома сиди, за забором никто никого не трогает. Береги зубы смолоду – будешь в старости бабушку кусать. Ну, стражника заставили свисток и перья съесть. Было. Но тот, коренастый, в карете, он от стражников очень далеко. Да и не принято на школяров в августе обижаться, даже если зацепят. Не положено. Так на град никто не обижается – пошел, попрятались, прошел, и ладно. Нет, не оттуда его беды.

И не тверской этот, бархатная тварь, по всему видать, пришлый. Заезжий гость, ему должно быть неудобно. Теоретически.

Неудобно сейчас было Тарасу.

Большинство горожан, отсидевших «пьяную» неделю за забором, считают, что лихость у школяров в крови. Что обозначенное на «страховке» желание суицида в самом деле существует. Эта иллюзия поощряется через глиняных соловьев и ежедневные листки новостей, поддерживается Магистратом и самими пьянками. Школярам импонирует имидж «отсроченных самоубийц». Девки млеют, шпана уважает. Конечно, оттягиваются они круто. Даже профессиональные бойцы обходят в это время Колледж стороной. Фантастического исполнения драки, головоломные трюки на потеху толпе, чем особенно грешат первые и вторые курсы, кувырки по стенам – этого в августе хватает с избытком. Но сворачивать шею никто не собирается. Помогает гимнастика и бонусный контроль удачи. Школяр заранее чувствует, когда кувырок будет удачным, а когда о забор могут хрустнуть косточки. При всей бравате школяры не жалуют серьёзный риск.

Специальные тесты ещё в абитуре отбраковывают психопатов и неудачников, поэтому к экзаменам готовятся все. Отсев стимулирует к учебе, а любителей крайнего экстрима зазывает школа гладиаторов.

Так что июль всегда был кошмаром. Страшно. Кто-то это скрывал, кто-то хорохорился, но глаза изменялись почти у всех. На старших курсах почти привыкали. И ничего не поделаешь. Даже если все блестяще знают материал – а так обычно и бывало, – всегда найдется бедолага, который что-то знает хуже остальных. Десятые доли балла могли решить, кому учиться дальше, а кому стать основой и магическим сырьем.

Грызни, впрочем, не возникало. Колледж был устроен мудро, и некоторые этапы разрешалось проходить с напарником. Поначалу это мог быть любой школяр с твоего же курса, затем всё определялось в полное соответствие, в цвет, но такие счастливицы находились не всегда. Примерно треть школяров до самого конца оставались одиночками. А вдвоем было, конечно, полегче.

Никита – цветной¹ товарищ Тараса – рассказывал, что в Силезии отчисление проходит мягче. Мол, школяров просто отправляют на дрезденскую арену. А потом, если выжил, иди куда знаешь. Но, наверное, враки. Слишком сладенько. Ещё бы варенья на дорожку... Это ж и рассказать можно любой секрет, без клятвы какой с тебя спрос, и про Колледж с недругом поделиться... И кто учиться будет, если страха нет? Кто захочет даром кровь сцеживать? Будут вид делать, прогуливать, всячески филонить... Зряшная трата денег, никому такие специалисты не нужны. Откуда Колледжу основу взять без невинно убиенных? Или с книжек дурацких буковки рассказывать, без силы настоящей? Нереально. Не будет работать. А магия у немцев сильнейшая в Европе. Не могли они пойти на такую дурь, это либо Никита напутал, либо

¹ См. глоссарий в конце книги.

листок новостей заврался. Да и что нам германцы? На Руси все просто и правильно. Традиционно.

Отчислили – смерть.

Тарас учился на четвертом.

Только доучиться, похоже, уже не судьба...

Школяр закончил манипуляции с ногой, разделся и тщательно растерся ладонями, набирая в пригоршни темную воду. Слабая волна посверкивала луной и звездными бликами, иногда в реке что-то всплескивало. Рыба, наверное. На глубину школяр решил не заходить.

Он привычно произнес береговые и очищающие заклęcia, совершил вечерний намаз, снял накопившуюся порчу и отвел её пальцами в мертвое дерево. В данном случае идеально подошли старые мостки.

Бодрости прибавилось, и вообще сразу стало полегче.

Несколько раз встряхнув одежду, Тарас как мог разгладил её в смешанном свете луны и фонаря. С той липкой гадостью, что на него напустили, ни одной мелочи упускать нельзя. Сволочь кружевная, благородная. Такая тварь... Жаль, достать руки коротки. Сейчас надо чиститься. Элементарно чиститься. Хоть чуть-чуть этой дряни в бегущую воду убрать...

Тарас ещё раз отряхнул одежду и снова осмотрелся. Последние дни научили осторожности, ранее почти ему не свойственной. Странно, что он вообще до сих пор жив.

Школяр снял со щиколотки нательный амулет, что был у него совершенно особым, ополоснул его и приложился губами. Вернул амулет на место, под штанину, зачерпнул воды, возливая четырьмя каплями дань Велесу, убрал ладонями физически ощущаемый наволок – быстро копится, дрянь, – и пошел по тропинке вверх.

Полутьма ночных улиц приняла его тихим шелестом, листва баюкала мягких и сонных голубей. Припозднился.

Если идти в густожитие, то путь предстоял неблизкий, а глубинный монорельс уже закрыт. Рядом Лана живет, разве зайти? Ночь, конечно... Она-то поймет, а вот папик её припудренный... Нет, лучше прогуляться. Нога болела, но, заворачивая ступню вкось, можно было опираться. Главное, на прокол не наступать. Хихикать над походкой некому, дождя нет, часик-полтора без стражников – и он дома. А может, и повозка подбросит... Где-то у него оставался занычкованный золоченый ноготок...

Глава 2

Местность вокруг простиралась идиллическая – окруженные ягодными палисадниками, яблоневыми и вишневыми садами, бревенчатые русские хаты чередовались с аккуратными белыми домиками, крытыми красной черепицей. Архитектурные веяния Европы добрались и до тверской земли. Повсеместно подобные постройки не распространялись, поскольку лес как материал был привычнее, но встречались домики часто, почти безошибочно обозначая купеческие семьи. Иногда здесь держали микроклимат, сады побогаче выделялись роскошными персиками и виноградом. Общего ландшафта они не портили, даже радовали глаз. Везде следует соблюдать чувство меры.

Однажды местному нечистому на руку мировому судье пришла фантазия создать вокруг своей усадьбы тропики. С павлинами, пальмами, дождями и бамбуковой травой. Оно, естественно, влетело в ноготок, но маги-подрядчики сделали. Смотрелось это дико – пальмовая роща среди сосен. По фантазии судьи там ещё фонтан с вином плескался, прямо в роще – пей сколько душеньке угодно да бананами закусывай. Веселый хозяин купался в фонтане с городскими девками. Шестеро мордастых слуг охраняли это изобилие от соседей. Оно бы и наплевать, деньги чужие, но постоянный заволок тумана, по всему району дожди, их и так в Твери избыток... Обезьяны галдят, а как вина напьются, разбегаются, потом греются по окрестным сараям, пугают старух и ребятишек...

Кончилось тем, что вмешался Князь.

Пальмы без тепла вымерзли, макаки разбежались по лесам и передохли, а вороватого судью, расспросив в зиндане, отправили на арену.

Развлекать народ, который он обокрал.

Судья оказался крепким мужиком и два первых боя выиграл. Но для реабилитации полагалось выиграть четыре, а в третьем его убил именитый заезжий грек.

Более желающих развести на тверской земле пальмы не находилось.

Персикам повезло больше – их природа приняла. Конечно, вызревали они поздно, но все же плоды наливались золотистым соком, доставляя ребятам немало радости. На тёплых кругах росла даже черешня, но в ней заводился маленький, пакостный белый червячок, так что приходилось заглядывать в каждую ягоду. Простому мужику тёплый круг, понятно, был не по ногтям, так что черешнями не увлекались, а вот персиками засаживали целые сады. Заклятия на жуков и удобрения постепенно дешевели, и даже на червячка внутри черешни обещали найти управу. Правда, пока не находили.

Вот и в этом году славные уродились персики.

Два всадника на чёрных конях ехали по разбитой колёсами дороге.

Редкие прохожие сторонились, снимая шапки, заблаговременно отступали. Мужик в телеге не раздумывая съехал в канаву – всадники двигались ровно посередине, – и теперь ему предстояло немало помучиться, прежде чем он сможет продолжить путь. Впрочем, огорченным мужик не выглядел, да и вытаскивать телегу не спешил – стоял себе, согнувшись, сжимая в руке лохматую шапку, и, что-то нашептывая, отбивал размеренные поклоны вслед проехавшим господам. И не ругался.

Несколько деревьев вдоль дороги были дочиста ободраны прохожими либо ребятей, только в самом верху виднелось нечто, полурасклеванное птицами, а вот в стороне, за высоким забором... Один из всадников протянул руку, напряг пальцы и сорвал персик, как бы взяв его из пустоты. Брезгливо осмотрел, вытер чистейшим кружевным платочком и решился надкусить. Выражение его лица изменилось, движение бровей показало, что на вкус персик вполне соответствует. Второй также протянул руку, сорвал в стороне сада покрытый пушком плод и впился в него крепкими зубами без всяких гигиенических приготовлений. Ещё раз откусив, владелец

кружевного платочка бросил недоеденный плод в канаву. Его спутник, напротив, тщательно обработал даже косточку, затем вытер измазанные соком пальцы прямо о полы чёрного плаща. Этот всадник был крепок, коренаст и как-то очень устойчив, в седле сидел, практически сливаясь с лошадыю.

– Объясни мне, Грач, почему мы едем верхом? – Более худощавый владделец кружевного платка улыбнулся тонкими губами. Лицо его было желчным. Плащ переливался оттенками темно-гранатового цвета.

– Не понял. Ты предпочитаешь зельцкабину?

– Нет, конечно. Зачем рисковать там, где нет необходимости? Но почему мы не едем в экипаже?

– Лизо, мы каждый год ездим в Матвеевку верхом. На сухом ручье дорога кончается.

– Но твой экипаж, он вообще-то цел?

Коренастый недовольно двинул бровью. Он сообразил, куда клонит собеседник.

– Там все нормально. Только краску сбили да немного ось.

– Что ось?

– Расплатало ось. За полчаса отремонтировали.

– А, ну хвала тёмному пламени. Значит, с экипажем все в порядке?

– Всё в порядке с моим экипажем, всё в полном порядке. А в Матвеевку мы с тобой и в прошлый раз ездили верхом, и в позапрошлый. И в следующий раз поедем верхом тоже, потому как дорога тут плохая и тряская, и мост сносит на каждом паводке, так что приходится вброд переезжать.

– Я полностью согласен с тобой, Грач, – невозмутимо ответил худощавый спутник. – Я рад, что ты не боишься ездить в карете, как можно было бы предположить.

– Из чего это можно было бы такой бред предположить?

– Ну, из недавнего эпизода, разумеется. Парнишка здорово тебя отшил.

Коренастый натянул поводья, и конь его, всхрапнув, остановился.

– Что ты имеешь в виду?

– Просто радуюсь, что при нас не было дам. Ты всегда такой важный при дамах.

– Отстань, Лизо. Неужели ты считаешь, что я буду всерьез связываться со школяром?

– Да что ты, что ты... Наоборот, я вижу, ты проявил разумную осторожность. Он ведь будущий маг и волшебник...

– Лизо, ты меня не заведешь. Я сделал то, что должен был сделать.

– О да. – Его собеседник восхищенно прищелкнул пальцами. – Ты начистил морду этому простолодину. Я, разумеется, говорю про кучера. Ты его побил. Руками по лицу. Ты справился с ним один на один и без всякой помощи. Но потом выскочил этот школяр и начал кричать. Он так страшно кричал, я испугался. Хорошо, что ты держал ситуацию под контролем.

– Отстань, Лизо. Мальчишка ни в чем не виноват.

– Разумеется. В тебе заговорило врожденное благородство. Твое потрясающее чувство справедливости. Хорошо, что он не дал тебе пощечину – а то бы ты уверовал в секту Христа и подставил другую щеку.

Рука Грача непроизвольно дернулась к рапире, но тут же остановилась.

– Неужели ты думаешь, что я действительно его испугался?

– Я думаю, что ты позволил этому быдлу говорить с тобой на равных. Более того, ты позволил на себя кричать.

– Он лишь чуть-чуть повысил голос. И потом, он же был прав. Лизо, почему ты всегда хочешь чьей-то смерти?

– Потому что так велит наш закон.

Чёрный всадник снял руку с гарды клинка. Как пальцы снова скользнули на эфес, он и не заметил.

– Хорошо, что ты хочешь? Что я, по-твоему, должен сделать с пацаном?

– Убей его.

– Ты маньяк, Лизо. Его проступок заслуживает наказания, но это не обязательно должна быть смерть.

– Не забывай, ты тоже совершил проступок. Ты потерял лицо перед простолюдином.

– Никто из них не знает, кто я такой.

– Это не имеет значения. Я знаю, кто ты такой и как должно вести себя валчу в данной ситуации.

– Пацану и так досталось. Он вряд ли выживет, Лизо.

– Ты должен был его убить.

– Ты решил меня упрекнуть? Мы, может быть, будем драться?

– Мы не можем с тобой драться, и ты прекрасно знаешь почему. Кроме того, любой исход такого поединка был бы в пользу наглого сопляка, так что это глупо дважды.

– Что ты предлагаешь?

– Убей его.

Коренастый, видимо, взял себя в руки и снова тронул коня.

– Я не имею права на поединок.

– К чему тебе поединок? Просто убей его. – Лизо повернул на пальце кольцо, любуясь крупным рубином.

– Ладно. – Коренастый пожал плечами. – В конце концов, спорить особо не о чем.

Худощавый удовлетворенно кивнул.

– Итак?

– Что? – Грач явно притворялся, что не понял.

– Неделя? Две недели? Три?

– Мы же в Матвеевку едем. К чему спешка? Пусть будет полный лунный месяц.

– Я приму на себя его смерть.

Мимо школяра, важно покачивая перьями парадного плюмажа, проехал рыцарь. Самодовольное лицо лоснилось от сознания своей бескорыстности. Такому в руки попадись – хуже стражников, даром что Башни призывают служить только добру и справедливости. Добро, по понятиям рыцарей, нуждается в защите. Оно в световой броне и всегда бьёт первым.

Тарас ещё раз отряхнул одежду, стараясь придать себе максимально законопослушный вид. Этот кабан раскормленный на своей службе добру столько беды наделает, хуже татя ночного...

Рыцарей Тарас ненавидел. Вот и сейчас подкатило – чёрной кровью к глазам – ударить, плюхой с лошади сшибить, свалить в придорожную пыль, ногами забрало в харю вплющить... Отметелил бы легко. У рыцарей нет специальных оберегов, как у городской стражи, ежели одного, да со спины... По-подлому... И пусть до утра лежит, а панцирь световой продать – он дорогуший... Вот только ведуны магистрата... Уже завтра к вечеру на дыбе придется подлинную да подноготную рассказывать. Ту самую, что на растяжке, да под ногтями... Которые, между прочим, пойдут этому уроду в компенсацию. Да и не сделал ему этот парень ничего плохого... В общем, ничего пока не сделал... Так что...

Пусть едет, тварь.

Тарас передернулся, а рыцарь, мощный громила на такой же мощной лошади, спокойно проехал дальше, не подозревая о клокочущих чувствах прохожего школяра.

Шло это из глубины, от самого сердца, и объяснение тому было до крайности простым. Тарас и сам его понимал, это объяснение, но понимание ничего не отменяло. Так искусанный в детстве собакой человек может всю жизнь до обморока пугаться каждой мелкой шавки. Башню рыцарей не особенно жаловали в городе – никто не любит узду, – но Башня поддерживала порядок, а идеальной справедливости, как горизонта, никому и никогда не достичь...

У Тараса не было к рыцарям обычной неприязни. Это было другое, лютее чувство. Смеркалось.

Здесьняя дорога идиллической не была. Скверная проселочная грунтовка. Чаше встречались колдобины, промоины, стволы упавших деревьев перегораживали путь. Их даже не отгаскивали в сторону, местные телеги предпочитали лепить завороты, объезжая препятствия по кривой.

Дорогой не занимались уже лет десять, и причина тому была обыкновенной – соединяла она малые волостные села, и, соответственно, на неё никогда не находилось денег.

Торговцы, однако, здесь иногда проезжали. Приходилось брать специальных носильщиков, вытягивать застрявшие в грязи подводы, так что сами купцы уже поговаривали о том, что неплохо бы скинуться, да и вычистить, вымостить её наконец. Или хотя бы прогатить некоторые самые топкие участки... Вот уже год, как об этом говорили.

Четыре забранных в железо охранника с волчьими хвостами на шапках, три телеги, тяжело груженные товаром, носильщики с поклажей и купец со своей спутницей – небольшой караван медленно двигался по темнеющему лесу. Ветки деревьев нависали всё ниже, гнус не давал вздохнуть, колею размыло осенними дождями, к тому же часто встречались родники. Ноги в тепле сохранили только всадники, пешие уже спокойно шли через лужи вброд, помогая лошадям, подталкивали телеги. Мужички топтались сбоку, каждый нес мешок с одинаковыми заплечными лямками. Сбоку идти проще, в колее стояла вода, да и повороты срезать удобнее по тропинке. Телеги явно замедляли движение, носильщики могли уйти далеко вперед, но не уходили, держась всё время рядом, чтобы в случае нужды быстро вытащить, приподнять застрявшее колесо.

Помогать лошадям приходилось часто.

Замыкал движение пятый охранник, совсем молодой парнишка с арбалетами, которыми он целил то в галку, то в ежа, благоразумно не спуская курок, но весело скалясь и бормоча себе под нос, как малые, играющие в войну дети. Судя по короткому «пух», он воображал свои арбалеты мушкетонами.

Охранник постарше, ежась внутри панциря, повернулся к купцу.

– Михалыч! Может, всё-таки привал разобьем? Засветло до Спас Угла уже не добаться.

– Привал у нас на месте будет.

Ехавший впереди охранник, которому, несмотря на броню, явно было беспокойно, тоже обернулся к хозяину:

– Шалят в этих краях ребята, как бы нам на них впрямую не наехать.

– Всё может быть, – меланхолично ответил Михалыч.

– Дык, может, это... Костер, да на ночь от греха. Стать тут...

– Ага. Шатры разбить, костер наладить... А вы вчетвером оборону вокруг возьмете. Митьку-то можно и вовсе не считать.

– Караул можно поставить... – неуверенно сказал охранник, которому, похоже, просто нравилось вести беседу.

Михалыч, широкоплечий купец с чёрной окладистой бородой, на минуту задумался, потом решительно помотал головой.

– Ты в прошлом карауле полночи продрых, не годится это. В Спас Угле отряд, скоро уже там будем. Не хрен было телегу в ручей переворачивать.

Охранник что-то буркнул про соскочившее колесо, но более перечить не решился. Молодая купчиха жалась к мужу, боязливо глядя в нависающий ветвями сумрак. Купец успокаивающе погладил её плечо. Улучив момент, Михалыч расстегнул нарукавный кармашек, из которого торчал небольшой жезл с желтым колпачком.

Мужички возле телег тоже присмирели, движение сделалось более складным, даже лошади как будто ускорили шаг. У каждого холопа на поясе висел длинный нож, в руках топор

либо обитая железом дубина, но чаще и чаще оглядывались они на лесные шорохи, и настойчиво, без понуканий хозяина, торопили коней.

Комаров было много. Купчиха молчала, покачивая перед лицом зелёной веточкой, только глаза поблескивали из-под плотного, яркими цветами расписанного платка-полушала. Товар на телегах, видно, был дорогим – мало три телеги для такой охраны – и небьющимся, поскольку упавший тюк без всякого смущения закинули обратно.

Как-то тише стало вокруг, в легкое дыхание леса начали вплетаться уже не вечерние, а ночные шорохи. В общем, всё шло нормально, даже бабушка какая-то, по одежде – из местных, проковыляла им навстречу. Котомка, козленок на веревке. Совершенно обычная бабушка – недоверчиво проводила взглядом караван, не рискуя подходить с разговором. Митька, играя своими арбалетами, сунулся было к ней, но старушка, как только всадник свернул в её сторону, припустила куда-то вбок, выволакивая своего козленка, лихо скакнула через канаву, юркнула между кустов... Заскучавший Митька остановил коня, а сбоку уже ржали мужички-носильщики.

– Что, паря, на козленка никак позарился?

– Нет, он старушку хотел. Это...

Рябой мужик чуть подкинул мешок, ловко поправляя плечами лямки.

– Понятно, старушку. Старушка-то хоть куда, сочная. Митька, ты ещё успеешь.

– Да заткнитесь вы, дурачье. – Митька попытался сплюнуть сквозь зубы, но плевок не получился, что только поприбавило гоготу.

– Эва, слюни уж распустил.

– От, лиходея, думает, козленка съем, а старушку...

– Нет, мужики, не так. Он думает, старушку съем, а козленка...

– Нет, он и старушку хотел, и козленка, засиделся за день, запарился. Раскочегарился об седло. Эва, как ёрзает.

– Да, Митька, влип ты в историю... Напугал бабку.

Молодой охранник матюгнулся и проехал вперед, на ходу охаживая коня плетью. Мужики ещё долго скалились ему вслед. Впрочем, в голосах слышалась неуверенность.

До Спас Угла оставалось полтора часа дороги. Самые гиблые места караван миновал. Купец застегнул клапан на руке, жезл с желтым колпачком исчез в глубине кармана. Один из охранников, отметив это движение хозяина, вытащил из седельной сумы кусок сала, хлеб и зелёный лук, примостил хлеб на левом налокотнике, а остальное начал аппетитно грызть, с хрустом сминая зубами сочные перья. Мужички вдоль телеги с завистью на него поглядывали. Вечерять собирались только по приходу на место. Кто-то смачно зевнул, прикрыв рот грязными пальцами, кто-то уже и топор в мешок запрятал, и тут охранник смертно поперхнулся. Короткая стрела вонзилась ему в горло, качнув оперением у самого кадыка. Зелень во рту окрасилась кровью, стражник, царапая руками панцирь, качнулся в седле и рухнул, роняя нехитрую снедь и оружие.

Его напарник явно стухнул, втянул голову в плечи так, чтобы шлем возможно больше соприкасался с панцирем, и вытащил из-за пояса боевой топор. Мужики сразу сгрудились вокруг телег, один из них опустил на колени и накрыл голову руками, остальные нерешительно покачивали дубинами, не зная, что предпринять. Купец, лицо которого осунулось и почернело, вытянул из-за пазухи странного вида мушкет, короткий и с двумя стволами. Инкрустированная серебром вещица смотрелась не особенно грозно, но, судя по тому, как холодно он готовил её к действию, глядя в лес мертвыми глазами, игрушка не была пустяком. Переломанный жезл уже валялся под копытами.

– Бросай оружие! – уверенно крикнул невидимый разбойник. – Кто хочет жить, бросай дубины наземь!

Мужики возле телеги неуловимо заколебались.

– Это Хвощ, – ни к кому особенно не обращаясь, негромко сказал купец. – Он оставит в живых одного, и то без пальцев.

Приободрившись от ужаса, мужички сгрудились вокруг хозяина, явно не имея никакого плана действий. Подскакавший сзади молодой стражник в съехавшей кирасе улыбался дикой улыбкой и вытирал со лба кровавый пот. Длинная царापина шла по левому его виску, ещё одна стрела застряла в плечевом доспехе.

– Чего делать-то, Михалыч? Оборону мы тут не удержим. – Два схожих обликом холопа, видимо, братья, заваливали телегу набок на манер щита.

Властный голос из-за деревьев, казалось, приближался:

– Оружие наземь, а то всех перебьем!

– Не робей, паря, я вызвал отряд. А стрелок уже, наверное, на птицах. – Купец закончил манипуляции с пистолетом и теперь сидел спокойно, чуть согнувшись, так, чтобы блестящая цепь на плаще прикрывала грудь.

– Не бойсь, мужики. Их, может, всего человек несколько. Сами нас боятся, только стрелят да грозят, чтобы зброю покидали. Не бойсь, сейчас стрелок прилетит.

– Может, через лес пробиться?

В этот момент с треском начала рушиться сосна, заваливаясь ровно поперек дороги, почти одновременно с ней, сзади, ещё одна, и ещё два крупных дерева, вперекрест, переложили колею вдоль.

Деревянной скорлупой хрустнула под стволом телега, братья едва успели отскочить. Один из них тут же выгнулся дугой, хватаясь за почерневшую рубаху, из-под руки торчали перья, а другой, мотая всклокоченными волосами, увернулся от топора наскочившего лесного татя, махнул в его сторону дубиной, слегка задев нападавшему плечо, отступил на ровное, на поляну, и тут же упал навзничь, пронзенный сразу двумя стрелами. Выскочивший на прогалину разбойник получил пулю в живот и стрелу в плечо от молодого стражника, согнулся, выцарапывая свинец скрюченными пальцами, но следом уже бежали человек пятнадцать одетых в невообразимые лохмотья молодцов, что-то хлопнуло, сбоку пронзительно закричала купчиха, и со вторым выстрелом Михалыч промахнулся. Молодая женщина стала заваливаться на бок, купец, собиравшийся подхватить её лошадь под уздцы, потерял несколько мгновений, пытаясь понять, откуда столько крови и отчего закатились дорогие глаза, и вдруг вздрогнул, ощутив внутри себя длинное узкое лезвие. Пистолет с чеканной рукоятью выпал из его руки.

«Волчьи хвосты» вдвоём взяли в сабли первого бандита. Парень с рассечённым левым ухом – когда-то вырвали серьгу – уверенно отвёл один удар и ушёл от второго, а передний охранник с надрубленным запястьем едва не выронил клинок. Малая эта заминка была смертельной, несколько бродяг со всех сторон облепили всадников, потащили из сёдел какими-то крючьями и дубьём, вылетел из темноты нож и вонзился в плечо, укрытое волчьим хвостом и кольчугой. Вяло сопротивлявшиеся мужики частью сразу легли под топорами разбойников, частью брызнули в лес, особо за ними никто не гнался. Одного только уже на опушке достал крупный всадник, закованный в дорогую броню, но сидевший на такой кляче, что сочетание это могло бы вызвать смех, если б не стекавшие с кистеня капли крови. Охранник постарше долго отмахивался боевым топором, на него наседали сразу пятери разбойников, клинки скользили по кованым бляхам панциря, цвенькнула о кирасу стрела, нападавшие, отсекая всякий путь к отступлению, старались ни в коем случае не задеть лошадь. В конце концов его все-таки достали, вроде чуть-чуть зацепили пикой голову, но охранник стал заваливаться на бок и попал ещё под несколько ударов, каждый из которых нёс в себе смерть.

Митьке, молодому охраннику, повезло больше, он проскочил через всю поляну, прямо сквозь бегущих на него людей, уклоняясь от копий и отмахиваясь разряженным арбалетом, швырнул своё оружие в последнего бродягу, что пытался дотянуться до уздечки, перескочил,

как на скачках, через поваленный ствол сосны и, вытягивая коня плетью, вылетел на большую дорогу.

Высоко над ним прощуршала стрела, попусту сбивая ветки, но это было уже не опасно. Конный бандит в латах, что был совсем рядом, добивал в это время злосчастного мужика, и охранник благополучно растворился в лесном сумраке.

Митькин конь был лучше лошадей нападавших, и преследовать его никто не стал. Кровь, что так обильно окропила землю при грабеже чёрнобородого купца, не оправдывалась даже попыткой убрать свидетелей. На свидетелей душегубам было наплевать.

Кровь была просто кровью.

Восходящая луна освещала тела, вбирающие смертный холод.

Глава 3

В башне рыцарей переливался закат. Ровное тепло, слабый запах пряностей, тихая жалоба флейты. Зеркала и малая толика красочной магии, поддерживая уходящий свет, создавали великолепные эффекты. В сочетании с выходящей по стенам зеленью получалась особая, расслабляющая цветовая гамма. В сумерки здесь с той же целью зажигали живой огонь, места для установки факелов были строго просчитаны.

Рыцарь должен полноценно отдыхать и восстанавливаться. На вырубку всевозможной швали, мешавшей жителям работать на благо Княжества, уходило немало сил и крови. Рыцарь должен полноценно питаться и хорошо спать. Потому на столиках – мази для массажа, вазы с фруктами, остатки персидских сладостей и остывшее мясо.

Впрочем, обязанностей у рыцарей тоже хватало. А из собственности они могли иметь только оружие, коня и доспехи.

Огромный зал, насыщенный багряным пламенем, картинами и позолотой, был практически пуст. Тропические птицы, что обычно щебетали в серебряной клетке, сидели нахохлившись, столы для игры в кости сохраняли память о брошенной игре, на женской половине осталось лежать дневное рукоделие. Все разошлись, даже музыкальное веретено, тоскующее звуками флейты, звучало как-то особенно сиротливо. Один-единственный человек полулежал в огромном кресле, читая старинную книгу в высоком окладе. Желтые от времени страницы фолианта напоминали скорее пергамент, чем бумагу.

Дубовые резные двери растворились, и на пороге появился рыжий парень. В левой руке – банальные грабли, за зубья которых зацепился проколотый кленовый лист. Войдя, он сразу потянул со столика напиток темно-вишневого цвета и в несколько глотков осушил кубок. Затем воззрился на читающего. Тот повернул книгу к свету, чтобы рассмотреть иллюстрацию. Гравюры потемнели от времени и вообще были мелковаты. Склонив голову и всем своим видом выражая недовольство, вошедший укоризненно поцокал языком. Прямо перед ним, уютно развалившись, отдыхал его цветной друг. И оно бы ничего, вот только во дворе башни все работали как пчелки. Отдыхать – это нормально, это даже положено, когда время отдыхать. Но не когда все решили поработать!

Конфликт назревал по противоречию «не обязан, но так принято».

На длинноволосого смазливового блондина, что сидел к нему вполоборота, мимический демарш рыжего не произвел никакого впечатления. Он и глазом не повел. Рыжий ещё немного поцокал, подождал. Наконец блондин перевернул страницу. Следующую он читал так же вдумчиво, нисколько не тяготясь присутствием зрителя.

– Честь и порядок, Олег.

– Виделись, – буркнул читатель, не поворачивая головы.

– Так и собираешься сидеть? Чем ты вообще занят?

Светловолосый отложил книгу.

– Ты разве не видишь? Отдыхаю.

– А все работают. Неделя листопада, солнце только село. Вроде как договорились. Тебя Анна просила помочь. – Светловолосый вопросительно поднял бровь. – Чего-то там надо принести.

– Я, между прочим, ни о чем не договаривался.

– Понятно, ты в наряде был. Но остальные договорились.

– Каждый договаривался за себя. Я бы не согласился. Физический труд меня раздражает. Рыжий только крякнул, неодобрительно покачав головой.

– Но Анна просила помочь. Причем именно тебя.

Блондин недовольно поиграл бровью.

– Я думаю, она просила не как прекрасная дама, а как старший звена. А распоряжения их звеньевых для меня не обязательны.

– Ну, в общем, да. Просто ей хочется увидеть тебя работающим.

Блондин вместо ответа потянулся, устраиваясь поудобнее. С ноги соскользнул вышитый восточный тапочек с высоким загнутым кверху носком, а сама нога заняла надлежащую позицию в кресле.

– Так ты идешь?

– Я подумаю. – Холеные пальцы снова раскрыли книгу. – Но скорее всего нет. Мне нужно сосредоточиться. Настроиться на поиск.

– Классно ты устроился, Олег. – В интонациях Андрея смешались восхищение и возмущение. – И ничего не делаешь, и вроде как при делах.

– Потому что у меня особая работа, – невозмутимо буркнул длинноволосый красавчик. – А для неё мне надо прийти в соответствующее настроение. Это тебе не с лозой бродить.

– И сначала нужно расслабиться. Я в курсе.

– Ежели в курсе, так не отвлекай меня по пустякам.

– Уже растворяюсь, о великий. Просто завидно иногда.

На небе проклюнулись первые звезды.

– Ну, как он там? Придет? – Молодая женщина в строгой одежде вопросительно посмотрела на Андрея.

– Нет, но объяснил мне, почему не должен работать. Чувствуется, что он много об этом думал. Свин.

– Вот лентяй. Просто ужасно. Как можно отдыхать, когда все работают?

– Лентяй, не лентяй. Главное, не подкопаешься, кругом прав. И в бою он стоит троих. Таких, как я. Может, как раз потому, что силу зря не тратит.

Женщина молча покачала головой, не соглашаясь с логической связкой. Руки её споро-висто паковали собранные уже листья, заворачивая их в специальный материал, напоминающий пленку. В дальнейшем из каждого такого мини-тюка получится замечательный перегной. В обслуживании цветников и зимнего сада рыцари обходились собственными силами.

– На нижнем кольце, что с подогревом, опять вода протухла.

– Потому что маги-коммунальщики её не меняют. И не собираются менять.

– Открыли, а там такая вонь.

Андрей улыбнулся. Обоняние Анны иногда создавало ей проблемы.

– Но они правильно говорят. Полная закольцовка, чего зря напрягаться.

– А вот как сейчас. Ладья трубу камнем зацепил – потекло прямо на штанину. Фу!

– Бесполезно обращаться. Заменят, конечно, но скажут, не цепляйте. Ладья вечно как слон. Рад, что здоровье как у лошади.

Анна улыбнулась. Сравнение было правомочным.

– Пусть хоть заменят.

Андрей кивнул. Как-то сложилось, что почти всё, касавшееся быта, звеньевые поручали ему.

В углу сухо защелкал глиняный соловей. Женщина приложила птицу к уху, сдвинула клюв, и её улыбка сползла.

– Не до листьев сейчас, Андрюша. У Спас Угла купцов порубили.

Ночью город замирал. На окраинах можно было нарваться на неприятности, посадские не жаловали случайных прохожих, но сейчас, под утро, разошлась уже и шпана.

Тарас ковылял по ночной столице не впервой, но обычно повод для прогулок был более приятен – какие-нибудь сердечные дела. Официально в Колледже считалось, что он «ходит с Варькой», да так оно и было, впрочем... Ничего особого они друг другу не обещали, иногда... У каждого ведь бывает иногда? Его пассия, если и знала о загулах, никак не реагировала. Тарас

свои похождения не афишировал, и так оно всё тянулось непонятно куда вот уже третий год. За Варьку он готов был любому зоб порвать, но вот поди ж ты... Всё как-то не ладушки, то влипнет, то вступит... Случалось и в канаве очухаться с разбитым вдрызг лицом. Для школяра считается нормально.

Тарас обогнал плывущую по улице бабушку. Прохожих не было, и школяр даже оглянулся, выясняя, куда среди ночи движется столь благодатная старушка. Нога уже разошлась, и скорость Тараса приблизилась к нормальной. Бабушка строго на него посмотрела, придвинула к груди белый узелок и показала клюкой: иди, мол. Пока не пришибла. Вот предложи такой помочь, ещё и вдарит.

Ведь звала ж Варя в тот вечер, как человека звала, сходили б в чайхану, посидели бы, потанцевали... Ногтей пожалел. Пожадничал. А на экипаж золоченый ноготок нашелся, пыль в глаза пустить... К кому он тогда ехал? И не вспомнить уже, кажется, ткачиха... Безликая фифочка с Затьмачья.

Тверь считалась не похожей на другие столицы. Тарас мало где бывал, но так говорили ребята, видевшие Саксонию, Фландрию, Рязань или Литву. Слишком обильным было сплетение рек, и необычной получилась городская застройка. В центре, понятно, густо лепились высотки, вдоль широких бульваров поднимались шести-, восьми-, даже десятиэтажные дома. Балкончики, барельефы и башенки нависали над сонмищем уличных лавок, утопающих в зелени трактиров, ремесленных мастерских... Плотно все, но чисто – магистрат очень строг насчет уборки, – мощенные булыжником мостовые, на которых в любую погоду не было грязи, ряженная лентами конка, птичьи шары, многолюдные базары, висячие мостки для пешеходов... Здесь схлестывались, переплавляясь в единую мелодию, размеренный ритм Запада и протяжные песни Востока, добавляя городу красок, пряностей и многоголосой суеты. Рядом с центральными улицами, затейливо с ними переплетаясь, тянулись обширные районы как бы окраин: одноэтажные дома то с лужайками, то с помойками, с огородами, давно нечищенными прудами – трущобы холопов. Все это было скошено, скособочено, лепилось на оврагах и откосах бесчисленных ручьев, но посадские, или слободские, жили, таким образом, в самом центре города. Именно это сплетение придавало столице Тверского княжества неповторимый колорит. Развести кварталы было невозможно.

Высотные башни летающих гондол прокалывали столицу в шестнадцать местах, соединяя отдаленные районы, но основной поток пассажиров перевозил подводный монорельс. Волга, Тьма, Тверца, Лазурь и Тьмака – пять рек в черте города плюс углубленные ручьи и каналы. Скоростные линии сверкали по всем направлениям, спаренные вагончики монорельсовой дороги сновали под толщей воды, остановленной обычным рабочим заклятием, без всяких наворотов и золотых фонтанчиков. Сквозь некрашеную толщу виднелись рыбки. Все пассажиры могли наблюдать нехитрую речную жизнь, мутный туман смешанной формации напоминал мягкие аквариумные стекла. Конечно, можно было намешать цветов, рекламы, закрутить воду спиральными столбами, как часто делали и в менее значимых городах Княжества. Смотрелось бы, но столичный магистрат ценил прежде всего надежность. Поэтому дорога была скучновата – строгие линии, правильные углы, немецкая регулярность движений... Даже течение в Твери не гасили, и путь с востока на запад не равнялся пути с запада на восток. Впрочем, горожане давно к тому привыкли. Зато ни единой аварии, от первого монорельса и до нынешних времен, а в других городах, бывало, прорывалась сквозь углы водичка. По ночам это великолепие не работало, транспорт стоял, вода обтекала пустоты.

Заводские и купеческие кварталы, сплетаясь, выделялись резной многоярусной застройкой. Здесь было и красиво, и удобно. Магические площадки лепились к ручьям и акведукам, работали там обычно по пять-восемь человек, прокачивая воду и сырье в самые различные артефакты. Днем здесь колыхался цветной, иногда даже едкий туман соответствующих ингредиентов. Лишняя энергия тут же переводилась в тепло или качала в башни воду. Чистенько, не

коровам хвосты крутить. И транспорт продуман, и быт. А складки переливчатые, что гасили шум и лишние запахи, – это вообще загляденье. Если б они по составляющей не требовались, их следовало бы выдумать только из-за радужных пленок.

Первое время Тарас подолгу смотрел на игру пляшущих цветных теней, что равняли пространство у полевых разрывов. Производство всегда красиво. А стоило уйти с мелко мощенной мостовой, свернуть в проулки, как открывались архаичные одиночные домики. От продавленных временем бревенчатых изб до изысканных коттеджей, в беспорядке перемежая завороты и тупички пешеходного лабиринта. Овраги, балки, висячие мосты, а где и доски внахлест, лужайки, на которых паслись козы, коровы и даже лошади...

На перекрестках всю ночь стояли патрули, а в частном секторе охрана появлялась редко. Стражники предпочитали работать там, где светло, и Тарас знал их ночные маршруты. Любой уважающий себя школяр обязан хоть раз зацепиться со стражниками. Не побывав в каталажке, нельзя быть принятым в «высшее общество». Разумеется, дальше похвальбы и потасовок почти никогда не заходило. Выпендрей да мелкие пакости.

Всерьез цепляться со стражниками избегали по двум причинам – во-первых, настоящей вражды не было: так, традиция. Во-вторых, привычная школярам техника рукопашки «соскальзывала» с петушиных перьев, не нанося им особого вреда. Приходилось драться по-настоящему, а это уже не так интересно. Специальная одежда защищает воинов магистрата от большинства уличных заклятий. С точки зрения порядка, оно, конечно, правильно, зато в потасовке школяры чувствовали себя ущемленными до уровня городской шпаны.

Стражники тоже редко впадали в раж, во всяком случае, задержанных не калечили. У многих школяров влиятельные родственники, и вообще... Вот только у Тараса в эту ночь вышла иная раскладка. Могли не то что изувечить, могли действительно убить.

Уж очень разъярились «петушиные перья».

Школяр шел вкруговую, обходя патрули. Лучше прохромать по городу лишний час, чем попасться в лапы Кирюхи со товарищи.

Слишком гнилая складывалась ситуация.

Под ногу, точно под прокол, опять подвернулся острый камень. Тарас, чертыхнувшись, едва не присел от боли. Он еле сдержался, чтобы не пнуть клятый булыжник, – сейчас бы и на здоровой ноге пальцы сломал. Нельзя расслабляться.

Коренастый красавчик, с которым он так некстати зацепился, шваркнул школяра так, что в пору в гроб заколачиваться. Тарас поморщился, вспоминая разряд чужого жезла, искрами ударивший в глаза, и темные сполохи, сопровождавшие его ещё сутки. Как от солнца. Фрагментарная слепота, почти что слепота. Впрочем, нет, не похоже. Но ближе сравнения всё равно не подобрать. Как если бы свет смешался с запахом, и всё это втемную размазать по коже. И корочка сия, истончаясь, разламывалась постепенно, кусками, капельками открывая окружающий мир. Перед глазами все просвечивалось, расплывались круги, и бегали крохотные темные пятнышки, похожие на невидимых зверьков со стекол мелкоскопа.

Если б школяр не учился четвертый год, не умел отслеживать признаки заклятия, он бы просто решил – стало плохо. Схватило сердце, да по самые почки. Всё вокруг покачивалось, подплывало и подрагивало мелкими поющими пузырьками. Мир очень долго не воспринимался как цельная картинка, а был проблесками, просмотрами сквозь мутную взвесь, хотя проблески эти становились все просторнее, получалось даже дышать, пока наконец к нему не вернулись и слух, и зрение. Очень необычно. Такие заклятия не тратят в уличных драках, слишком дорого. Как кувалдой по обойному гвоздю. И тяжело, и не очень эффективно. Вот только гвоздю от этого не легче.

Тарас усмехнулся. Конечно, внешне он изменился разве что в лице. А те двое нормально уехали. Им что. Трупа нет, отвечать не за что. Пустяки, повздорили на улице. Рыцари, до которых докричалась неизвестная Тарасу тетка, на подобные мелочи внимания не обращают.

Никто не пожаловался. Тарас, тот вообще как в сером коконе стоял. Даже голосов не слышал, вой в ушах. Потом кое-как добрался до густожития.

К ночи признаки заклятия исчезли. Если проводить параллель с отравой, а учили именно так, то к вечеру яд уже «всосался».

Оставалось только ждать.

Даже будь у него время, вряд ли он смог бы что-нибудь сделать. Тарас просто не понял, чем его ударили. До рассвета, покрываясь потом, он вспоминал всё, чему его учили. И ничто не помогло. Возможно, противоядия просто не существовало.

Вокруг него образовался сильнейший отрицательный прогиб. Любые неприятности, ранее распределявшиеся среди прохожих – а школяры-то сразу учатся их стряхивать, – теперь стекались к Тарасу. У всех вокруг, наверное, и небо посветлело. Общий уровень удачи рядом ощутимо повысился. Вот только средний, как водится, остался нулевым.

Так, если на пологе есть вмятина, в ней скапливается дождевая вода. Съехавший туда муравей обречен захлебнуться, и изменить это не в муравьиных силах. Все это Тарас понимал, вероятности чувствовал, выбраться пытался... Вот только прогиб, к сожалению, «носил с собой». И способов отвязаться не знал, не успел освоить. И теперь уже не успеет.

Вчера. Поутру оторвалась ручка чайника, провисшего на одном болте, полведра кипятка сплеснуло на ноги – школяр отпрыгнул немислимым зигзагом, сшибая столик с расставленной посудой, но под кипятик все-таки не попал. Чайник, конечно, давно следовало отремонтировать. Сам когда-то болты от лениости вкрутил. Промокнув горячую лужу старой занавеской – половой тряпки не нашлось, – Тарас снова свинтил ручку на чайнике, дав себе зарок заменить его в ближайшем будущем. Подкрутил аккуратно винтики, набрал водички... В полдень почтовая лошадь, обычная кляча, добредавшая немалые годы, вдруг возомнила себя мустангом. То ли слепень на глаз сел, то ли просто по дури, но взбрыкнула, да так, что подкова приложилась к его виску. Удара не было, не хватило крохи, остался только тонкий, в ниточку, грязный след. Ничего не делал, мимо шел. Чуть-чуть бы дальше... Перепуганный почтовик долго охаживал лошадь кнутом и всё порывался купить школяру водки, простодушно считая, мол, «выпить тебе, парень, надо, непременно выпить, и ранку замазать, не загноилась чтоб». Ранки на виске вообще не было, несолидная и грязная царапинка полукругом, а выпить, по всему, следовало почтовику, струхнувшему больше протормозившего Тараса.

То, что внутри прогиба алкоголь практически смертелен, школяру было хорошо известно, поэтому предложение кучера он даже не рассматривал. По воздействию это как если б тот же муравей вздумал спрятаться, закапываясь поглубже с каждым стаканом. В общем, лошадь как лошадь. Не убила всё-таки. Как говорили в сельской школе, «до вершка ещё вершок».

Затем обрушились строительные леса. Придавило женщину с ребенком, а бывший насто-роже Тарас снова отделался царапиной, удачно отскочив за фонарный столб. Правда, локоть ободрало основательно, пришлось промывать. Женщину с переломами увезли в лекарню.

Тем же вечером пристала шпана. Без выпендрёжа, требования денег и прочей промежуточной чепухи. Вообще не наезжали. Шли мимо посадские, не любившие «зажравшихся» школяров, но никогда и не задиравшие их попусту, тем более в центре. И один из обкурившихся мальцов вдруг взмахнул бритвой. Даже его дружки этого не ожидали. Просто – рука, в которой что-то сверкнуло, и ворот куртки разрезало сталью, а на шее проступила глубокая, кровью пропитанная полоса. То ли пацан по младости не рассчитал удара, то ли Тарас успел отшатнуться, скорее и то, и другое вместе, но горячим брызнуло. Тремя уличными плюхами Тарас расшвырял обидчиков, не пытаясь разобраться, кто из них кто и зачем они вместе. Будь он один, пришлось бы туго, потому как силу сразу растратил, а посадских-то шестеро. «Вязкая» плюха, она ведь только сшибает с ног. Но со всех сторон уже бежали школяры, гулявшие

в парке, и шпана разбежалась в разные стороны, причем конкретно его обидчика задержали конные рыцари на входе в парк.

Ничего в своё оправдание пацаненок заявить не смог, и сегодня ему, наверное, уже отсекли руку. У рыцарских патрулей особые понятия о справедливости.

Это вчера. Про сегодня и вспоминать не хотелось. Завтра, по логике заклятия, должно быть ещё тяжелее.

Глава 4

У входа в густожитие Тарас замешкался.

Три корпуса стояли рядом, славянской буквой «П». Внутри находился очень приличный дворик, в котором брэнчали на гитаре и темнело несколько неясных фигур. Скорее всего окажутся знакомые. Но лучше обойти. Везде, где возможен конфликт, будет конфликт, и события пойдут не в его пользу. Лишних сорок аршин...

Нога уже еле сгибалась.

Над забором мерцал вытянутый фаллос – типичный рисунок молодого идиота, тщательно исполненный ароматическими дымами. Судя по плотности, висит уже часа три. Художество постепенно распирало, как ярмарочный шарик. Утром ведьмы-вахтёрши уберут, а до утра, конечно, ещё раздуется. Первый курс, точно. Хоть сколько собеседований проводи, а после уроков ароматической магии найдется умелец, и по всему городу бухнет этакая хренотень. Или сиськи, или черепа, или вот предмет ночного культа... Три удачных решения. И на цвет не поспешил, и на запах.

У забора плыл неестественно сильный аромат сирени. Их курс тоже такое развешивал, только над воротами городской стражи. Смешно. Если не убирать – оно раздуется до слона средних размеров.

Тарас обходил дворик по периметру, для чего следовало пройти под самым фаллосом, лениво мерцавшим над столбиком ограды. Ага. Он ещё и к человечку присобачен. На столбике сидел плохо прорисованный гном, из которого и торчало невообразимых размеров хозяйство. Ни объёма, ни лица... Народное творчество. И подпись: «Хома». Интересно. Вот так, стало быть, выглядит некий Хома. Встретишь, сразу узнаешь. Тоже небось самородок-первогодок. Стыдоба. Тарас поразился своей осторожности – обходит неизвестных пацанов в собственном, можно сказать, дворе. Да ещё под такими рисунками. Никогда бы прежде себе этого не позволил. Или даже сейчас, кабы нашелся зритель.

Но одному сойдет.

С этой же благоразумной, трусоватой позиции ночевать следовало идти в свой корпус, в комнату, где сейчас посапывал уставший сосед. Вполне благополучный, скучный пацан. Завернулся в одеяло и свистит в две дырки.

Лезть к Варьке через окно явно не следовало.

Идти мимо охраны, что давно остервенела в приеме таких посетителей и имеет прямой приказ декана «не пускать!», не следовало тем более.

Неприятностей больше не хотелось.

Но хотелось Варьку.

И школяр решил, что если осторожненько, то обойдется.

Тарас знал теорию сглазовых заклятий – пока отслеживаешь неудачу, она не происходит. Главное, представлять возможные неприятности, быть к ним внутренне готовым. Ну, конечно, настрой требовался, но это через дыхание, это у них, хвала Сварогу, отшлифовали. Только отвлекаться нельзя: если вероятность пробоя высока, её надо все время сдерживать. А как можно весь день не отвлекаться? Вот давеча, со стражником... И видел же морду наглую, и среагировал, а тут барышня в платье с разрезом. Классная, конечно, барышня. Так и не рассмотрел.

Что-то в последнее время из-за девушек одни неприятности.

Сам и виноват, лопух, нечего пялиться. Но сейчас главное на третий этаж, мимо охраны высоконравственной, без приключений залезть. Тогда, возможно, будут и приятности.

И пробой держать надобно пожестче. Хоть сейчас не отвлекайся, скороход.

На свист привычно скинули веревку.

Тарас подергал её, перестраховавшись, оглянулся насчет патруля, а то ведь за вора примут, и, легко отталкиваясь от стены, в несколько перехватов был на подоконнике. Больную ногу он предусмотрительно подворачивал.

Действительно, обошлось.

Заспанная девчонка, которой не повезло жить в угловой комнате, закрыла за ним окно и улеглась. Демонстрировать смущение по поводу своей пижамы она не считала нужным – за ночь «верхолазы» поднимали её неоднократно, так что особых слов не требовалось.

Тарас сделал несколько извиняющихся движений, на которые хозяйка не обратила внимания, осторожно ступил вниз – там очень некстати лежали швабра и тазик, но поскользнуться в этот раз не случилось, потому как видел, куда ступал. И боль в ноге утихла. Вроде.

Деликатно помахав пальчиками спящей хозяйке, школяр вышел в коридор.

Варвара жила на втором этаже – через третий лазили, поскольку на нижних комендантша блокировала окна. Без всяких заклятий, мощными деревянными решетками. Спустившись по лестнице, Тарас мягко толкнул знакомую дверь.

Его пассия ещё не спала. Впрочем, особо и не скучала. Они с соседкой доедали жареную картошку прямо со сковороды. Рядом стояли четыре флакона из-под пива.

Чуть-чуть бы пораньше, с сожалением подумал Тарас, чувствуя, как подвело от голода живот.

– Привет. Чего хромаешь?

– Ерунда.

– Понятно. Ты, наверное, есть хочешь.

Вместо ответа Тарас пододвинул сковородку, отпихнул вилку соседки, пытавшуюся взять ещё немножко, и принялся уплетать остатки.

– Яська говорил, ты какому-то стражнику лицо разбил. – В безмятежных интонациях Варвары не было ни грана беспокойства. Даже обидно, блин. Хоть бы для приличия попереживала.

– А ты, я гляжу, вся извелась. – Тарас поперхнулся картошкой и закашлялся. Да хорошо закашлялся, аж покраснел. Он уже и вилку отложил, собираясь зайти кашлем, но тут Варька смачно вдарила ему между лопаток, и сразу всё прошло. Школяр вытер набежавшие слёзы.

– А я сорок раз говорила, не цепляйся к властям. Не цепляйся, снесут твою дурную голову.

– Я не цеплялся. Он первый начал.

– Ага. – Варвара достала из-за тумбочки ещё пару пива и выставила на стол. Туда же перекочевал кусок колбасы. Ждала все-таки. Жаль, пиво сейчас нельзя. Разве чуть-чуть, на сон грядущий. Варвара, наблюдая его нерешительность, откупила один из флаконов и сердито отхлебнула.

– А в прошлый раз, когда ты рыцарской лошади шип в задницу вогнал, лошадь первая начала? А когда на первом курсе патруль поливал жидким мылом?

Тарас, не отвечая, отколупывал присохшую картошку. Обычно подобные упреки доставляли ему удовольствие, именно так и должен поступать с властью уважающий себя школяр, но сегодня слава не радовала. Сегодня всё было серьезнее, и он в отличие от Варьки очень четко это представлял.

Не до лавров. Живому бы остаться.

Какое-то время тишину нарушали лишь звуки Тарасовой вилки да деликатные жевки. Варвара совсем недавно отучила его чавкать, и школяру всё время приходилось себя контролировать. Вроде бы получалось, но тут громко заурчало в животе.

– Я, наверное, пойду, – сообразила соседка, взяла заранее приготовленный пакетик с вещами, мыльницу и на секунду замешкалась – проверить, правильно ли она поступает. Лицо

Варвары выражало отрешенное согласие, а этот жующий паразит, ввалившийся под утро, ещё и показал ей вилкой направление, промычав что-то одобрительное с плотно набитым ртом. Соседка дернула плечиком и ушла в темноту коридора.

Варвара вздохнула. Тарас сладко потянулся и откупорил фляжку с пивом. Блудливый кобель.

В небе, затянутый туманом, висел человек.

Полная луна заливала всё льдистым молоком, но летящей фигуры не было заметно. Скрадываясь изгибами света, она казалась то облаком, то тенью от облаков. Призрачная дымка ломала контур, как при переливах горячего воздуха, чуть-чуть искривляла взгляд. Вот только распространялась дымка не вверх, а сразу во все стороны, больше даже вниз, наслаиваясь на смутные очертания не то шара, не то кокона, в центре которого человек и находился. Сам он неудобств от всех этих помех не испытывал. На глазах темнели очки, дающие мощную фокусировку, защищающие от бликов случайного и боевого огня – оптика плюс спектральная магия, выправляющая свет. Внешне они напоминали выпуклые фасеточные глаза огромного насекомого. Очки любого обеспечивали орлиным зрением. Мало что внизу могло укрыться от внимательного взора, вот только охватить взглядом все и сразу наблюдатель, конечно, не успевал.

Туманный кокон двигался, и достаточно быстро. Человек внутри него висел неподвижно, в расслабленной, удобной позе, иногда поворачивая голову да пальцем поправляя фокусировку. Сопровождая по всему маршруту, кокон окружала стая птиц. Они то разлетались, то плотно вжимались в туманный клубок. Птицы, как и положено стае, держали одно направление, а кокон, если присмотреться, висел точно между ними – в геометрическом центре, через объем, движение и разлет, чуть отклоняясь при сильном смещении.

Четкого строя птицы не держали. Это напоминало полет ворон, когда не сразу и заметно, что вся масса подчиняется единой цели. Была в их полете ещё одна странность – если, конечно, предположить, что кто-то наблюдал всё достаточно близко, рассматривая детали, – птицы летели так, как это свойственно хищным одиночкам, но подчинялись единой воле.

То были соколы. Не летающие стаей в естественных условиях, сейчас они составляли единую девятку. Человек поднял левую руку и опустил ладонь, одновременно заводя локоть кверху. Стая заложила крутой вираж вправо, делая круг над поляной, которую они только что пролетели. Как именно соколы почувствовали знак, было непонятно. Стрелок, скрытый вязким туманом, рассмотрел поляну более пристально, покачал головой и движением левой же ладони направил стаю дальше.

Казалось, соколы летят сами по себе. Птицы не обращали внимания ни на соседей, ни на человека. Стрелок молчал, почти не двигался, и, уж конечно, в его руках не было ничего, напоминающего вожжи. Управление давалось ему легко, как хорошему всаднику: он вообще на него не отвлекался. Два пальца вбок, и стая начала смещаться влево, уводя за собой кокон. Пальцы вернулись в ладонь, и движение снова пошло по прямой. Только знающий наблюдатель мог бы выделить среди птиц несущие тройки, дающие пересечение двух плоскостей, и трех подменных, не принимавших активного участия в движении.

Добраться до кокона с земли было почти невозможно. Свернутое вязкой пеленой пространство блокировало удары, но пропускало выстрелы изнутри. Стрелок мог опуститься как угодно низко и сотнями уничтожать врагов. Перед ним висел целый арсенал, спеленатый комочками тумана. Только боевых жезлов здесь хватило бы на дюжину бомбард. Комочков с жезлами почти не было видно, но это и не требовалось. Стрелок обязан работать вслепую, не теряя из виду цель.

При более близком рассмотрении на шее каждой птицы можно заметить специальный амулет. Человек же и при взгляде в упор оставался бледным, полуразмытым силуэтом. Един-

ственный предмет, что виднелся в коконе отчетливо, – незамерзающий чугунок с горячим взваром. По холодной погоде стрелок время от времени из него отхлебывал.

Стрелок искал душегубов Хвоща. Он один мог рассеять банду, но сначала требовалось её обнаружить. Пока внизу расстился лес, огромный, сплошной ковёр, на десятки верст во все стороны. Пока удавалось найти только медведей.

– Ходил вчера, сосед, на регистрацию ломовой телеги.

– Небось три шкуры содрали?

– Если бы только. Ты ж наших стражников знаешь, им, прежде чем деньги взять, ещё покуражиться надо. Важность свою показать.

– Чего? Неужто деньги не взяли?

– Как не взяли... Взяли, конечно. Ходит этакий шмурздик, полтора вершка ростом, перья со шлема мне ноздри щекочут, а гонору спесивого... Как деревенщина на смотринах. Когда в деревне сорок невест, а он там с приятелем на пару. Ноги у него и так кривые, а он их ещё кренделем выкатит, весь избоченится, искорежится, нос вверх, ремень съехал, на вопросы не отвечает... Весь из себя начальство, такое начальство, уж такое начальство, куда там нашему князю или какому другому герцогу.

– Ну, это всегда так. Им мало дать, надо ещё уговорить, чтобы взяли. А на учет-то хоть поставили? А то ведь на каждом перекрестке ноготь будешь отстегивать.

– Взяли, сосед, взяли. И бумажку дурацкую дали, что мехдосмотр прошел. Что колесо у моей колымаги не отвалится и никого из высокородных я не придавлю.

– Так это ещё в прошлом году ввели. Небось и телегу не смотрели.

Первый горожанин уныло кивнул. Судя по всему, вчерашний визит к таможенникам изрядно облегчил его карманы.

– Интересно, это везде такой бардак али только у нас такие стражники? Я мальцом слышал, дед городскую стражу полоскал. Тогда, правда, мехдосмотра не было.

– Я думаю, только у нас. Ты на их рожи погляди, ведь ни хрена не делают, а все лоснятся.

– А Кирюха вчера не лоснился. Хе-хе. Вчерась ему рожу начистили. Да так славно! Сколько он ни штукурился, а и сёдня любо посмотреть.

– Кирюха – это знакомец твой?

– Ну да. С которым, типа, очередь не стоять. Отдал ноготок – и через их калитку.

– Так чего ж ты радуешься?

– Да Кирюхе давно следовало. Им тама весь народ залюбовался.

– Значит, хороший был человек. Теперь сгноят в зиндане.

– Да он убег, нормально. Мне бы так научиться. И морду начистил, и убёг.

– Повезло. От стражи убежать сложно.

– Говорили, школяр. У них и татуировки сбиты.

– Школяры, конечно, вредные. Но иногда полезные. Глаз небось подбил?

– Не. Он ему нос расколошматил. Но так славно, что и на глаз перетекло. Там теперь не Кирюха, а загляденье.

Глава 5

Лизо, раздетый до пояса, играл пчелами. Тихо жужжа, они летали вокруг, то удлиняя ему пальцы, то лепясь на руке в живую гроздь. Огромный бесформенный комок, подчиняясь геометрическим фантазиям валча, расплзался мохнатыми шариками или сплетался в подобие длинной косы. Иногда – команду Лизо слышали только насекомые – тысячи пчел выстраивались в живую нить, сцепляясь лапками в подобие шевелящегося жезла, и эта жужжащая плеть тянулась к зрителям. Матвеевские мужички в испуге пятились, ужасаясь, но потом снова возвращались на свои места. Раскрыв рты, они стояли неподалеку. Некоторые не хотели возвращаться, но их словно что-то удерживало, не давая удрать за спасительные кусты. Ближе остальных держался пасечник, хотя и тот явно опасался диковинного зрелища.

Грач, тщательно отбирая соты ладошкой, сортировал в кадушки мед. Самих летков он не касался, только внимательно проводил рукой над ячейками, пришепётывая еле слышный наговор. Седельные сумки девятикратного подъема и объема уже были приторочены, но пока ещё пусты. Отдельно стоял закрытый короб для воска. Крепления к нему держала очень красивая девушка, отрешённым выражением лица напоминавшая раскрашенную куклу.

Наконец Лизо наскучила забава – хотя, может, в ней и был какой-то смысл, – и пчелы взвились вверх злобным темным смерчем. Часть их тут же развернулась и пошла в атаку на самого Лизо, что ждал, раскинув руки, с наслаждением принимая укусы насекомых. В основном жалили мочки ушей – маг не делал попыток уклониться, пчела наносила молниеносный укол, вынимая, против обыкновения, жало, и переползала к следующей точке. Китаец либо знающий восточный знахарь смог бы оценить подбор акупунктуры. Насытившись, Лизо отправил несколько пчел к Грачу, и тот, чуть поморщившись, принял укусы как должное, продолжая сортировать соты. Мужички всё стояли, оцепенело сгрудившись, очевидно, не решаясь удрать. Наконец один из них всё же рискнул боком выдвинуться к огородам, сделал несколько быстрых шагов и юркнул за плетень. Добрая сотня пчел сразу метнулась следом, высокая трава зашевелилась, и вскоре оттуда послышался протяжный вой. Удаляясь, он одновременно нарастал, напоминая сторожевую сирену, а потом оборвался в направлении пруда. Судя по звукам, беглец достиг воды относительно благополучно.

Лизо соизволил улыбнуться. Мужички облегченно зашевелились, почувствовав, что можно расходиться. Валч был в хорошем настроении и, очевидно, добр. Сегодня всё обошлось пустяками, от опухшей морды ещё никто не помирал.

Далеко не всегда барин был таким ласковым.

Варька открыла глаза и едва не вскрикнула от неожиданности. Прямо над ней нависала страшная пятерня. Рука Тараса, на плече которого она лежала, упираясь локтем в подушку, расслабленно переломившись в запястье, угрожала ей мягкими пальцами.

Говоришь ему, говоришь... Юбилейный, сотый раз.

Варя вздохнула. Она пробовала ругаться, пробовала привыкать, пробовала сбрасывать руку на пол, от чего хозяин вздрагивал и просыпался, осовело крутя башкой, – ничто не помогало. Тарас, засыпая, очень часто принимал эту дурацкую позу – и ведь точно над лицом руку держит, как целится, – она же никак не могла привыкнуть, глупо пугаясь каждый раз. Спящие пальцы перед глазами напоминали паука.

Варя аккуратно, чтобы не потревожить избранника – они же будут и ворчать, и права качать, – выбралась из-под одеяла и сладко, как кошка, потянулась. Привела себя в порядок, благо прямо из её комнатки маленькая дверь вела в удобства, накинула халат и задумалась – чем бы принца побаловать. Можно считать, что с парнем ей повезло. Кошмар, конечно, но кто из них нормальный? Приперся вчера под утро, грязный, как хрюшка. Ноги не вытер, соседку прогнал, всё в доме сожрал, одежду свою в угол покидал, потом, конечно, баюшки по полной

программе, ну, это было не так уж плохо, так ещё и лопотал полночи о том, что нынче надо быть осторожнее. Потому как он наступил на гвоздь, а это неспроста.

Приготовить ему что-нибудь эдакое? Он же у нас аскет. Любит порассуждать, как мало ему нужно в жизни, и любит покушать что-нибудь эдакое. Нечего баловать, а то слишком возомнит, одернула себя Варвара и решила ограничиться яичницей с сыром. Ну и кофе. Последние годы арабийский напиток стал очень популярен в Твери, а Тарас был просто без ума от заморской чёрной жижи.

Приготовив яйца и сковороду, Варвара отрезала подходящий кусок сыра и вспомнила про его дурацкую осторожность. Мало что опоздал, так ещё и важность нагонял, понты раскидывал. Мол, высшие силы ополчились на бедного мальчика. Потому и задержался, надо полагать. Пока там с высшими силами разобрался, полночи прошло.

Варвара натерла сыр и улыбнулась. Смешные мужики, все одинаковые. Никуда без выпендрежа. Будто без высших сил он уже не интересен. Как девочка послушная, она всё-таки осмотрелась – мало ли что. И тут же, завизжав, выронила сковородку, загрохотавшую об пол.

Подскочивший Тарас уставился на неё соловыми глазами, слепо на шаривая ногами тапочки, а из правого тапочка выползала чёрная, жуткого вида змея. Варвара толкнула Тараса в бок, так что он, мелькнув босыми ногами, снова завалился на постель, подхватила с пола сковородку и, не переставая визжать, стала бить ею по тапочку, одновременно пытаясь отпихнуть его от себя, как если бы этот тапочек приближался. Первый же удар убил змею, разможив плоскую голову, последний – пятый либо шестой – неожиданно подцепил её краем, да так, что останки гадюки упали на постель. Варвара завизжала ещё громче, хотя секунду назад это казалось абсолютно невозможным, скинула змею на пол вместе со сковородкой и закрыла руками глаза. Неимоверно тупой с утра Тарас наконец сообразил, что тапочки пока надевать не стоит, и с интересом уставился на мертвую гадюку. По полу растекались три яйца из четырёх, окрашивая густым желтком деревянные плашки. Последнее остановилось, балансируя на самом краю столешницы. Варвара, снова подскочив, стала стряхивать с постели что-то невидимое, как если бы на простынях осталась чешуя. Тарас задумчиво почесал себе шею и поднял с пола кусок скорлупы.

В этот момент дверь толкнули так, что слабенький крючок вырвало с мясом, и в проеме обозначился Фимка в наспех наброшенной рубашке.

– Варька... Привет, Тарас. Вы тут что... Али у-убить кого решили? – Сосед Варвары по этажу слегка заикался.

Девушка молча кивнула на змею. Тарас приподнял за хвост то, что осталось от гадюки, так, чтобы Фиме было видно. Варвара, поморщившись, отодвинулась как можно дальше.

– Вот. – Голос Тараса оставался невозмутимым и сонным, сражение Варвары с высшими силами не произвело на него впечатления. – Ужика убили.

Фимка с интересом взял предложенную гадость, рассматривая совсем не страшный, провисший и одновременно скрюченный ударами трупик. Маячивший в пальцах фэйрбол он засунул в карман рубахи.

– Так это не уж, – наконец выдавил он. – Это гю-гю-гюрза. Из тех, что в подвале отыскились. Опасная, кстати, тварь. Непонятно, как сюда попала.

– А ты всегда с фэйрболом ходишь? – поинтересовалась Варька, невинно хлопая ресницами.

– Нет, – сумрачно ответил Фима. – Только когда за стенкой начинают визжать.

– Очень правильно, – кивнула Варя, – в случае чего ты бы меня сжёг вместе с насильником.

Оскорбленный в лучших чувствах Ефим только головой мотнул, а Тарас уже мягко выпихивал утреннего гостя в коридор:

– Всё, Фима, всё. За помощь спасибо, от ужика мы отбились сковородкой.

– Там твои яйца по полу размазаны, не по-поскользлись, – проявил заботу Фима, за что получил необходимый прощальный подзатыльник.

Квѣлый с утра Тарас так и не пришёл в нормальное состояние. Взвинченная Варька тоже не смогла успокоиться, и они представляли собой противоположные полюса – Варька понесла на занятия переполнявшие её эмоции, а Тарас какую-то сонную одурь. Он ещё попытался умыться холодной водой, но не сработало. Наоборот, пока умывался, вялость какая-то напознала.

«Меньше надо по ночам бродить», – нравоучительно заметил Тарас, отгоняя мысль, что поганое самочувствие, вероятно, имело всё те же корни. Он еле доплёлся до Колледжа, стараясь держаться в основном потоке школяров, осматриваясь насчёт бешеных почтовых лошадок, шпаны и падающих на голову дирижаблей, – обошлось, конечно, а внутри, где провал уже не угрожал, расслабился, и его сразу развезло.

Как после хорошей дозы алкоголя.

Собственно, и лекции сегодня были нудными. В сентябре такое часто. И тепло было, даже слишком. О-ау. Тарас прикрылся ладошкой. Та-ак тепло, что клонило прилечь прямо на парту. Заснуть на лекциях – это как раз то, чего ему не хватало. Бакалавр потом сожрет. С костями. Возможно, в переносном смысле.

Тарас, кляня носом в конспект, наблюдал за не менее сонной мухой, вяло таранившей стекло. Окна в аудитории были яркие, когда-то полностью витражные, их цветная мозаика некогда имела смысл, но поколения школяров опустошили узорчатую раму. Наложённые кое-как замены, примерно попадавшие в тон, исказили контуры рисунка. Только в определенных ракурсах там угадывалась фигура с поднятой рукой. Тарасу показалось, что она держала косу. Мужчина это стоял или женщина, уже не было понятно. Или вообще монах. И сейчас, похоже, клей расковыряли карандашом либо стальными перьями – стеклышки в двух местах еле держались, собираясь выпасть наружу. Вот где всё лаком вскрыто, а где на живую нитку. Прошлой весной здесь выпустили голубя, который повел себя точно как сейчас муха, только сил было побольше, сразу вынес несколько кусков витража... Голубятник потом сторел на экзаменах. Не из-за птицы, конечно, просто баллов недобрал... Всё постепенно рушится... Расползается, как эта мозаика... Постепенно...

– Молодой человек!

Тарас подскочил. Сна уже не было ни в одном глазу, школяр трепетно, внимательно и с должной долей почтительности поедал глазами лектора.

– Слушаю, господин синий бакалавр.

– Повторите, что я сейчас сказал.

– Вы сказали, что обычный порядок стимуляции может быть изменен, а в ингредиентах присутствует каучук.

– В каком виде должен быть каучук?

– Распарен.

– Не распарен, а отварен. Вроде вас сегодня, – позволил себе пошутить бакалавр. Всё ещё могло обойтись без штрафных долей. – Почему вы не ведёте конспект?

– Простите, господин синий бакалавр, у меня в сумке хроны, шесть хронов. Я всё запоминаю... Стараюсь запомнить, а сложные места буду хронировать.

– Почему бы просто не записать?

– Так лучше. Интонации, и всё такое. Там ещё все веретёна свободны.

– Ладно. Я знаю, как работает хрон. Но проясню. Кто хочет спать на прикладных, должен сначала написать заявление, потом принести мне его на подпись, а уже потом я его убью.

– Я не спал, господин синий бакалавр, я...

– Не оправдывайтесь, юноша. Будет хуже. – Лектор отбарабанил пальцами замысловатую дробь, размышляя. Шесть хронов, да с пустыми веретёнами, осенью... Одет небогато. Из села.

Явно не по ногтям. Уж не врёт ли маленький наглец? Он вопросительно посмотрел на старосту, и тот с готовностью кивнул. На прошлой неделе Тарас выиграл пари, блистательно метнув ножи в мишень, и без хронов сейчас был Галиб, таджик, один из самых «богатеньких» школяров курса.

Бакалавр жестом усадил Тараса. Школяр опустил за парту, вытащил из сумки действительно оказавшийся там хрон, направил раструб на трибуну, но включать веретено не стал. Очевидно, выжидал «сложное место». Покачав головой, бакалавр вернулся к теме.

– Каждый из вас умеет работать с вероятностным полем. Три года обучают вас различным граням, усложняя подход и приучая обходиться без стимуляторов. Сегодня вы умеете работать, как говорят, «с листа». Теперь вопрос к аудитории. Может ли этому научиться простолюдин?

Школярка на первой парте вздернула руку.

– Мне кажется, самостоятельно обучиться технике вероятностей нельзя. Если у человека есть способности, он может пройти несколько стадий, но не сумеет их зафиксировать.

– Абсолютно правильный ответ. – Бакалавр развернул свиток аудитории и что-то пометил. – Самое сложное именно фиксация. Ощущение ускользает, человек обычно не готов его воспринять. Чувство вероятностей развивается очень медленно. Фиксация требует специальных, растворяющих психоблоки трав, – несколько школяров поморщились, многих от этих трав до сих пор мучило, – и целого комплекса сопутствующих мероприятий. Теоретически это то же самое, как если бы дикарь, знакомый со счетом по камушкам, сумел саморазвиться до логарифмов. Второй вопрос. Когда простолюдин чувствует вероятностное поле?

Та же девушка вновь подняла руку. Тарас знал тему и подумал, что есть шанс набрать дробь с работы, активность облегчала летние экзамены, но шевелиться не было сил. Впрочем, бакалавр после некоторого размышления вообще заговорил сам:

– Разумеется, во время игр. Простолюдины играют с вероятностью. Сами они считают, что забавляются в кости, карты либо коробок. В кровь выделяется адреналин. Подобным эмоциям в природе сопутствует, например, драка. Адреналин выступает стимулятором активности, но азартные игры движения не требуют. Естественный допинг «перегорает» в крови, не принося организму ничего, кроме вреда. В чем же тут удовольствие? Возможно, адреналин привлекателен сам по себе? Для некоторых это так, но, к счастью, это исключительные индивиды. Иначе народ постоянно бил бы друг друга лица. С упоением удирая потом от стражников. – В аудитории послышался смешок, лектор продолжал: – Может быть, логическое упражнение? Нет, в этом ракурсе их забавы примитивны. Игра вообще может быть тупым подбрасыванием монеты. Ожидание выигрыша, скажете вы? Каждый наблюдал эту картину: сидят здоровые мужики и час за часом делят горсть истёртой мелочи. Или играют на шелобаны. Выигрыш условен. Он даёт только видимость объяснения. За час любой работы эти же мужики получают больше. Тем не менее чернь любит эти вечерние часы, предвкушает их и ждет. Вдумайтесь. Однообразное, матерное общение, иногда переходящее в драки, вредное для организма, бессмысленное материально... Это нельзя объяснить даже ограниченностью черни. В боярских клубах происходит то же самое. Что-то серьезное тянет в игру миллионы людей. – Лектор поперхнулся и отпил глоток воды. Тарас подумал, что неплохо придержать веки пальцами, но подобной наглости ему бы точно не простили. – Только в игре простолюдин учится работать с вероятностью. Он чувствует, как кости становятся послушными его воле... Притягательность этого ощущения огромна, это как если бы слепой от рождения увидел контуры предметов и цвета. Продолжительность чрезвычайно мала. Если продлить аналогию со слепцом, то это даже не цвет, а скорее вспышка цвета. Чувствуя, что нужно растормозить психоблоки, игрок использует алкоголь, но в случайных пропорциях и без результата. Люди проигрывают все, что у них есть, стараясь подольше удержать это чувство. Не помогают увещевания родных и близких, эйфория от работы с полем сродни наркотику и на языке черни называется азартом. Восхитительно яркий поток информации. На глубинном уровне человек понимает, что

это иное качество, особое чувство, и те, кому удастся хоть что-то, пополняют касту профессиональных игроков. Кости начинают их слушаться. Чуть-чуть, но этого достаточно. Желания игроков обычно направлены противоположно, суммарный вектор стремится к нулю. И все же свидетельства, что кому-то «идёт фарт», многочисленны. Удачливый игрок начинает изменять вероятностный баланс. Гасить помехи наш простолоудин, естественно, не умеет. Накапливаются они всегда в минус, и у человека рушится всё, кроме игры. В ней он начинает черпать финансы, чтобы удержать жену, детей, друзей, но тщетно – его предадут и его же проклинают. В личной жизни удачливый игрок всегда несчастен, о чем свидетельствуют даже народные поговорки. «Кость не идет, любовь найдет», «Кости кинул – дом покинул» и так далее.

– Не везёт с костями, любовь пойдёт горстями, – буркнули сбоку.

На перерыве к Тарасу подскочил малознакомый третьекурсник.

– Привет. Займи золотинку. – Школяр, которому стало чуть получше, скептически посмотрел на молодёжь. Этот парень своего рода уникам, при каждой встрече, иногда по несколько раз в день, «занимал золотинку» абсолютно у всех. Отдавать такую ерунду не было принято, но кардинальные выводы из традиции Колледжа сделал только этот самородок. К концу дня у него, наверное, набиралась изрядная куча мелочи.

По выражению лица Тараса третьекурсник понял, что «золотинка» не пройдёт, и взял его за пуговицу.

– Кстати, хрен с ней, с мелочью. Мне тут из дома пятьдесят ногтей должны прислать.

Хочу костюмы купить, партию. Пойдёшь в долю?

– В смысле? – спросил чуть оклемавшийся Тарас.

– Ну, по случаю, дешево предлагают. Но задаток нужен. Займёшь пять ногтей?

– Поцелуй меня в плечо, – сказал разозлившийся школяр.

– Почему в плечо? – растерялся третьекурсник.

– Ты ведь тоже издалека подъехал, – объяснил Тарас.

Глава 6

После перерыва быстро прошла практика – к середине дня Тарас окончательно пришел в себя, а затем снова были прикладные. Тарас уселся ещё дальше, опасаясь всё же таки заработать штрафную дробь. Каждый, кто подходил к летним экзаменам хоть с несколькими баллами штрафа, надолго запоминает это ощущение. Если, конечно, перебирается в осень. Тарас когда-то тоже так попал.

Рядом сел Никита, его цветной, и сразу стал перечитывать записи. Бакалавр, видимо, помнил об утренней спячке и, прежде чем начать лекцию, поискал взглядом Тараса.

Тарас демонстративно поправил лежащий на столе хрон да ещё и конспект приготовил, и бакалавр перевел взгляд в другой конец аудитории. Ещё хрон на такую хрень тратить. Замены его каучуковые. Тарас не любил многослойные заклятия, считая их непрактичными. В реальной ситуации отыскать все ингредиенты, как правило, не удавалось. Много ли в наших лесах каучука? Хоть парь, хоть вари. Хоть жарь. Он осторожно, чтобы не привлечь к себе внимания, потер глаза. Речь бакалавра журчала мягко, постепенно убаюкивая, так что звук иногда исчезал. Внимание растекалось разогретым воском. Тарас попытался слепить какой-нибудь мыслеобраз, но получалась только цветная вата. Мягкая, тё-о-оплая... Или сладкая, как на ярмарках... Зацепиться за картинку, и не уснешь. Главное, за сон не зацепиться.

Он достал из рукава булавку и уколол себе руку. Затем ещё и ещё. Как ни расценивай качество лекции, а спать сейчас нельзя.

– Чего не пишешь? Интересно же говорит.

Тарас повернул голову и некоторое время молчал, осмысливая вопрос. Как до жирафа, успел подумать Никита, когда его цветной все же ответил:

– Да нормально все.

– Я вижу, – скорбно кивнул Никита и, облокотившись на руку, продолжил слушать лекцию. Тарас наконец сфокусировал внимание на бакалавре, но тот как раз закончил читать основной материал.

– Вопросы есть?

– Вы обещали рассказать про листочки Таро. Про проклятие Таро.

Лектор поморщился. Жестом усадил вопрошавшего и после некоторого колебания начал говорить:

– В Княжестве играют и в листы Таро. Их ещё называют карты. Обычно в вариантах тридцать два, тридцать шесть и пятьдесят четыре. Вариант девяносто шесть, где лучше видна их магическая сущность, почти не используется. Символика мастей проста: монеты, кубки, жезлы и мечи. Движение, потребление, воздействие и борьба. Человек – суть джокер, обладает свободой воли, но остается картой. Шут в драме Игры. Есть свобода тасовки и хода, но есть и рамки общих правил. – Бакалавр отхлебнул стоявшей на холодном круге воды. – Игра и гадание Таро запрещены, но запреты только стимулируют интерес холопов. Гадание загоняет человека в жёсткое словесное русло, определяющее в дальнейшем его судьбу. По сути, снижает его степень свободы. Зеркальное оформление рисунков усиливает воздействие карт. Самому игроку Таро не угрожают, однако формируют искривление поля. Игрока как бы вышибает из личностного узла вероятностей. Собственно, это очевидно – знание дает возможность маневра, а сам маневр формирует искривление. Зато управляющей, властной структуре данной территории подобное действие может сильно повредить. К сожалению, я не смогу рассказать вам нюансы, многое надо показывать на модели государства.

– Так покажите.

– Модель управляющих струн подсвечивается только в кабинете власти. Кроме того, в доказательной базе есть закрытая информация. Все подробности узнаете на пятом и шестом

курсе после присяги Магистрату – если доживете, конечно, – неуклюже пошутил лектор, но на этот раз в аудитории никто не засмеялся. – Впрочем, конечный вывод прост, и его можно запомнить. Каждая колода точит общий ствол вероятностей, по ниточкам, как сонмище термитов, постепенно превращая его в труху. Для власти и общества это очень вредно. Династия, хунта, клан, директория – любая властная структура, понимающая в магии, будет против карт Таро.

– То есть карты под запретом не потому, что Князь заботится о людях, а потому, что власть не хочет упускать бразды правления?

– Власть всегда соблюдает собственные интересы, в какой бы обёртке она это ни преподносила.

Девушка села, но тут же снова подняла руку. Лектор опять кивнул.

– А я вот слышала, что имеет значение, как обозначена на картах масть.

Лектор поскущел.

– От кого вы это слышали? – сумрачно спросил он.

Девушка, поняв, что сболтнула лишнее, смешалась.

– Да ребята на первом курсе трепались... Даже нет, кажется, абитура...

– Кто говорил, поименно?

– Да я не помню уже... – Голос отличницы стал дрожать.

– Может, стоит освежить вам память? Эта информация закрыта. Вы сейчас ставите под удар целый поток. – Сразу стало очень тихо. Щелкнув складной указкой, лектор холодно продолжил: – Я не шучу с вами, барышня.

– Это Фрол Бурый и Устин Кваша. Они в карты играли. – Девчонка смотрела в потолок. В её глазах стояли слезы. Могут и зарезать, подумал Тарас, закрывая раструб хрона. Сейчас запись начнет проверять. Но лектор решил уладить дело иначе.

– Все присутствующие обязаны сохранить знание до присяги. – Он вытащил из кармана маркер неразглашения, поднял его вверх, сорвал ярлык и хлопнул. Тарас почувствовал, как нечто неосязаемое кольнуло в глаза. Дура набитая. И так проблемы, тут ещё маркер добавлять. Как прививка во время болезни.

– По поводу Бурого и Кваши мы побеседуем позже.

Девушка кивнула, села и всхлипнула, что-то пробурчав себе под нос.

– Что вы сказали?

– Я сказала, что Устина и так срезали. Ещё летом.

Лектор понимающе покачал головой. Лицо его снова поскущело.

– Но Бурый-то жив?

– Бурый на втором курсе. – Теперь девушка смотрела в окно.

– Вот и славно. А то я уже начал подозревать вас в разных глупостях. Нельзя сваливать ошибки на покойников. – Лектор выдержал паузу. – Проверочное заклятие работает очень хорошо.

– Что ж я, дура, что ли?

На этот раз пауза вышла ещё более неприятной, кто-то в аудитории хмыкнул, и отличница добавила:

– Очень надо – подставляться из-за лопухов.

– Всё правильно, барышня. Всё правильно, и спасибо за сигнал. У Бурого будут все шансы передать приятелю привет.

Девушка снова всхлипнула.

– А почему они тогда... Они-то как? Без маркера, что ли?

– Вот это мы и выясним. Обязательно выясним. А вам, добры молодцы... – Лектор обвел взглядом помрачневшую аудиторию и добавил: – И добры молодцы, раз уж пометил я вас, кусочек закрытого знания. С пятого и шестого. Со всеми вытекающими последствиями, –

предостерегающе поднял он палец. Тарас тяжело вздохнул. В другое время он слушал бы в четыре уха, но сейчас было не до секретов. – Самыми опасными считаются следующие сочетания мастей. Я имею в виду значения Таро и сленговое. Парами. Сердце и могильный червь. Красное. Деньги и бубен шамана. На сленге просто бубны. Желтое или красное. Дубинка власти и крест. Особенно если это хоть как-то замыкается на религию. Синее или коричневое. И, наконец, лопаты могильщиков и копья, или пики. Чёрное. Если кто-то из вас встретит колоду хоть с половиной этой символики, вы обязаны немедленно донести в магистрат. Никаких шуток. Никакого кумовства. Здесь идет речь об устоях государства.

От лекции у Тараса осталось пакостное чувство. И маркер этот некстати, и Бурый, с которым он, впрочем, не знаком, попал на крупные неприятности... Как парень узнал о силовых мастях, на втором-то курсе?

Впрочем, у Бурого свои проблемы, а у него свои. И он бы сейчас с удовольствием ими поменялся.

Мужики разбирали завал на дороге. Просто растащить стволы не удавалось, подпиленные деревья сцепились ветками с кустарником. Используя сучкорезы, мужики по двое, по трое налегали на длинные рычаги, но обычной перешутки не было слышно. Только редкие, сквозь зубы, матюки.

Трупы складывали на подъехавший «холодный» воз. Местный пристав описывал имущество купца. Уцелело немного, но кое-что банда собрать не успела.

Несколько разбитых коробов с остатками серного порошка. Распоротые мешки, втоптаные в грязь шали. Такие обычно брали на Вышневолоцкой ярмарке, золотое шитье или ангорская шерсть с муромским раскрасом. Что-то ещё можно было отчистить и использовать. Брошенные колеса, испачканная кровью одежда, запасной комплект новой упряжи. Все следовало счесть и переписать. У торгового гостя могли объявиться наследники.

Несколько рыцарей бесцельно рассматривали поле боя, двое при этом даже не слезали с коней.

Трупов было много.

В основном, конечно, холопы, работная часть маленького каравана. Большинство лежали возле разбитых телег, где они, видимо, пытались дать отпор банде. Конечно, это было нерезультативно. Судя по данным о Хвоще, на каждого холопа приходилось по два, по три хорошо вооруженных душегуба. Разбойники легко порубили мужиков.

В дальнейшем тела невинно убиенных используют как магическое сырье, а деньги за него перейдут в распоряжение городского магистрата. Это покроет часть расходов. Если «ведуны» всё сделают правильно, то банда затянет вокруг себя вероятностную удавку – сама потом выйдет на стрелков или рыцарский патруль. И чем больше лютуют такие душегубы, тем прочнее вокруг них «плетется веревочка».

Писарь магистрата аккуратно считывал татуировку на запястьях, идентифицируя каждое тело. Большинство работяг были местными, с тверских волостей, но попадались и новгородцы.

Из нападавших здесь остался только один, крепкий на вид детина со спутанными волосами, лежавший напротив телег в неестественной позе. Его татуировка тоже была тверской. Над разбойником присел на корточки рыжий рыцарь.

– Купец подстрелил, – сделал он нехитрый вывод. Рана была огнестрельной.

– Понятно, купец. – Для местного пристава это было очевидно. – У мужиков и стражи мушкетов не было.

– Мог и под свой выстрел попасть, – пояснил рыцарь. – У Хвоща-то есть мушкеты. Но пуля вошла спереди. Похоже на пистолет.

Митька, уцелевший ночью молодой стражник, со свежим шрамом на шее, быстро закивал, подтверждая наличие у купца именно пистолета.

– Красивый такой пистоль у него был, с двумя трубками.

– Стволы называются, – нравоучительно поправил холеный рыцарь, не слезавший с коня.
– С двумя такими стволами, – охотно согласился Митька. На лицо его все время наползала дикая улыбка. Иногда, спохватываясь, он её сдергивал, но она тут же наползала снова. От Хвоща редко уходили живыми. Тем более из стражи.

– Холопов доставили?

– Разбежались человек шесть по деревушкам. – Пристав явно не хотел собирать свидетелей. – Я их через глину расспросил, обычное дело. Налетели триста человек, порубили, еле удрал.

– Какие триста? У Хвоща от силы пять дюжин.

– Я говорю, чего мне сказывали. Понятно, мужики их не пересчитывали.

– Ты-то хоть зацепил кого? – Конный рыцарь презрительно обратился к Митьке. Тот часто закивал, улыбаясь. На безбородой щеке обозначилась ямочка.

– Одному из самострела в доспех попал. И этому в плечо, – указал на труп стражник.

– Тьфу, – сплюнул рыцарь коню под ноги. – Волчий хвост, прости Свароже. В доспех попал. Да с такими потерями Хвощ будет гулять ещё три года.

– Отстань от пацана. Какой с него воин. Хорошо хоть жив остался.

Митька обиженно насупился, но промолчал.

– Охранник должен в глаз стрелять. В рыло их свинячье. За то вам и платят, что бою обучены. Банда уже на подвеске идет. Её фарт вот-вот закончится.

– Обучен-то он обучен... Да сомлел, видать. И потом, чего ты хочешь? Чтобы он всю банду расколошматил? Этого за нас никто не сделает.

– А почему стрелок не прилетел? Рядом же, в Спас Заулке башенка. – Пристав поднял разломанный на две части вызывающий артефакт. Тут же валялся предохранительный колпачок ярко-желтого цвета. – Эва как разломал.

– Припечет, и ты так разломишь. Нерабочий, что ли?

– Хвощ пятый караван рубит, и у всех штыри нерабочие. Нешто у этих босяков глушилка есть?

– Знамо, есть. Штырь-вызов почти не бракуется. – Проводник из местных поковырял пальцем колпачок. – Знамо, глушилка. Стал быть, и глина не свистела.

– Тебе все знамо. – Конный рыцарь раздражался.

– Ну и чё?

– Ну и ничего. Покрошили народу да разошлись, арена по ним плачет. Небось уже в лесах грибочки собирают.

– Так и чё?

– А тебе всё понятно-знамо.

– Не всё, а только про глушилку.

– Ты скажи лучше, где они. Кто навел. И куда подевались. Ты ж местный, твою мать.

Чрезмерно бойкий проводник уже, видно, пожалел, что влез в разговор.

– Вы тут начальство, а наше дело что...

– Навели ведь, точно кто-то навел. Кто-то из ваших.

– Не обязательно. Могли просто оседлать дорогу и ждать.

– И вот так, ровно под вечер...

– Да отстань от него, Ладья. Тут плечо такое, что как раз под вечер получается. И телега, говорят, в ручей перевернулась. Это как, тоже Хвощ устроил? – Рыжий рыцарь, это был Андрей, перевернул труп лохматого разбойника.

Ладья что-то проворчал, раздражённо поводя мощными плечами, но спрашивать за убитых надо было не с мужиков или охранников. Вот если бы до банды смогли добраться хоть несколько рыцарей, укрытых световой броней... Но где теперь искать этот сброд, куда они брызнули... Могли и вовсе разбежаться.

– Глянь-ка сюда. – Рыжий показал колотую рану. На шее, под волосами, она была почти невидима. – Добили раненого, нести не захотели. – Пристав поморщился.

– Своих и то режут... Нелюди.

Рыжий вытер испачканную руку о траву.

– А Хвоц, он как... Всегда раненых добивает?

– Нет, – помотал головой пристав. – Был случай, он долго больных тащил. Дней десять вез, пока в сторожке не пристроил. Лесник потом рассказывал.

– Взяли их в той сторожке?

– Лесник сразу побоялся доносить. Вернутся ведь, да и зарежут. Один из тех душегубов снова в банду ушел. Другой помаялся и помер.

– На сырье забрали? – влез с вопросом Митька.

– Кому он нужен, не повешенный же. Сам помер. Там и закопали, возле сторожки.

Сочно вминая мох, пристав подошел к безжизненному телу разбойника. Труп уже оченел.

– Что ж этого не взяли? Даже добили.

– Может, у него с Хвоцом какая ссора вышла? Или знал чего лишнее?

– Лошадей в банде нет, – уверенно сказал Андрей. – Оттого Хвоц и лютует. Народу лихого много, а лошадей нет.

Холеный рыцарь поправил световой доспех и оживился.

– Но тогда... Они должны быть где-то совсем рядом.

Пристав кивнул.

– До настоящих лесов отсюда пеши не добратся. Не за один день.

Глава 7

Тарас домусолил занятия и вышел из Колледжа в уличную сутолочь. Мимо катились людские волны, ехали экипажи, сновали на двухколёсах ребятишки. Тарас попытался стряхнуть всё время наползавшую сонную одурь. И снова это как будто удалось.

Нужны были деньги.

Кое-что ещё можно было предпринять. Чему-то в Колледже научили. Тут, главное, нельзя жаловаться. Впустить в такое проклятие другого человека, будь он хоть трижды маг – это самоубийство. Только если кровная родня. Или очень близок по духу, цветного, например. Малейшее зло, неприязнь, колебание... Просто подумает парень, на хрена мне твои проблемы, своих по горло, чуть-чуть в эту сторону подумает – и достаточно. Лопнет провал, как воздушный шарик лопается, и сразу кранты. Сердце откажет, в мозге сосудик разорвётся, тромб, что угодно. Так что бакалавру здесь не пожалуешься. И декану не пожалуешься. И даже ректору. Поплакаться можно, помочь не успеют. Как пороховой заряд с часами, есть такие, под стену подкладывают. Пока стоит, вроде ничего, тикают часы и тикают, а как попробуешь снять... Тут только самому. Пока не дотикало. Либо к маме родной, она зла не пожелает. А мама у него в магии, конечно, не очень. Вот сестрёнка помогла бы, но к ней не пропустят. Да и поздно, осталось всего несколько дней. Надо самому. Попробовать хотя бы. Попытаться...

Есть же способы. Обычная чистка. Обычный сброс. Просто и эффективно. Без наворотов. И неплохо работает. Везде так. Самые простые рецепты применяют чаще всего. Хоть кулинарию возьми, хоть столярное дело, хоть магию... Тарас подбадривал себя, понимая, что кривит душой, но ему предстояло остановить мощное заклятие именно простым способом. Найти этот способ. Вспомнить. Выдумать, наконец.

Должно быть решение. У любой задачи существует решение, снова солгал себе Тарас. Обычным топором можно отмахаться от рыцаря в световой броне. Сложно, но шансы есть. Надо грамотно применить всё, чему учили.

Вот только денег не хватало. Даже простые компоненты изрядно стоят. Можно поднапрячь Никиту с Ярославом, но... Ярика он недавно выпотрошил. Вернее, его папика. Ещё вернее, кошелек его папика. В любом случае пока там появляться не резон. Неплохо тогда погуляли, хотя сейчас денежка пригодилась бы больше. Оставался Никита, но тот финансами распорядился самостоятельно. Успел. Проигрался на последних играх, да так, что полгода будет долги раздавать. Свои же родители помогали Тарасу только в смысле сала либо картошечки.

Голова после лекций соображала плохо. Вообще последнее время соображалось плохо, тело ломило, как при температуре, а может, она и поднялась... Идти следовало к Лане. Нужно хотя бы двадцать серебряных ногтей.

Вскоре он, скотина, уже смотрел на Лану, радостно отворявшую дверь.

– Как хорошо, что ты пришел... Я прямо извелась, уже хотела через глину свистеть, но вам же нельзя. (Лана не училась в Колледже, и Тарас, чтобы не перегружать «соловья» трелями, сообщил, что это может поставить его в неловкое положение. В какой-то степени так оно и было, поскольку Варька часто находилась рядом.)

– А ты заходил сегодня утром?

Впрямую врать было нельзя. Тарас никогда не нарушал главное правило мага, особенно мага начинающего, звучавшее как библейская заповедь, – не лги. Результаты сразу сказывались, ухудшая общее поле. В малых дозах это не притягивало никаких бед, но кому нравится ощущение нечистоты? Всё равно что в грязь ступить. Надо тебе пройти через грязное, пройди аккуратно. Рядышком, обходя лужу, а в самую гадость зачем переться?

Лана испытующе посмотрела школяру в глаза и повторила упавшим голосом:

– Ты утром заходил?

– А ты где была утром? – Тарас вспомнил, что они договаривались встретиться до занятий, и так построил фразу, что, по умолчанию, он вроде бы заходил.

– Да мне уйти надо было срочно. – Лана выглядела виноватой. Судя по всему, она действительно считала, что он заходил и сидел тут, ждал под дверью. Разубеждать её не следовало.

– Вот так, стоит договориться... – грустно сказал в пространство Тарас. – Хорошо хоть вечером застал.

– А ты во сколько заходил?

– Не важно. – Тарас махнул рукой. – У тебя деньги есть?

У Ланы всегда были деньги. Во всяком случае, в тех масштабах, в которых это интересовало Тараса. Школяр старался обходиться своими силами, и если иногда перехватывал, то пару-тройку ногтей.

– Есть, конечно. – В голосе Ланы появилась тревога. Собственно, это было только отражение интонаций Тараса. – Тебе много нужно?

– Ногтей двадцать пять.

Тарас считал это значительной суммой. Собственно, так оно и было, но родители Ланы баловали дочку и б?льшими подарками. Она молча повернулась к стоявшим на полке книгам, вытащила крайнюю и, из глубины, мешочек с серебром. Отсчитала три десятка ногтей, новеньких, с четко продавленным серебряным профилем, и так же молча протянула их Тарасу.

– У меня, может, вообще не получится отдать, – сообщил школяр, не спеша брать деньги.

– Не отдавай, – беспечно махнула рукой Лана, но тут же, почуяв неладное, спросила: – А что у тебя случилось?

Тарас аккуратно ссыпал крытые лаком ноготки во внутренний карман и пробурчал что-то неопределенное.

– Не хочешь рассказывать?

Школяр помотал головой. Лана прильнула к нему и обняла, поглаживая шею. Тридцать ногтей была немалая сумма, но она отдала бы и больше. Тарас понимал, что можно взять все, что лежит в мешочке за книгами, а если чуть-чуть подпустить тревоги, повод-то серьезный, то и папиных денег принесет, и могут они пригодиться, но сам себя одернул. Что можно, то можно, а чего нельзя, того нельзя.

Он благодарно обнял Лану – скорее дружески, к Варьке его всегда влекло больше, и так же дружески ответил на поцелуй. Девушка, однако, не останавливалась, и вскоре движения его губ стали совсем иными.

Разогреть Тараса было совсем не сложно. Быстро уйти не получилось. Впрочем, школяр об этом не пожалел.

И как-то даже стало легче.

* * *

Перекупщик, очень искренне улыбаясь, отхлебнул сладкого чая. Сидевший напротив Хвощ ел мясо, низко склонившись над столом. Грязные волосы сосульками свисали в общее блюдо, на что приветливый хозяин совершенно не обращал внимания. Впрочем, время от времени Хвощ вытирал залоснившиеся пальцы салфетками. Жена хозяина с квадратными глазами сидела в сторонке, готовностью к рывку напоминая спринтера. Но разносолов никто не заказывал, а сама она предлагать не решалась, впервые в жизни потеряв всякое желание говорить...

Зацепив себе кусок покрасивее, Хвощ подтолкнул блюдо к перекупщику. Тот взял ближайший и начал жевать, вряд ли ощущая вкус прожарки. В дверях лавки скучал Свист – огромного роста детина, ещё четверо маялись на улице.

Впрочем, разбойники пришли не грабить, а торговать. Тем, что они накануне честно раздобыли.

Глазки перекупщика то тревожно бегали, то, спохватившись, ласково устремлялись на собеседника. Улучив момент, он шелкнул пальцем по пиале, и через несколько секунд на столе дымился заварочный чайник, для надежности укрытый расписным полотенцем. Хвощ осклабился, обнажая неполный ряд крепких желтых зубов.

Оба молчали, вечеряя вкусным чаем с баранками. Хвощ вгрызался в округлые калачи, рассыпая на бороду маковые крошки, а лавочник деликатно отламывал кусочки, кидая их шепотью в темный провал рта.

Городской магистрат сулил за голову Хвоща немалую награду. Оба это знали и друг про друга тоже знали, что оба знали. И веревочка Хвоща, говорили, вот-вот довьётся... Впрочем, так говорили уже шестой месяц.

Хвощ залпом выпил остатки чая и вдруг сел ровно, глядя хозяину в глаза. Тот сразу залучился смущенной улыбкой. Хвощ играл мушкетной пулей, методично обстукивая её об стол.

Как-то всё стихло.

Наконец главарь разбойников назвал сумму. Свист кивнул где-то в темноте. Лавочник, поколебавшись для виду, согласился. Цена была приемлемой и, очевидно, предполагала и дальнейшее сотрудничество.

Сделка состоялась. Хозяева, мысленно сплеснув четыре капли Велесу, вздохнули с облегчением. Доносить перекупщик не собирался. Это было бы неразумно. Он ещё раз взглянул на фигуру Свиста, почти загородившего собой дверной проём, и ещё раз подумал, что доносить – это непорядочно. Раз уж ударили по рукам...

Часто он стал по окраинам бродить. В центре как-то уютнее. Наверное, после бритвочки начал сторониться посадских. Мысли разные появились. Мимо идешь и думаешь, чего да как. Раньше не думал. Тарас вздохнул, недовольный своим состоянием. Ему сейчас положено бояться. А козлиных кож, рогов, потрохов, кроме как на бойне, нигде не достать. То есть можно купить уже чистеньких, а то и покрашенных в соответствующей лавке, но дорого. И свежесть будет не та, и сила с кровью стечет. На бойне оно и лучше, и дешевле.

Школяр собирался попробовать достаточно сложный отворот, увести заклятие в козлиную плоть, для чего требовалось немало свежего мяса. То, что на него повесили, в мышку не скинешь. Зная, что лучше провести одну мощную попытку, чем несколько слабых, он решил подготовиться как должно.

Тарас выгреб весь запас серебра, включая деньги Ланы. Набралось тридцать восемь монет. Еще две, для ровного счета, занял у Ярика. Утром аккуратно снял порчу – раньше через день чистку делал, теперь дважды в день, но помогало всё меньше, – и вот пришел на бойни. За спиной у школяра висела раскладная тележка тройного подъема. Только мяса необходимо более двух пудов.

Собственно, нужны были не сами бойни, а контора и магазин. Можно и с рабочими договориться, все, что требовалось Тарасу, могли спереть прямо из цехов, ещё и так сэкономить, но... Поразмыслив, школяр решил не лезть на рожон. Несколько ногтей того не стоили. Он здесь никого не знал, могли обжулить или на охрану навести, а с его теперешним везением... Лучше уж как положено. Все равно здесь дешевле, чем в городе.

Возле высокого крыльца на бревнах сидели трое ребят. Двое лениво лузгали подсолнухи, третий, наиболее наглый с виду, просто жмурился на солнце, как наевшийся рыбы кот. Скорее всего они здесь же и работали. Грузчики или сторожа. Парни были совсем молодые, но крепкие. В таких бродит бестолковая хмельная сила, иногда выплескиваясь в подвернувшееся ухо. Справиться-то должен, если что, но, по нынешним временам, лучше не задирачься. Лучше вообще не заговаривать, решил для себя Тарас, которому надо было уточнить, где контора.

Он свернул к пожилой женщине, что тут же мела дорожку, и та охотно рассказала все, что требовалось. Даже кое-что из того, что спросить не успел, и поговорила бы ещё, но школяр вежливо распрощался.

Мимо пацанов прошел к крыльцу мужик с аккуратной смоляной бородкой. Судя по виду, начальник средней руки.

– Иваныч! – требовательно окликнул тот, что жмурился.

Иваныч нехотя остановился.

– Чего тебе?

– Ты куда?

– Наверх, – лаконично сообщил Иваныч, собираясь продолжать движение.

– Ну давай, – великодушно разрешил пацан, явно нарушая служебную иерархию. Его лузгавшие семечки приятели довольно заржали. Иваныч запыхтел, собираясь что-то сказать, но не нашелся и только махнул рукой.

Тарас благополучно купил всё, что требовалось. Нагрузил тележку и, внимательно оглядываясь, покатил её к монорельсу. Было как-то не по себе. То ли от напряжения, то ли жаркий выдался денек, но Тарас обильно потел, часто утираясь локтем, разглядывая щербатый тротуар перед колесами, и пару раз вовремя заметил неприятные трещины. Крепкие на вид доски, мосток через канаву, оказались гнильем, но школяр объехал неприятности. На движение уходило много сил, требовалось постоянное внимание. На остановках поддерживал тележку локтем, и это выручило, когда вдруг соскользнул фиксатор. Вскоре Тарас расстегнулся, пытаясь проветрить взмокшее тело, и подумал, что не хватает ещё простудиться. Как бы то ни было, до монорельса он добрался без приключений, только однажды слетело колесо.

Дальше хоть мостовая была гладкой.

К густожитию школяр доехал мокрый как мышь. С каждым часом становилось хуже. Мерзкое ощущение. И все-таки пока он ситуацию держал. Настоящего пробоя ещё не случилось.

Глава 8

Школяр закрылся в комнате и весь вечер складывал надлежащий отворот. Не спеша, даже перед экзаменом так не концентрировался. Проверил, разложил, точно сориентировал. В ретортах, ступочках, в завеси прозрачной, через спектр, все как положено, даже лучше, на сто пятьдесят. Вместо речных раков удалось достать омара. Те же клешни, но круче. Тушка козла точно под его вес, в смысле половина, конечно. Рога свежие. Медная плошка под кровь, пузырь рядышком. Ингредиенты сортировал на аптекарских весах. Курение пошло загодя, полностью очистил комнату, за сутки начал чистить. Изоляцию звука провел, даже швы на окнах проконопатил. Убрал и потолочные пятна, никогда такой ерундой не занимался, а тут выбелил. Даже тряпки цветные убрал, где-то слышал, мол, может помешать. Лучше перестраховаться. Затем уже просто ждал полуночи, наращивая силы через росчерк и «зорево́й» перещёлк. Всё сделал правильно, с запасом. Всё как положено. Вещь, конечно, вероятностная, но могло и сработать. Вполне могло, убеждал себя Тарас, понимая, насколько слабы его шансы. И слишком уж ровно лежала тень. Свечи не должны давать такую ровную тень. Ничего, ничего. Тень не главное, тень и должна быть ровной, если фитиль хороший. Тут настрой главное, общий поток. Окунуться, смыть наволок, выдавить из себя ядовитую хворь.

Ровно в полночь Тарас разрезал пузырь, и жертвенная кровь полилась в чашу. В жёлтом зеркале отразились зрачки, проколотые безумием и смертью. Хлеб и вино; сочащийся кровью мизинец впечатать в каждый угол гексаграммы... Теперь бумажный зверь... Та-ак... И поджигаем его в центре. И смолка. Где смолка, шут... Вот она, всё в порядке...

Школяр продолжал курение до рассвета. Вокруг что-то изменялось. Дым упирался в наволок, проедавая себе выход, и это было как раз то, что требовалось. Чувства обострились, и так-то было хреново, а тут вообще всё поплыло, раскачалось. Мотало, как пьяный маятник.

И только к утру он понял – не получилось.

Легче, конечно, стало, не могло не стать. Но выбраться не удалось. Наволок удержался. Школяр только сдвинул эпицентр проклятия.

Варька оттирала бумагой пятно. Измазанные пальцы побледнели, передав малую часть чернил, но остальное только размазалось. Нужна была вода. И мыло. Правда, лекция уже вот-вот закончится.

Она со вздохом отложила конспект. Ладно, потом перепишет. Сейчас только грязь развозить. Говорили, в Литве мастеровой диковину придумал – заливают чернила в стерженёк, заранее, и что-то там крутится. Так, что ложатся они на бумагу тонкой линией. И не мажется ничего, и не высыхают, только потом, через время, колпачок свинтить надо, и можно новую порцию наливать. Вот купить бы такое пёрышко... Самописное... Варя мечтательно прижмурилась. Десяти серебряных ногтей не жалко. Даже двадцати не жалко, потому как вещь ценная. Чтобы сумку не заливать фиолетовой дрянью и руки не пачкать, а то лоб нечаянно вытрешь или лицо... Варька, по бестолковости характера, иногда забывала набрасывать колпачок на склянку с чернилами. Один раз рубашка шелковая пропала, с вышивкой, так жалко... Можно, конечно, провороты от прикоса повторять, чтобы грифель не ломался, но это хлопотно. Проще, наверное, чинить грифель, чем шесть раз в день крутить карандаш в тончайшей пудре зелёного стекла. Да и порошок монетку стоит.

А сколько гусей на перья ошипывают, это подумать страшно. Раньше ещё скот обдирали на пергамент. А вот придумал человечек, и, может, гусям теперь спокойная жизнь настанет. Одна проблема у них останется – католическое Рождество. Есть в Европе такая секта любителей гусятинки, называются католики.

Варька раскрыла пенал, собираясь упаковать аккуратно заточенные карандаши, и залюбовалась его идеальным порядком. Всё на своих местах, всё зачищено тонким лезвием, каждая

мелочь в специальной деревянной луночке. Прелесть. Иногда она жалела, что не пошла на канцелярскую магию – туда отбирали ещё на первом курсе. Писцы Колледжа, счётчики-бухгалтера, аудиторы, секретари – туда, конечно, уходили в основном девчонки, но хватало и пацанов. Из тех, что строят модели, коллекционируют наклейки-ракушки и вообще въедливы по мелочам. Неплохое направление, самое в нём приятное – не надо на пятом курсе клятву верности давать, поскольку глубинной магии работа с числами не требует. А присяга Радуге – дело серьёзное. На всю оставшуюся жизнь. Но Варька имела склонность и к аккуратности, и к безалаберности одновременно, сочетая противоположные качества, да и характер был, что называется, не канцелярский. Поэтому сейчас вокруг полно пацанов, а девчонок-то почти и не осталось. А может, оно и к лучшему.

После лекций Варвара, сочетая полезное с приятным, пошла отмываться на Водяные горки. Осенний пляж пустовал, а солнышко ещё вполне позволяло. И руки мыть специально не потребовалось – скатилась в пене искрящейся, весёлой воды в Волгу, вышла, растираясь и клаяца зубами, прохладно всё ж таки, а чернила на руках уже исчезли.

Денег почти не осталось, поэтому Тарас ограничился бананами, томатами, огурцами и ковригой пшеничного хлеба. И десерт, и салат. Ещё неплохо было бы взять яиц, но... В густожитии перезаймемся. С открытием грузовых зельцкабин заморские фрукты потеснили местный виноград и яблоки. Всё подешевело, ворчали только фермеры, которым стало труднее сбывать урожай.

Листья в парке уже тронуло дыханием желтого тлена. Повсюду слонялся народ – кто по делу спешил, кто прогуливался, благо, погода располагала. Осень в Тверском княжестве – тьфу-тьфу – загляденье. Магистрат не жалеет денег на отвод непогоды, и окупаются оно сторицей. Лишняя влага в болота уходит, по ночам дожди, днём солнышко... И с уборкой народу попроще, а раньше, при старом бургомистре, всепогодники приворовывали. Проверять такие службы очень сложно.

Преисполненная важности тетя сюсюкала с малышом. Тот старательно подыгрывал, проявляя должное уважение к старшим. Иногда малыш зевал, открывая зубастый ротик, но настойчивую няньку это не останавливало. Проходивший мимо Тарас, которому как раз полегчало, не преминул развлечься. Он подложил тете «хрюк» – тупейшее заклинание, свернутое в полупрозрачный шарик, единственным назначением которого было заставить нового владельца хрюкнуть. Количество «хрюков» зависело только от податливости материала. Кокетливый вырез тети, от складчатой шеи до оплывших лопаток, принял почти невесомый сюрприз – прикосновение шарика к открытой спине было сродни прикосновению паутинки. Тошнотворно сюсюкавшая тётя мощно повела плечами, что-то её всё же побеспокоило, и прервала рассчитанный на дебилов речитатив. Затем вдруг издала хриплую, воркующую трель, выпучила глазки и полновесно хрюкнула в сторону дитяти, чем привела засыпающее чадо в невероятный восторг. Стоявший рядом супруг, такой же дородный, неодобрительно посмотрел на свою половину. Удержаться от хрюка трудно, как от чихания. Свербит, только не в носу, а в горле. Можно, конечно, но надо технику знать. Тетя хрюкнула ещё три раза, с недоумением прислушалась к себе и к гоготавшему племяннику, раздраженно толкнула мужа в бок и ещё дважды смачно хрюкнула напоследок. Булькающий смехом Тарас завернул за угол. Вообще это дурацкое заклинание было довольно дорогим, даже со скидкой не меньше золотого. Но сейчас он чувствовал, что не зря потратил деньги.

Настроение улучшилось. За счёт тети.

Даже как-то посветлело. Глупость какая, а вроде помогло. Тут вокруг школяра всё покачнулось, над бровями выступил пот, и он понял, что выбрал не тот способ. Смех, конечно, продлевает жизнь. Но сначала надо вытащить из спины топор, а потом начинать смеяться.

– Это монастырская земля.

– Нам нужно проехать.

– Это невозможно. Вам следует взять благословение у отца-настоятеля.

– Нам нужно сейчас проехать. Освободи дорогу, монах.

Привратник в низко надвинутом капюшоне отрицательно покачал головой. Мощный конь рыцаря, укрытый светлой, отводившей стрелы дымкой, напирал на шест, перегородивший дорогу. Всадник, постепенно свирепея, повышал тон.

– Монах. В ваши края ушли разбойники. Нам не нужна монастырская земля. Мы преследуем банду душегубов.

– Я очень сожалею, сын мой. Но я не могу пропускать посторонних.

– Монах. Время уходит.

– У вас своя служба, у нас своя. Если вы хотите пройти, следует взять благословение у отца-настоятеля.

– Счёт идет на часы. Если мы их не перехватим, банда уйдет в пушу Углича.

– Если вы торопитесь, господа, я могу свистнуть по глине отцу-настоятелю, и он примет вас уже сегодня. Служба заканчивается в шесть.

– Монах!.. – Рыцарь с трудом удержался от ругательства.

– Вы зря беспокоитесь, дети мои. По этой дороге с самого утра никто не проезжал. И я никого не пропустил бы без благословения отца-настоятеля.

Рыцарь явственно скрипнул зубами.

– Бандитов больше полусотни. Они ушли в вашу сторону. Если бы ты с приятелем вздумал загоразивать дорогу, то у шлагбаума стояли бы два дурацких чучела.

– Господин рыцарь, вам следует чаще бывать в храме.

По укрытому световой броней плечу пробарабанили пальцы второго всадника. Шлем этого рыцаря был приторочен к седлу. Длинные рыжие волосы свободно спадали на плечи.

– Мы не можем нарушать устав. Наш обет – служение закону. А на земле монастыря распоряжается отец-настоятель.

– Туда ушел Хвощ, – злобно выдохнул Ладья.

– Вероятно. Хотя следы теряются в болоте.

– Он там. Стрелок видел шестерых. Они идут малыми группами. Мы сможем перехватить их в поле, в чистом поле. Доберутся до пуши, и всё – пиши пропало.

Основной отряд – ещё двадцать два всадника – молча ждал неподалеку.

– Здесь нет следов. Пятьдесят человек здесь не проходили. Ты можешь, конечно, обидеть монаха, при прямом преследовании допустимо. Но мы идём в отрыве. И реально Хвощ может быть совсем в другой стороне.

– А стрелок?

– Стрелок видел шестерых. – В голосе Андрея звучало сомнение. – Это явно не вся банда. Это вообще могли быть лесорубы или охотники. Он же не может слезть со своих птиц и проверить.

– Мог бы и слезть.

– Если бы он убедился в правоте, мы бы об этом не узнали. А он не был уверен. Он только предположил. Ты готов лишиться звания звеньёвого, если ошибёшься?

Ладья раздраженно шмякнул перчаткой о колено.

– Шут. – Он повернулся к монаху. – Давай своего соловья, старик.

– Не поминай нечистого, сын мой.

– Давай соловья, папаша.

Монах щелкнул клювом глиняной птицы.

– Отец-настоятель? Это Феодосий. Здесь господа рыцари хотят проехать через наши земли. – Монах кивнул, соглашаясь с невидимым собеседником, и протянул птицу всаднику. Тот снял световую перчатку и взял соловья.

– Говорит звеньёвой Ладья.

Более рыцарь ничего сказать не успел. Сначала он слушал, раздраженно кивая, а как только собрался разразиться ответной тирадой, связь отключилась. Монах пожал плечами.

– М-да. – Рыцарь явно решил не переть на рожон. – Крут ваш отец-настоятель. – Он вернул глиняную птицу. – Ну, рассказывай. Как к нему ехать и до сколько там дневная служба?

Четыре года назад, когда Тарас впервые попал в Колледж, он готов был удивляться. Тверь произвела впечатление. Он никогда не бывал в столице и увидел много необычного. Одна подводная дорога чего стоила. Спиральные кабинки вверх-вниз так ему понравились, что он долго катался просто так, получая удовольствие от подъема и вращения. Прямо круговые карусельки. Только ещё вверх-вниз. Неудобно, конечно, его даже предупредили, что так развлекаются только деревенские... Тарас деревенским выглядеть не хотел, стеснялся, но уж очень кататься понравилось. Он тогда на другую станцию ушел и ещё несколько раз проехался. Вверх-вниз... Лучше, чем на качелях. И тратиться не надо, течение, вода всё тащит. И крутит так, сквозь стены пузырчатые... Это местные попривыкали, стоят себе... Кто крендель жует, кто читает... А Тарасу было очень интересно. По-первах. Потом, конечно, притёрлось. Иной раз тоже конспекты читал.

Конка ему не глянулась, такая же была в Вышнем Волочке. Тележка на рельсах, и всё тут. Забавно, конечно, – запрыгнул, спрыгнул. Но скорости никакой. Чуть быстрее, чем пеши. Только если лень идти либо вещи. Да на некоторых вагончиках второй этаж, там хорошо, на людей можно сверху поглядывать. Увидел знакомого – яблоком кинул. Весело. Тарас долго так шутил, не жалея огрызков, пока однажды кондуктор не оштрафовал его на серебряный ноготь. И ногтя было жалко, и стыдно – жуть. Отчитали, как малыша-несмышленища. А он уже был на первом курсе... Эх, балбес он ещё был на первом курсе... И воздушные гондолы тогда, в первый день, его не удивили, на них он тоже летал. Только сам вид, дома эти, проспекты, море людское, белые фонарики – Тарас-то летал раздолбанной коробочкой Калязин—Кашин, а там, кроме ёлок да лосей... Но всё же гондолы, дирижабль – это было привычно. Понравились проспекты. Витрины, вывески, обилие красок, ткани всех расцветок, зазывалы с пяти сторон – сверху тоже висели – раньше всё это встречалось только на ярмарках. А удивила столица девушками.

Совсем они здесь были другими. И ходили как-то изящно, и ярче были, и улыбались... Не тупо скалились от плетня, лузгая семечки, а именно улыбались, так что чуть не к каждой хотелось подойти и сказать что-нибудь вроде «Здравствуйте, меня зовут Тарас...» или даже выяснить насчет серьезных отношений. У этой вот... или у этой... и у этой тоже. Позже он понял, что это была обычная парфюмерия, тверской макияж, в котором традиционно много приворота. В деревнях мало кто имеет возможность и желание тратить деньги на выстрелы вот так, в пустоту, сразу во все стороны. Да и здесь никто на это не клюет, кроме приезжих. Хвала Велесу, ни к кому он тогда не подошел. А то бы, конечно, обсмеяли. Особенно с серьезными отношениями. Увалень деревенский. Почти школяр. И башенки вокруг, и стекло, и дерево завитое, камни железные под ногами... Много всего, много. Он устал даже. И каждый дом не как все, каждый по-своему выкручивается, хоть чуть-чуть, но иначе глянуться – то оконце круглое, то сад с фонариками по стене... Кто побогаче, всё своё понастроит, всё особенное... А уж от Колледжа ожидалось что-нибудь эдакое. И не ожидалось даже, не думал об этом специально, просто внутри сидело – ну уж Колледж-то покроет все боярские навороты.

Получилось иначе.

Архитектура самого здания была почти бедной. Чуть-чуть резьбы, какие-то стильные башенки, но так – даже не в меру, прямые углы убрать. Возможно, не будь этой каменной мишуры, у Колледжа проявилась бы внешность особой простоты, которая иногда лучше вычурности, но и этого здесь не нашлось. Просто крупное, красивое, почти рядовое здание. Сразу видно, что учебное – такие здания вообще сразу видно, и Радужный Колледж не был исключением. Единственное отличие от прочих, вполне рядовых домов, которое Тарас не скоро и заметил, было то, что Колледж притягивал скользкий взгляд, причем притягивал сильно. Так

ярко одетая женщина сразу выделяется в толпе, даже если вы не собирались на нее смотреть. А здание было вполне сереньким. Неброское, завораживающее пятно. Тарас не знал тогда, что это подпитка охранного периметра, и избыточность своего внимания, конечно, не заметил.

Впрочем, поначалу её никто не замечал.

Внутри впечатление снова изменилось. Помещения Колледжа были огромны. Коридоры и аудитории, внутренние висячие арки, фонтан в центре – это был настоящий дворец, и вскоре Тарас поймал себя на мысли, что не может столько пространства уместиться в каменной коробке. Он тогда вышел, чтобы точнее оценить размеры здания. Он даже промерил периметр обычными шагами. Несовпадение было почти в три раза. Позже он узнал, что число это может изменяться. Это довольно дорого, но было своего рода шиком, престижем заведения.

Тарас подумал, что как бы прощается и с Тверью, и со всем учебным великолепием, уже не ощущая себя частью Колледжа. Всё уходило, как прекрасный сон. И бороться, наверное, уже не имело смысла... Тараса переполняла пустота, он был насыщен ею, как Колледж дополнительным пространством.

Этот день был ещё хуже. Он сползал, не умея удержать ситуацию. Он не знал, что делать, устал концентрироваться, устал «держаться контур» и вот-вот должен был попасть на настоящий пробой.

Земля дрожала под копытами.

– Что-то не так. – Длинноволосый блондин, цветной рыжего Андрея, осадил коня, и отряд тоже остановился. Ладья, скакавший впереди, не сразу обратил на это внимание, а когда увидел, раздраженно махнул перчаткой, призывая продолжать движение. Повинуясь приказу, рыцари снова тронулись в путь. Андрей подъехал к цветному и вопросительно на него посмотрел. Олег, не покидавший у шлагбаума основной массы всадников, прислушивался к чему-то невидимому. Андрей молча ехал рядом, зная, что в такие минуты цветного лучше не беспокоить. У Олега было острое «чувство движения», он реагировал на ошибки инстинктивно, как животные чувствуют север, и иногда эти ошибки ещё успевали исправлять.

Приняв окончательное решение, Олег снова натянул поводья, высоко вскинув руку.

– Стой! Ладья, стой!

Звеньевой развернул коня. Он по-прежнему выглядел раздраженным.

– В чем дело?

Олег молчал. Встревоженный Андрей держался рядом. Ладья подъехал ближе и спросил ещё раз:

– Что случилось?

Олег протер лицо ладонью.

– Мне кажется, это были не монахи.

Глава 9

На этот раз его хотя бы не клонило в сон. Хотя сил записывать всё равно не было. Тарас уже не воспринимал лекции как нечто необходимое. Где-то в подкорке сидело ощущение, что до экзамена ему не дотянуть. Сегодня имело значение только то, что могло помочь в работе с проклятием. Ведь должен быть способ... Обязательно должен быть...

Лектор читал хорошо, Тарас решил, что экономить больше незачем, и раскрыл хрон. На март откладывал, их потом не купишь. Теперь чего уж...

Нечего в тоску впадать, одернул себя школяр. Чувствуешь себя почти в порядке, после козла «на отворот» легче стало. Вот и слушай. Нормально ведь, даже голова не кружится.

Нормально. Это как по склону к пропасти съезжать. Пока нормально, только ободрался чуть-чуть. А обрыв уже вот он... Совсем рядышком.

Не паникуй. Слушай. Тарас более точно направил хрон, забирая лектора в «раструб».

– Сегодня мы поговорим о деньгах. – Аудитория разочарованно вздохнула. Бакалавр нахмурился. – Конечно, многим сей предмет покажется пустяками. Подумаешь, деньги. Чрезмерно сребролюбивые не проходят систему отбора и не попадают в Колледж. Так что трепетного внимания я не жду. Но сегодня мы только начнем большую тему, и трое из вас станут профессионалами именно в области денег. И сам факт, что ориентация по предмету состоится на четвертом курсе, демонстрирует важность магической концепции денег. Лишь две специализации превосходят её качеством, так что слушайте внимательно.

Сидевший рядом Никита толкнул Тараса локтем.

– Ты или пиши, или хрон включи. Чего сидишь, как сомнамбула.

Тарас включил пишущее веретено.

– Наша монетная система, основанная на серебре и человеческих ногтях, кажется естественной и очевидной. Она неизменна на протяжении трех столетий. Но вы, разумеется, знаете, что денежная система может быть иной. Совершенно иной. Сегодня наша задача – разобраться по существу. Что есть деньги? – Девушка на первой парте с готовностью вскинула руку, но бакалавр ответил сам: – Деньги – это товар, функцией которого является обмениваемость, и этим он отличается от всех других товаров. – Бакалавр сделал паузу, давая возможность осмыслить определение, и продолжил: – Разумеется, деньги могут выступать и в товарно-потребляемом виде. Монетки легко переплавляются в металл, целиком впаиваются в украшения, а на магической функции такого сырья, как ногти, я даже не буду останавливаться. Но основная функция денег именно обмениваемость, иначе они выступают в роли обычного товара. Насколько естественным было выделение в качестве всеобщего эквивалента, то есть товара, который принимается всеми торговцами на рынке, именно покрытых серебром ногтей? Или это сработал указ древнего князя? И мог ли выделиться другой товар? К примеру, сковородки?

Прямо перед Тарасом вскинулась рука, бакалавр кивнул, разрешая вопрос, и с места спросили:

– Что значит выделить сковородки?

Бакалавр укоризненно покачал головой.

– Значит принять эти предметы в качестве денег и сделать основой обмена именно их.

– Они же большие и неудобные.

– Не настолько большие, как кажется. Известны случаи, когда дикие племена использовали в качестве денег ножи, мотыги, любой инструмент, в котором нуждались и который случайно попадал к ним в большом количестве. Например, когда на рифах разбивался грузовой корабль. Но в принципе вы правы. Монетки действительно удобны. Мотыгу, сковородку либо овцу, что также играли роль денег, в карман не положишь. А уж набить овцами кошелек не поможет никакая магия. Итак, отметим: свойство размерности. Гипотетическая монетка

должна обеспечивать удобство бытовых покупок. Но денежная единица не должна теряться в кармане. Золотая песчинка, к примеру, не подойдет. Далее... – бакалавр снова кивнул, ориентируясь на кого-то за спиной Тараса, и оттуда сказали:

– Счетность. Деньги должны быть одинаковы.

– Абсолютно правильно. – Бакалавр что-то пометил в свитке. – Одна отара овец может сильно отличаться от другой. И это неудобно. То же касается любого штучного товара. Возьмём самоцветные камни. Они подходят по величине, будучи соразмерны монетам, но стоимость каждого индивидуальна, а потому торговцу придется по совместительству быть ювелиром-оценщиком. Этого недостатка лишены металлические монеты, лаковые, с серебряной просечкой ногти и куны. Напомню, когда-то на территории княжества были в ходу деньги из меха пушных зверей. Специально обработанный лоскут шкуры с княжеским клеймом. Кто скажет, почему куны не сохранились до настоящего времени?

Никита поднял руку, бакалавр кивнул. Тарас перевел соловые глаза на своего цветного. Тот поднялся.

– Может быть, куны со временем портились?

– Абсолютно правильно. – Бакалавр сделал пометку, Никита подмигнул Тарасу и нахмурился, ему не понравился встречный совершенно апатичный взгляд. – Куны истирались, в них заводилась моль, они начинали отличаться по качеству меха. Золото, серебро и лаковые ногти лишены подобных недостатков. – Бакалавр отхлебнул воды и снова поставил стакан на прохладный круг. – Ещё одно очевидное качество денег – их ограниченность. Невозможно представить в виде монет еловые шишки. Ведь достаточно сходить в лес, чтобы набрать мешок «монет», растущих на каждой ёлке. Такая система не будет работать.

В прошлом веке философский камень стал стремительно увеличивать общее количество золота и, как следствие, обесценил этот металл в сотни раз. Напомню, двести лет назад серебро было дешевле золота. Сегодня это странно представить. Сейчас золото годится на бижутерию и мелкие монеты, цена которых определяется затратами чеканки. Золото погубила избыточность производства. Но! Почему именно человеческие ногти стали стоимостной основой княжества? Почему не когти сапсана, например? Не медвежьи клыки, которые также нелегко раздобыть? Не лоскутки бумаги, которыми в некоторых государствах пытались разбавить денежное обращение? И даже не серебро, что прекрасно отвечает всем требованиям к платежной единице? Итак, какая ещё составляющая существует в денежной системе?

– Магическая, – сказали сразу несколько голосов.

– Разумеется. – Бакалавр нахмурился. – А магия предполагает дисциплину, не так ли? Я к тому, что нормальный школяр, прежде чем ответить, поднимает руку. – Он укоризненно посмотрел на сидевшую впереди отличницу, что, видимо, тоже не удержалась от реплики с места. – Денежная система, основанная на ногтях, зародилась в Южной Америке. Инки и ацтеки, проработавшие великолепные жертвенные ритуалы, использовали вместо монет именно человеческие ногти. Их полезность очевидна для любого общества, знакомого с магией. Причём ценность эта самодостаточна, а не декларирована указами властей. Никто не способен резко увеличить их производство. Стало быть, денежная система защищена и от внутренних колебаний. Серебро более пластично по добыче и потому идеально подходит на просечки и монеты среднего достоинства. Кроме того, инвалид, подросток либо вдова, не имеющие возможности работать, могут просто отращивать ногти и сдавать их на монетный двор. Это даёт любому возможность скудного, но пропитания. Такая ситуация благоприятно сказывается на обществе. Иначе нам пришлось бы платить всем немощным специальное пособие. Отвлекать немалое количество людей на расчёты этого пособия: кому его получать, а кому нет, в каком количестве... Такие расходы ложатся общим бременем, а система с ногтями снимает эту проблему. Человек – исключая несчастных, потерявших пальцы – всегда может гарантировать себе хотя бы кусок хлеба. И, наконец, ногти защищены не только от подделки, но и

от обреза – распространенного в прошлом занятия жуликов. Поясню – брали сотню золотых монет и подрезали, подтачивали по краям напильником. Каждая монетка становилась легче, что не сказывалось на платежеспособности. Добытую стружку переплавляли в слиток, который продавали ювелирам. С ногтями такой фокус не проходит, а баловство с сегодняшним серебром слишком опасно.

На первой парте вскинулась рука.

– А почему все-таки не медвежьи когти?

– Развернуто об этом позже. Если коротко, то в человеческом обществе, для равновесной струнной основы, магическая функция денег должна быть основана на человеческой же составляющей.

– Не очень понятно.

– Я же говорю, позже. Когда мы доберемся до общественных и мировых струн. Здесь слишком многое замыкается на государство. Теперь о монетах. Почему они всегда округлой формы? Листовой металл удобнее рубить квадратиками. Почему банкноты – бумажные псевдоденьги, что вводились в некоторых безответственных странах с неразумным правительством, – всегда формы прямоугольной? Почему на монетах обязательно чеканят профили императоров, королей, князей? Попробуйте нарисовать на деньгах зайчика – и денежная система тут же полетит в тартарары. Почему это происходит? – Бакалавр снова отхлебнул воды. – Деньги в силу своей счетности неизбежно становятся целью значительной части общества. Я бы даже сказал, подавляющей его части. Человек ищет смысл в своей жизни и хочет разбогатеть. И если первая составляющая туманна, то со второй всё кажется проще. Чем больше, тем лучше. Поскольку деньги облегчают жизнь, их накопление определяется как очевидное благо, что на самом деле не соответствует истине.

– Это почему? – буркнули справа.

Бакалавр услышал, но не рассердился.

– Потому. Что. Фиксируйте, фиксируйте. До определенной планки деньги действительно играют положительную роль, добавляя человеку и возможностей, и свободы. Но отследить эту планку удастся немногим, и дальше процесс идет уже бесконтрольно, «успешный» человек зарабатывает чудовищно много денег. При этом тратить их обычно некогда, здоровье подорвано, в семье проблемы, детей норовят похитить, а по улице нельзя ходить без охраны. То есть определенной величины деньги уже отнимают свободу, требуя всёвозрастающего внимания. Здесь глубинная магическая составляющая, и отслеживать её придётся. Проще говоря, с деньгами возможны только две ситуации. Их либо хватает, либо нет. С общим их количеством это почти не связано. На деле достаточно регулировать и покрывать с некоторым избытком собственные потребности. Теперь о чеканных королевских профилях. – Бакалавр снова потянулся к стакану, но на этот раз пить не стал, а для чего-то принялся прокручивать его в пальцах, поглядывая сквозь искрящийся хрусталь. – Положения монетной магии гласят, что любая держава, заинтересованная в стабильности, должна чеканить в качестве фетиша для толпы профиль центральной власти. Возьмем римских императоров. Основным металлом ещё было золото, а чеканили изображение цезарей. Округлая замкнутость монеты способствовала положительным следствиям для избранного лица, прибавляя здоровья, реальной власти, ограждая от заговоров, и прочая, прочая, прочая. Положительная энергия подданных, бережно собирающих монеты в кошель, концентрируется именно в центральный фетиш. С этим же связан запрет неуважительного отношения к царственному лику, бросания монеты в грязь и тому подобное. На интуитивном уровне наши предки прекрасно понимали такие вещи. Меняя символику монет, можно добиться удивительных изменений в экономике. К примеру, настоящей катастрофой была бы чеканка на счетной денежной единице, пусть на одном талере, эмблемы какого-нибудь тайного общества. Оно получило бы чудовищную подпитку и обрело реальную власть. – Бакалавр поставил стакан на место, так и не сделав ни глотка. – Ещё хуже, если подоб-

ное произойдет на так называемых банкнотах, чья реальная ценность равна нулю и опосредована только доверием народа к власти.

Бакалавр кивнул, разрешая вопрос. Поднялся длинный, нескладный парень.

– А я вот... это... в Литве был... И тамошний меняла мне про банкноты рассказывал, ихнего герцога, когда они там ходили. Нормально, говорит, и печатать легко, не то что над серебром в рудниках горбатиться. Только водяные знаки если добавить...

– Надо говорить не «ихний», а «евонный», – позволил себе пошутить бакалавр.

– Я... это... – Вопрошавший снова поднялся, пытаясь объяснить свою риторику, но властный жест усадил его на место.

– Итак, вопрос. Несмотря на косноязычие, вопрос хороший. – Бакалавр сделал пометку в свитке. – Периодически возникают поползновения к переходу на кредитные деньги. Проще говоря, на бумажки, которые будет печатать правительство. Оставим в стороне ситуацию подделки этих бумажек. Это встанет отдельной проблемой, отвлечет у общества массу сил, превратит многих людей в преступников. Но этими пустяками, в конце концов, можно пренебречь. Водяные знаки. Здесь глубинная магия, понятная специалистам, но закрывать солнце банкнотой, смотреть сквозь деньги на белый свет... Соображать надо, не дети уже всё-таки. Само введение таких банкнот, не обеспеченных ни магией, ни серебром, свидетельствует либо о глупости, либо о злой воле, о начале фантастических спекуляций. За бумажку, стоимость которой ничтожна, покупается множество товаров, человеческого труда. И первый, кто выпускает её в обращение, получает нечто даром. Государство это, купец или учреждение, всё равно. И этот факт невозможно изменить. Пустышка, постоянно растущая червоточина. Такое общество не сможет удерживать стабильных цен. Они будут всё время ползти вверх. Подобное состояние затрудняет нормальный обмен, зато идеально подходит для спекуляций. Попробуйте спекулировать серебром. Здесь возможна только удачная либо неудачная торговля.

– Феодосий... – Сиплый голос похохатывал. – Ну ты, Бредень, даешь. Феодосий, твою мать.

Бредень откинул монашеский капюшон, под которым действительно оказалось благообразное лицо и аккуратная, клинышком, борода. Чувствовалось, что её с утра расчесывали.

– А говорил-то как, – не унимался сиплый. – Прямо излагал. Красиво паришь, Бредень. Или тебя теперь Феодосием и кликать?

– Так я ведь жил при монастыре. Столовался там, все у них знаю. Год, почитай, там прожил.

– А, ну тогда понятно. И тебя там что, Феодосием звали?

– Нет. Но там был отец Феодосий.

– Ну, все равно. Оторва ты, Бредень. Баско их развел, не подкопаешься. А по глине кто, Хвощ говорил?

– Понятно, Хвощ.

Вернувшиеся рыцари «монахов» уже не застали. Трупы настоящих привратников были найдены в кустах неподалеку. Время, конечно, упустили. Если б не Олег, вообще получилось бы глупо, но и полтора потерянных часа отыграть не удалось.

Банда Хвоща растворилась в огромных лесах под Угличем.

Глава 10

Глиняная птаха в кармане запищала переменчивой трелью. Вызов на связь; судя по руладам, Варька. Тарас вытащил «соловья», щелкнул клювом.

– Слушаю.

– Мя-ау, – сказали на том конце. Точно Варька.

– Как дела? – спросил школяр.

– Мьяу, мя-ау, – доложила Варька. В смысле, не особенно дела, могли быть и получше.

– Ты чего хотела? – не слишком вежливо поинтересовался Тарас, но сбить Варьку с поэтической волны не удалось.

– Мя-а-ау. Мур-р-р.

– В смысле, чтобы я приехал?

– Мя. – Утвердительная интонация не нуждалась в пояснениях.

– Ты, кстати, Никиту видела сегодня?

– Мя, – снова сообщила его пассия, но на этот раз интонация была противоположной.

Мол, на хрена тебе Никита, если я, красавица, с тобой воркую.

– Да не мякай, скажи, видела или нет?

– Мя, мя, мя.

– Точно нет?

– Мя. Мя-ау, мур-р, мя-ау!

– Вечером приеду.

– Мур-р.

– Мур, – лаконично попрощался Тарас и щелкнул клювом глиняной свистульки. Спустившись с верхней площадки, он уселся на сиденье. Вагон медленно катился в район, где жил Никита. Тарас надвинул на глаза форменную кепку и попытался задремать.

– Нет, ты представляешь? Стиральное корыто опять искрит.

– У тебя ж было такое.

– Было. Было, чтоб ему мордой об забор, поганому наладчику. У вас, говорит, порошок просрочен. Как будто тараканье крыло портится. Его хоть год держи, хоть четыре года.

– Ага. То-то у тебя полка в подсобке завалена. Запаслась.

– И у тебя были бы завалены, если бы возможность появилась. А я что вынесла, то вынесла. И тебе, кстати, целую коробку тогда дала.

– Неполную.

– А ты не жадуй. Сама тоже... В огороде без цветов. А таракан – он всё равно не портится.

– Так там же не только таракан. Там ещё мыло, корица, там намешано что твои салаты.

– Ты хоть салаты мои не трожь. Я ей про корыто, она мне про салаты. Или ты считаешь, оно нормально, когда вместо чистого белья из корыта дым с искрами идет?

– Дым-то чёрный?

– Дым цветной. Нормальный дым, чинить можно. Что ж, думаешь, я совсем без понятия?

– А Манечкин мужик, он не могёт?

Одна из громкоговорящих женщин сменила интонации на шёпот, свистящий и почти такой же звучный.

– Вона, школяр сидит, попросила бы его. Он бы враз твою корыту настроил.

– Не согласится, – ответили таким же шёпотом, – а согласится, так знаешь сколько запросит? Проще новое купить.

– А ты крылом рассчитайся. Тараканий порошок каждому нужен. Так слежится, а так хоть в пользу пойдет.

Тарас приподнял кепку. Теток, оказывается, было три. То ли третья молчала, то ли он путал голоса. Школяр встал и пошел к выходу из вагона. Посадские тетки снова завозились за спиной.

- Пошел, пошел барчук, как же.
- Гребостно яму простой женщине помочь.
- Понавыучивали на свою голову...

Тарас почти не слышал нарочито громких реплик. Он уже спрыгнул с медленно идущей конки. Ни искрящее корыто, ни порошок его не интересовали. Школяр снова почувствовал себя хуже.

Тарас открыл мощную резную дверь, крытую темным лаком. Звякнули китайские колокольцы. Никита лежал в малой гостиной – на столе, наполовину укрытый махровым полотенцем, и «принимал массаж».

Хорошо быть богатым, без зависти подумал Тарас, глядя на довольную морду своего цветного. Над ним хлопотала Ивановна, знакомая Тарасу массажистка, по практике превосходившая любую знахарку с дипломом, а по прищепёту – ведьму. Ивановна употребляла множество мазей, мед и обычные наговоры, сочетая их творчески и бессистемно. Получалось здорово, но результатов она не запоминала и не записывала. Тарас пытался отследить критерии её выбора, но так и не сумел. Она и рассказывала, не делая секрета из метода, вот только понять её ласковую околесицу не было возможности. «Воробы сегодня чиркали, надясь, лето жарким будет, вот мы ему стеклышком-то и разотрем под плечо, мячик-ключик поскочи, ветром напасть унеси, вот как мой дед в тайге шишки кедровые собирал, так и я орехи. А теперь палец вдавить глубоко и воском его смазать».

Логики тут не было, только практика и чутье. Сегодня это могло быть розовое масло, а завтра, ровно в той же ситуации, спиртовая растирка. Но в результате клиент расслабленно балдел, набираясь энергии и здоровья. Вот как сейчас – приятный запах, желтый звон от поля и грязная пена на полу. Все шлаки вывела. Ему бы так от порчи избавиться. Вывел всю дрянь через поры и тряпочкой стер. Жаль, уровень не тот. Не поможет, как чистить уши при лихорадке. Несоприкасаемые вещи. А может, баньку по-звонящему пройти? Тарас внутренне оживился, понимая, насколько хороша идея. Если правильно всё приготовить, подействует. Вытопит по струнам хворь. Это шанс, настоящий шанс. Вот только денег надо немерено. И разрешение с кафедры. И чуть не так, наоборот, сам себе гвозди в крышку вколотишь. Сейчас-то можно рискнуть, терять-то нечего... Сварог, всё просто как дважды два. Почему это раньше в голову не пришло? Вот только дорого. Совершенно не по ногтям. Это не козла на бойне купить. И даже не стадо козлов. Это как всю бойню целиком. Столько серебра не найти, хоть весь курс раскрути на ноги. Тарас огорченно щелкнул языком. Потому, видно, и не думалось в эту сторону, что нереально. Как воздушный шар-гондолу купить.

Сильные пальцы теребили расслабленную шкуру Никиты, безжалостно и с разворотом её оттягивая. Никита взмыкивал, покряхтывал, но терпел с удовольствием матерого мазохиста.

Тарас посмотрел в зеркало. Лицо было маской, сквозь которую смотрели усталые глаза. Сел в кресло и принялся листать потрепанную книжку. Мысль о звонящей бане не давала покоя. Бургомистр, сказывали, дважды в год её проходит. Без всяких причин. Просто для здоровья. А тут... Если это принять, то задача переводится в «найти бы деньги». Много, конечно, очень много. Но хоть понятно, что искать. Ноготочки, всего лишь ноготки. Занять... Столько не занять. Попросить Никиту занять? В принципе вариант, хоть и хлипкий. Что ещё? Выиграть на боях. Не с его удачей, но почему бы не попробовать. На ставку легче набрать. Хоть какой-то шанс. Или грабануть кого-нибудь. Из богатеньких мироедов. Не получится. И нехорошо. И даже если получится, ведуны в два счета вычислят. То бишь сразу после баньки придется в бега уходить. В леса, к разбойникам. Тарас перевернул страницу. Какая-то часть его сознания рассматривала гравюры – в книге осаждали крепость. Мелкие человечки в металлических

колпаках лезли на стены, с которых их поливали кипятком. Хотя лучше к разбойникам, чем в яму. Запах ароматического масла создавал духоту. Ивановна всегда перебарщивала с добавками. Вдруг вокруг Тараса всё поплыло, так, как обычно бывает при внутреннем пророчестве. Если не почудилось, то последняя мысль сбудется. Кого это он накаркал, разбойников или яму? Консистенцией запахов комната напоминала опиумную курильню. Тарас захлопнул книгу.

Из магии Ивановна практиковала только отговоры, бессистемную болтовню, где также была самоучкой. Типичный бабий бред с переворотами зелёного в кислое, а девятнадцати – в движение теней. Работало там чуть-чуть, иногда и что-то. В основном это был звуковой фон, помогающий расслабиться.

Несколько минут Тарас наблюдал, как терзают мускулистое, чуть заплывшее жирком тело его цветного, получил предложение помучиться следом и отрицательно помотал головой. Ему это сейчас не пошло бы на пользу. Наконец массаж закончился.

Школяр дождался, пока Ивановна заберет свои шесть золотых, упакует шкатулочки с мазями, и вежливо кивнул на прощание. Потом развернулся к Никите и улыбнулся, оскалив верхние клыки.

– Уйди, глюк противный, – расслабленно попросил Никита, укрытый поверх халата ещё и длинным полотенцем. По правилам сегодняшних притирок, ему следовало подольше сохранять тепло. Тарас добавил к улыбке полноценный оскал, а потом ещё и рычание. Никита соизволил повернуть голову и вопросительно на него посмотрел.

– Попался, окорок, – плотоядно облизнулся Тарас и медленно, «подкрадываясь», поплыл на Никиту движениями то ли волка, то ли вампира из какой-то сказки. Расслабленный глаз Никиты имитировал тревогу.

– Или барсук, или баран. Лесная и мясная жертва. С ароматами, с приворотами... – Руки Тараса стали оттачивать невидимый клинок. – Вкусный баран. Барсук с целебным салом. Чё зыришь, вкусный баран? – Хищная засада стала напоминать движения массажиста, к чему прилагался гастрономический прищепёт: «Натираем тушку перцем, шпигуем унотрь сольцы, и сверху маслицем, чтобы шкура мягше, да растирочку по кругу, чесночку, сальца, мясца, обрубаем два яйца...»

– Я не понял, я барсук или баран?

– Барсучонок. Барин, и ещё сучонок.

Ленивый Никита резонно заметил.

– Я вот кому-то дам пяткой в нос, и посмотрим, кто из нас сучонок.

Тарас на мгновение задумался, затем испугался, попросил жалостно:

– Не бейте меня, дяденька.

Никита засмеялся.

– Ладно, не буду, – согласился он и повернулся на бок, аккуратно подоткнувшись полотенцем. – Чего рычишь-то?

– Работа такая, – объяснил Тарас. – Всё вокруг так весело. Мне нужны твоя душа, деньги, что-нибудь пожрать, пиво и ещё деньги. А потом я тебя съем, ароматная Красная Шапочка.

Никита отрицательно покачал головой.

– Денег нет. И долго не будет, брат.

Тарас нахмурился. Никита продолжал:

– Зато с остальным порядок. Пива в погребке нацедим, жрать полно чего, душа у нас одноцветная, так что бери. Что там ещё? Есть меня не надо. А денег нет. Поскольку десяток золотых тебя явно не устроит.

– Говорил дураку, не ставь на урода. Панцирник, панцирник...

– Говорил... Ты и в прошлый раз то же говорил, а тогда мы выиграла.

– Кстати, вспомнил, пива мне нельзя.

– Чего это вдруг? Заболел, что ли? У меня домашнее, с травками.

- Ну да. Вроде как заболел. Хотя если с травками...
- С травками, вкусное. Полезное для здоровья. Простуду лечит и всякую хворь.
- Ну ладно, пивной знахарь. С травками соглашусь. Напоследок можно, – непонятно добавил Тарас, чем заставил Никиту удивленно поднять бровь.
- Странный ты какой-то. Покурил, что ли?
- Ладно, – подытожил Тарас. – Ещё пять минут вылеживайся, бо я сегодня добрый. – Он был не только добрый, а вроде как навеселе. То ли сказывалось улучшение, то ли заклятие пошло вразнос и уже затронуло нервную систему. – Потом сошкребаем пиво, закуску, десять золотых и идем позориться в «Цепи». Возьмем там пару кружек, а добавляться будем из жбанчика.
- Зачем куда-то идти? Тут и так классно.
- Тут скоро папик твой придет, будет разговоры разговаривать. Подбадривать меня будет, на равных со мной, недотёпой, общаться. Надоело. И воняет здесь, как в коптильном цехе. – Никита молча закричал, переворачиваясь, и встал точно в мягкие тапочки. Тарас ухмыльнулся и продолжил: – Так что вперед, Синяя Шапочка. Пошли на свежий воздух.
- Почему Синяя? – буркнул Никита.
- Ладно, Красная, – вернулся на прежние позиции Тарас, и они вышли на свежий воздух. Но сначала долго, до краев, цедили в погребе жбан.

Глава 11

В этой лавке у школяров и бомбардиров был небольшой кредит. Хозяин понимал проблемы учащихся с монетой и отпускал в долг, записывая в специальную книжицу. Иногда он, наверное, попадал – разные бывают ситуации, но в основном, конечно, возвращали. И Тарас набирал по четыре-пять строк в расчётной книжке, а потом, по случаю, всё перечеркивал замечательным косым крестом. За четыре года скопилось уже несколько страниц подобных записей, по которым внимательный биограф мог бы отследить смену его гастрономических пристрастий, становившихся всё менее изысканными – поначалу-то все городские лакомства перепробовал, – да осенний перекосяк в спиртное, полностью выветривавшийся к зиме.

Сегодня Тарас не был уверен, сможет ли вернуть долг. У него даже мелькнуло нечто вроде угрызений совести, но в таком слабом виде, что не оформилось всерьёз. В конце концов, он же не собирался специально зажимать деньги. Жив будет – рассчитается.

А купить надо было многое.

В основном, конечно, еду и учебные ингредиенты. Путать не следовало даже с голодухи. Магические компоненты обычно неаппетитны, хотя частично вполне съедобны. Чтобы не сбивать народу вкус, продавались они в отдельном помещении, так, чтобы и запахи, и витрины не смешивались. Завтрашний день требовал расходов. А ещё Тарас счёл необходимым обзавестись оружием – подстраховаться.

Перемигнувшись с хозяином, тот не держал на виду подобные игрушки, школяр выбрал блешмет – гибкий кастет на руку, наподобие четок, только не стандартный, из легких шариков с проточками, а тяжелый костяной. У каждой кости существовал специальный кармашек, на который можно было насаживать стеклянные амулеты прожога. Обычно этим не пользовались, в уличной драке считалось подло, а в серьёзном поединке, со световой броней, и кастет с прожогами не поможет. Но световая броня редкость... Сюда же можно было примаскивать стальные, костяные либо деревянные усилители – тут уж кто на какую защиту промашет. На посадскую шпану любое пойдет, тут главное успеть, а на бойцов посерьезнее... Простая, понятна, вещица. Тарас даже насадки взял, две парные из кости и одну, по центру, вулканического стекла.

Вулканик, конечно, не железо, зато отговоров от него почти не делают.

На вопрос, зачем ему кастет, школяр не сумел бы ответить. Драться он ни с кем не собирался. Он и не смог бы сейчас драться – ноги размякли, набухли сырой ватой и едва не заплелись. Ещё бы катану двуручную купил, вяло улыбнулся школяр.

Правда, намечалась лунная потасовка с бомбардирами, но... Брать туда кастет нельзя, ребята свои, драка скорее спортивная. Да и самому идти не следовало бы, если кому нынче и достанется, так Тарасу. Или ребро сломают, или глаз повредят... Это первая лунная стычка, что он собирался пропустить. Или наоборот, сходить напоследок?

Уже удалившись, Тарас обнаружил в кармане флакон пива, вспомнил, что взял его вместе с кастетом – расслабиться – и понял психологию своей покупки. Ему хотелось защититься, но как это сделать, он уже не понимал. Не знал и не отслеживал свои поступки. Школяр аккуратно поставил флакон у дороги. От искушения. Кому выпить, здесь всегда найдется. А ему сейчас нельзя. Никак нельзя. Хватит вчерашнего, с Никитой. Сразу хуже стало. Правда, поплакался – цветному можно, он зла не пожелает. Но и Никита, обалдевший от таких новостей, ничего не посоветовал. Кроме того, что можно ещё Варьку подключить. Тарас Варьку информировать боялся – знал за собой грешки и вовсе не был уверен, что лучшая, но не единственная подруга не пожелает ему зла. Потом, конечно, поплачет над трупиком, но кого это утешит? Никита всё равно хотел найти Варвару и пообщаться. Тарас, который почти уже сломался, сказал цветному, что тот может делать что угодно, поскольку у самого Тараса никаких планов просто нет.

Разве посмотреть ещё на осеннее солнышко... Похоже, он уже не контролировал ситуацию.

А это означало, что она пойдет вразнос в ближайшие часы.

– Слышь, Андрей... – Молодой рыцарь явно был настроен потрепаться. – А вы с Олегом правда цветные?

Рыжий воин кивнул. В отличие от своего напарника он не расслаблялся. Светлые глаза внимательно обшаривали прохожих. Впрочем, улицы были спокойны.

– А как это у рыцарей? Цветные, оно ж когда... Ну, у магов, в общем. Вроде как одной крови. Заклятия одинаковые, и всё такое.

– Там тоже не так. Это просто близкие по спектру люди. Сочетаемые характеры, можно сказать.

– Одинаковые, что ли? Что-то вы с Олегом не больно похожи.

– Нет, не одинаковые. Сочетаемые. Похоже на дружбу, только здесь, кроме психологии, ещё аура.

– Понятно, – кивнул молодой рыцарь, которого не интересовали дальнейшие нюансы. – Странная у вас жизнь, никак не привыкну.

Рыжий наконец удовлетворился осмотром улицы и опустил поводья.

– А что тебе не нравится?

– Да всё нравится. Катаешься как сыр в масле. Я, когда этому уроду голову отвинчивал, и не думал, что в рыцари так просто попасть.

– Ну, ты ещё не рыцарь. Ты пока стремянной.

– Пусть стремянной, рапироносец, всё равно. Через полтора года получу значок.

– Если не проштрафишься.

– Да ладно. Чего тут особо. Вот только... Как же всю жизнь без семьи? Без детей? Неужели привыкаешь?

– Если припечёт, можно уйти из корпуса. Вот только мало кто уходит.

– Неправильно это. Семья работе не помеха.

– Правильно. Рыцарь не должен думать ни о чём, кроме долга. А семья – это всегда заботы.

– А если двое? И он рыцарь, и она? Вот Анна. Она красивая.

– Анна одна. С тех пор как Семёна убили, она ни на кого не смотрит.

– Какого Семёна?

– Ты его не застал. Это два года назад было. Они хотели пожениться.

– Вот. Я ж о том и говорю. Живые же люди.

– Тогда уходят оба. Рыцарь и семья несовместимы. Потому и набирают в башню только тех, у кого родни не осталось.

Молодой всадник почесал затылок. Затем попытался расправить сбившийся завиток световой брони. Уже по этому движению можно было определить новичка, ещё не привыкшего к боевому облачению. То, что выглядело как напитанная светом ткань, вовсе не было тканью и пальцами, соответственно, не расправлялось.

– А как Анна попала в рыцари? – снова полюбопытствовал стремянной.

– У неё и спроси.

– Да ну. Как-то неудобно. Знаешь, так скажи. Или секрет?

Рыжий рыцарь замаялся. С минуту размышлял, допустимо ли вот так, за глаза, обсуждать женщину-звеньёвого, но решил, что вопрос не выходит за рамки дозволенного.

– В общем, почти обычно. Для рыцарей, конечно. В Орден ведь принимают только тех, кто сквитался с обидчиками. Душегубами или ворами. Но меры человеческой не преступил. Так и с тобой было. И со мной. И с Анной.

– Но всё-таки. Она ведь женщина. И явно боярских кровей.

Андрей вдруг напрягся, провожая взглядом неприметную парочку прохожих, но уже через мгновение снова расслабился.

– Что ты спросил? Да, из благородных. Древний род. Но прямой родни у неё не осталось.

– Понятно, иначе бы не взяли.

– Ну да. Там ссора была, вражда кровная, как часто бывает у бояр. И то ли кто-то подослал к ним воров, то ли сами они на добычу позарились, только забрались к ним в дом сразу человек восемь. Шайка целая, лихие люди.

– И что?

– Сторожей врасплох застали, брата у Анны зарезали, родителей... А она наверху спала, спустилась, когда внизу уже всё в крови плавало. Одного только брат успел на пику насадить. Со стены сдёрнул, знаешь, иногда оружие для красоты развешивают.

– А она? Девчонка же?

– Девчонка, да из боярских детей. Она с детства особому бою обучалась. По-благородному называется «крылья дракона».

– Это ведьмины крылья, что ли?

– Ну да. Ты думаешь, почему она уже звеньевая? Ей же тридцати ещё нет.

– И я ж то же – какой из бабы воин.

– Но-но. Ты за текстом-то следи.

– Ну, в смысле – из женщины.

– Из женщины, – эхом повторил Андрей, снова о чём-то задумавшись и будто смакуя губами это слово. Нити разговора он, однако, не потерял. – Из женщины боец обычно гибче, но слабей. В целом хуже, чем из мужчины. Вон Светлана, например. Ничего особенного. Боец как боец. Бердышом воевать не сможет.

– И что же Анна? Нешто одна от семерых отбилась? – В голосе стремянного сквозило восхищение.

– Не только отбилась, – сумрачно выдохнул Андрей. – Четверых она там на месте и положила. Пятый по горячке пробежал немного и помер за воротами, кровью истёк. А двое ушли.

– Всё-таки ушли.

Андрей укоризненно посмотрел на собеседника.

– Ты никак сказок про «ведьмины крылья» наслушался. Уж летать-то на них нельзя. И если народ драпанул в разные стороны, то догнать всех сразу не получится.

– Кстати, говорят, крыльями только баб... женщины владеют, это правда?

– Не совсем, – покачал головой Андрей. – Но действительно чаще женщины.

– А магов они тоже так могут... Ну, крыльями?

Андрей покачал головой.

– Не, с магами сложнее. Я не знаю деталей, но чем сильнее маг...

– погоди. – Молодой рыцарь тронул Андрея за рукав. – Мне кажется, малец кем-то обижен.

Возле забора сидел оборванный мальчуган со следами побоев на грязном теле.

– Он не жалуется, – зевнул Андрей. – А если нет жалобы, нет и повода к беседе.

– Разве мы не можем просто его расспросить?

– Можем, пожалуй, – согласился старший пары.

Два всадника в световой броне подъехали к избитому мальчонке, что при их появлении ещё больше вжался в забор.

– Кто тебя обидел, малыш? – спросил молодой рыцарь.

– Никто. Я с качели упал, – буркнул мальчишка и демонстративно повернулся к рыцарям спиной.

Андрей пожал плечами.

– Ну вот и всё, – сообщил он напарнику. – Нашей помощи он не хочет.

– Но он же врёт, – возмутился молодой рыцарь.

– Ну и что? Нарушения никто не видел, мальчик не жалуется, а навязывать помощь мы не должны. Может, сам собирается поквитаться или обидчика жалеет.

– Или не любит наш корпус.

– И такое может быть, – меланхолично сказал Андрей, направив коня дальше. – Люди не любят исполнителей закона. Но без закона они толпа.

– Ты как? – Взгляд Никиты был пропитан тревогой.

– Нормально. – Тарас решил до конца держать лицо. Один хрен, чего зря плакаться.

– Точно нормально?

– Не отвлекайся. Пиши давай. – Тарас снова включил хрон, не жалея больше веретена.

Преисполненный сомнений Никита открыл конспект.

– Зеркала, их аналоги в природе и социуме. – Преподаватель раскачивался с носков на пятки, рассматривая аудиторию, и Тарас предпочёл прикрыть глаза. Его мутило. – Как вы уже знаете, белок подобен стеклу. Созданный высшим разумом сложнейший вещественный расплав, призванный и способный отражать тонкую энергию. Именно это отражение наполняет белок жизнью. Тончайшее, ускользающее качество – извините, обыденного языка не хватает, чтобы передать всю красоту этого солнечно-снежного блика, – без которого вы увидите труп, самый обычный труп, белковый и химически неотличимый. Соответственно, любая работа по созданию зомби связана с блокировкой этого блика – тело функционирует на остаточных реакциях, потом химическое движение угасает. – Бакалавр выдержал хорошо рассчитанную паузу, даже Тарас поднял на него тоскливый взгляд. – Чернь не отличает магические зеркала, совершенно не понимая их сути. Вам уже рассказывали о свойствах амальгамы, о структурных особенностях стекла и прочих полутехнических нюансах. Но глубинная суть магии заключается в другом. Кроме зеркал оптических, способных преломить и отразить световую волну, нужно зеркало создателя или воспринимающая часть. Обычно это зрачок человеческого глаза. Именно эта особая функция выделяет глаз у любого человека.

Кто-то впереди поднял руку.

– Непонятно, – сказал бакалавр. – Ну конечно, непонятно. Под выделением я подразумеваю неизменность размеров роговицы на протяжении всей жизни человека. С момента отражения в человеке Творца, то есть примерно с четырёх лет – в простонародье этот возраст характеризуется как «самосознание», и до самой смерти, несмотря на значительное изменение всех других размеров тела, эти пропорции глаза остаются константой. Мало того, эта величина одинакова для всех людей – чёрных, белых, жёлтых, взрослых, детей и стариков.

– Ух ты, – брякнули сбоку.

– Вы что-то сказали? – не расслышал бакалавр.

– Я спросить хотел, – подал голос парень в тёмном свитере. Он не спеша поднялся и сумел-таки сформулировать вопрос: – А зрачок у животных, он как?

Бакалавр жестом усадил его на место.

– Шимпанзе и орангутанги способны узнавать себя в зеркалах. Гориллы и макаки – нет. Они видят отражение, но воспринимают как другое существо, не отождествляя с собой. И не спешите смотреть на них сверху вниз. Даже в световом ракурсе отражение не всегда объективно передаёт информацию. Пример – любое кривое зеркало. Вот этот бокал, – лектор поднял со стола искрящийся хрусталь, – также способен к отражению, но узнать в нём себя будет не просто. Кстати, отвлечёмся. Чем обусловлены особые свойства хрусталя? Я имею в виду магические свойства?

– Можно? – Девушка на первой парте едва не подпрыгнула. Бакалавр милостиво кивнул. – Кварц – хорошо резонирующий материал, отсюда оптическая устойчивость к трещинам. Скол или разлом на обычном зеркале может привести к тяжёлому диссонансу. При длительном

контакте вероятны болезни и даже смерть. На хрустальной основе микротрещины вообще не помеха.

– Правильно, – кивнул бакалавр. – Отсюда народная примета о разбившихся зеркалах. Вернёмся к теме. Качественно иные зеркала – это предметы, что нормальным человеком как зеркала вообще не воспринимаются. Он интерпретирует их ошибочно, как мартышка либо горилла, не понимая сути преломляющихся лучей. Человек принимает отраженное качество за нечто особенное, самостоятельное, действующее помимо его воли, и это вполне объяснимо, поскольку эти отражения искажены больше, чем самые сложные оптические. Картинка сбита, как в калейдоскопе. Итак. Кроме тонких оптических, существуют ещё два вида отражений – социальное, не всегда даже человеческое, иногда его называют зрачковым, и отражение плотных физических тел, на размерном уровне, на котором белок, да и любое иное тело, начинает проявлять волновые свойства. Социальное включает в себя массу фрагментов, от перевёртышей Таро, присутствующих в любой колоде, до жесткой магии оживших теней или пьющих отражение, когда...

Внимательно слушавший Никита почувствовал движение сбоку. Тарас клонился в сторону. Никита едва успел подхватить своего цветного, тот как раз собирался рухнуть в проход между столами. Встрепенувшись, Тарас выкатил мутные, подплывающие белками глаза, попытался встать и потерял сознание.

Глава 12

Семнадцать человек в металлических колпаках, в одинаковых кольчугах шли по осеннему лесу. Лица их были грязны и усталы, поступь утратила твердость, серый металл проминался бурными пятнами. Коней было только два, их ноги дрожали от утомления, упряжь присохла хлопьями белой пены. Ближе к вечеру вороной захромал, расковавшись, с него пришлось снять часть поклажи, кое-что перегрузили на молчаливых людей в пятнах кровавой ржавчины, остальное бросили в болото.

Это было все, что осталось от банды Колеса.

На привалы не останавливались. Опасались погони. У них ещё хватало сил оставлять за собой малые ловушки – то нацеленный на тропу самострел с потягом через ножную жилу, то согнутую ветку с грузом, то растяжку на касание с пороховой гранатой. Вряд ли это наносило серьезный урон преследователям, но догонять приходилось уже с оглядкой, а значит, у отряда появлялась надежда спастись.

Рыцари рубили всех, кто пытался сопротивляться, а достать всадника в световой броне было почти невозможно. Двоих удалось ссадить рогатинами, одному распороли плечо стеклянным осколком, остальные всю работу клинками, безжалостно полосуюя лесных бродяг. Рыцари не думали, почему столько людей предпочитают смерть тяжёлой работе на благо княжества. Боевой пёс не размышляет. Он воспринимает только команду «взять» да ещё, с неохотой, «оставить».

Костяк банды Колеса был вырублен в несколько минут соприкосновения со светлой конницей. Многих захватили живьём – теперь их ждала нелёгкая участь на арене. Единственный среди разбойников оборотень попытался уйти, перекинувшись в волка, но маги магистрата отследили беглеца. Стрелок, снизившись, накрыл указанный квадрат разрывами боевых жезлов. Волколаку, правда, лишь слегка задело лапу, но дело завершили специально натасканные псы.

«Верёвочка удачи» Колеса довилась.

Уходившие семнадцать уже ни на что не надеялись. Ноги мокры, избиты и истерты. Каждый шаг как крохотная голгофа, бесконечная пытка движением. Уводивший людей карельский воин прекрасно понимал, что при таком темпе завтра двигаться никто не сможет, но давать отдых не собирался.

Если не оторваться, завтра уже некому будет двигаться. Рыцари вырубят всех.

Собачий лай раздавался всё ближе, разбойники почти слышали, как храпят рыцарские кони, а лес впереди, как на грех, становился всё прозрачнее. Они шли уже двенадцать часов, и сил практически не осталось. Разбегаться «брызгами» в магической сетке безнадежно, и разбойники это знали. Измученный отряд шёл через заболоченный, заросший травой лес, надеясь выйти к родным озёрам – там ещё был какой-то шанс, вот только надо оторваться от страшной конницы в световой броне.

Оторваться не удалось.

Под высокой сосной, по-восточному скрестив ноги, сидели двое.

Чёрный камзол Лизо аккуратно лежал на траве – видимо, ткань позволяла такое обращение. Куртка Грача, при дневном свете казавшаяся темно-синей, висела на сучке, напоминая повешенного. Светлый кушак, затянутый простым узлом, препоясывал мощный торс. На Лизо изорчатый ремень светло-коричневой, хорошо выделанной змеиной кожи.

Оба мага раздеты до пояса и босы. Мощная грудь Грача курчавилась темным волосом, кожа Лизо была гладкой и бледной. Ни коней, ни слуг. Высокие сосны, обрыв, почти отвесно уходящий в воду, да темный изгиб реки – похоже, что здесь омуты.

Солнце подходило к полуденному пределу. Лизо и Грач, как должно, сидели к нему лицом, расслабленно опустив руки. Кисти развернуты в сторону солнца, грудь вздымается очень медленно, лица с закрытыми глазами неподвижны. Два бронзовых божка буддийской темы. Время от времени каждый переворачивал руки, проводил пальцами над землей, почти поглаживая хвоинки, и снова укладывал их в прежнее положение, принимая в ладони свет. Ничего особенного в этой картине как бы и не было, если только... В лесу стояла полная, совершенная тишина. Ни плеска, ни хруста, ни щебета. Только иногда, на самом пороге человеческого слуха, чудился какой-то звон. Прямо перед лицом Лизо подрагивал воздух – так дрожит над раскаленными камнями марево, – призрачной вуалью обволакивая бледные скулы. Грач, крючковатым носом, как у масок ацтеков, ничем подобным не выделялся. Глаза обоих были полуприкрыты, взгляд расфокусирован и затянут сонной поволокой. Всё в целом напоминало гипнотический посыл змеи, хотя никаких «кроликов» перед магами не было.

И ещё. Если бы гипотетический наблюдатель имел возможность присмотреться – а валчи не терпят зрителей на полуденных и полуночных сборах, то... И Грач, и Лизо отбрасывали странную двойную тень. Одна темным пятном лежала там, где и положено лежать тени. Вторая была более блеклой, почти призрачной, время от времени набухая, пульсируя изнутри чернотой и снова растворяясь в контур, и направлена была ровно в противоположную сторону.

В сторону солнца.

В городском парке планировалась потасовка.

Какой-то повод к ней имелся, он всегда находился, но особенно никого не интересовал. Каждый лунный месяц затевалась драка, без которой, как без пива, осенью никуда. Традиция. Неподалеку от густожития школяров стояла казарма бомбардиров. Будущих дружинников князя, таких же парней, держали не в пример строже. Только по выходным они покидали своё мрачного вида жилище, да и то если не было взысканий, зато в городе оттягивались на полную катушку. Курсанты-бомбардиры часто уводили «принадлежавших» школярам подруг. Им, разумеется, отвечали тем же. Сами девчонки с удовольствием подливали масла в огонь, некоторые даже коллекционировали выбитые из-за них зубы: мода такая дурацкая пошла, рассказывали, что одна красавица нанизала целое ожерелье. Каждую луну конфликтующие стороны «окончательно» учили уму-разуму соседей. Бомбардиры считались тупоголовыми и наглými, во всяком случае, в уличной дразнилке обкатывались именно эти качества. Школяров обзывали «хомуты», по осени «пьяные хомуты», а иногда «кони». Символом Колледжа была радуга, и лет двадцать назад её начали нашивать на рукава зелёных форменных курток. Исполнение оказалось скверным – на радугу зигзаг смахивал только после третьего стакана, зато уличных трактовок у бледного коромысла было предостаточно. Давно уже куртки шили без всяких эмблем, ушла эта мода у начальства, и мало кто помнил, почему именно «хомуты», но эхом доставалось и сегодня.

С весны лунный счет был пять-два в пользу школяров. Организация бомбардиров была лучше, и физически они были крепче, но магические фортели школяров даже в самом «мягком» варианте делали своё дело.

И в казармах, и в густожитии предвкушали хорошую драку.

Серьёзное оружие запрещал строгий кодекс мальчишечьих стай – ни ножи, ни самострелы, ни тем более боевые жезлы в лунных потасовках никогда не применялись. А вот заклатья типа мокрого и чернильного полотенца, пакеты с фейерверочным порохом, мягкие цепи от самоходов и тому подобная ерунда была припрятана почти у каждого. Существовала даже своеобразная спецодежда: очень широкие штаны, похожие на робу землекопов, и крепкие куртки из «воловьей кожи», что реально были вовсе не из кожи, а твердеющего заклатья на лен. Недостатком робы была неприятная грубость «ткани», так что в народе эту кожу звали «чёртовой», но школяры, даже в поддатом виде понимавшие, что лишний раз поминать нечистого не стоит, предпочитали термин «воловьей».

Иногда школяры и курсанты объединялись, вместе лупили посадских, но это было скучновато. Те правил не соблюдали, драки воспринимали серьезно, из-за чего сами же и страдали, организации путной у них не было, так, аморфные бригады по районам, мстительная и трусливая кодла. Ни одна из них не могла выдержать совместный удар чёрно-зелёных, а объединяться они не научились. Чёрными традиционно были рубашки бомбардиров.

Ярослав, закадычный приятель Никиты и Тараса, потасовки не жаловал. Даже пропускал, не в пример своим старшим товарищам, и не видел в драках никакого смысла. Ярик только перешёл на второй и был, что называется, «тихий мальчик». Впрочем, совсем уж не отлынивал, своих поддерживал, так что иногда праздновал локальную победу, а пару раз ему основательно надавали по ушам.

Ярослав сидел у входа в густожитие и ждал. Никита и Тарас опаздывали, что случилось и прежде. Он уже и дремать начал, но наползавший сон всё время прерывался визгливым разговором двух старух.

– Слышь, Михайловна, скоро опять заклятия подешевеют.

– Это почему это? – Всклоченное месиво прикрытых грязной косынкой волос возмущенно заколыхалось. Михайловна выстукивала трубку в корзинку для бумаг.

– А новые будут, ефф... эффективные. Вот кто-то в лакированной ступе с трёх подстав ездит, а кто-то на дубовый чан наскрести не может.

– Ауах, – смачно вздохнула Михайловна. – Только я десять етих, в горшочках, шелокочев вынесла. Думала весной по два серебряных сдать. Заразы.

– Да ладно тебе. Можно подумать, ты что-нибудь за них платила.

– Платила, не платила... Кстати, даже и платила. Как за отходы. Потому что начальник у нас дурак.

– А я тебе тогда ещё говорила, нельзя Пилипыча в начальники. Вот пропил всё, и своё, и наше, даже лак заговорной, говорят, выпил. А всё на нас с тобой пишет.

– Брехня. Лак ему кишки проест.

– Он тебе их проест, ежели хлебнёшь по дурости. А Пилипыч слово знает, они какую дрянь только не пьют. Он и гуталин может жрать, и по хрену. Так что лак пошел Пилипычу на смазку, а ты теперя мучишь летучих мышек, соскобы с них творишь. А она тоже небось пищит, жить хочет.

Ярослав заерзал, устраиваясь на лавочке так, чтобы и сидя, и на бок завалиться. Получилось удобно, но некстати видно обеих старух. И голоса теперь звенели точнёхонько в ухо. Несколько фраз второкурсник потерял, пока ворочался, и теперь против воли ещё и вслушивался в разговор.

– Ты попусту не тренди. – Михайловна выглядела женщиной обстоятельной, хоть и не очень чистой. – Ты объясни, хто тебе про заклятия свистнул.

– Кто, кто. Объявление в конторе. Читать надо бумажки, а не самокрутки сворачивать.

– Я грамоте не разумею. И самокрутки больше не курю. Вот у меня трубочка.

– Ты как читаешь, так и трубку раскуриваешь. Вечно она у тебя тухнет.

– Это мне один дурак порчу на табак наложил. Хотел, чтобы я не курила вовсе.

– Хахаль, что ли?

– Так. Клинья подбивал, пенек замшелый. – Вахтёршам было уже под пятьдесят, и Ярослав удивился, кого могут интересовать столь древние ведьмы.

– И что, ты порчу снять не можешь?

– Сама попробуй.

– А мне зачем?

Михайловна молча выскребла трубку желтым от никотина пальцем, затем все же выдавила:

– Не могу. Три раза пробовала. Сильный был лешак. И глупый.

- Что значит был? Съела, что ли?
- Ты чё, сказок начиталась? Ушел от меня к подруге. Кикимора драная, трясца ей, её матери и Веньке-лешаку.
- Так спросила бы кого, чай, не в степи работаем.
- Ежели каждый вахтер с каждой ерундой начнет к магам приставать, то вахтер этот снова в лес отправится. Дупла околачивать.
- Ой-е-ей. Какие мы принципиальные.
- Ой-е-ей.
- Небось стыдно признаться. Порча-то небось ерундовая.
- Не твоё дело. – Михайловна сноровисто набивала трубку. – Знамо, ерундовая, откуда у Веньки мозги, всё на своей кедровке пропил. А мне хватило.
- И чего?
- Да ничего. Я пробовала тут с девочкой поговорить, с первокурсницей. Они пока молодые, не больно наглые.
- И чего? Посмеялась?
- Нормально отнеслась, с пониманием. Но она тоже не смогла. И, говорит, чего ты мучаешься, вреда никакого, наоборот. Носи, говорит, серники.
- А ты?
- А я и без советов дурацких таскаю целую коробку. – Тут Михайловна встретила глазами с Ярославом и неуверенно ему улыбнулась. Судя по всему, вспоминала, чего успела наболтать. Ярик встал и пошел от входа в скверик. Разморило его изрядно, но задремать так и не удалось.

Почему-то было беспокойно.

На последней ошибке ему подбили глаз цепью от самохода, и Ярослав ничуть не рвался в городской парк. Его удерживало только обещание, данное старшим друзьям, которыми он, как и положено «оранжерейному», восхищался.

Никита, представлявший нечто среднее между друзьями, напоминал Ярославу медведя – в повадках иногда проскальзывало что-то хищное, мощное и жёсткое. Но чаще он был добродушен и ленив. Крепкий, высокий, с едва наметившимся пузцом, квадратным, коротко остриженным затылком и печальными карими глазами. Тарас, если продолжать аналогии, походил на волка, и самая мощная хватка к жизни была у их деревенского вожака. Гибкий, но не худощавый, скорее склонный к полноте, лохматый, с короткими сильными ногами, широкий в плечах, на волка Тарас походил исключительно взглядом и общим отношением к жизни. «Плюхи» он лепил как из воздуха, на любой конфликт шел спокойно и вообще был бы идеальным школяром из местного фольклора, если б не равнодушие к алкоголю да иногда нападавшая мечтательность. Глаза у него были непонятные: то голубые, то серые, а то какие-то водянистые, как и взгляд мог быть и располагающим, и очень жёстким.

И вот теперь ни Тараса, что грозился слепить особую, «двойную чернильную» плюху, ни Никиты, что так любил помахать в воздухе ногами – руки этот поклонник Востока в драке почти не применял, – а народ уже тянется в парк, и его по плечу хлопают, приглашают. Знакомцев полно, тут если идти, так уже идти, а куда идти, когда самых своих-то нет? Зазвали, понимаешь... Вокруг глаза след только прошел, сами тогда нормально отмахались, а тут... Понятно, школяров будет много, как и бомбардиров, и квас хмельной будет, и медовуха, и пиво, и девушки сойдутся поглазеть... Городская стража никогда в лунные не спешит, так что размяться успеют основательно. И девчонки потом налипнут, врачевательницы... Победителей поздравляют, побитых утешают, но это если хорошо отколошматили, чтобы пожалели... Вот тогда, с цепью, как раз удачно получилось. Хотя ну их к лешему, такие знакомства. Так и циклопом можно стать. Ярослав поправил на поясе припасенную шутиху-фейерверк. Пойти одному, что ли?

Но идти без друзей было как-то... И Ярик уже почти уговорил себя не ходить вовсе, и причина тому какая-то нашлась, но тут всё же показался Никита.

Он бежал.

Никита был непривычно красный от натуги – бег никогда не был его сильной стороной – и, очевидно, надеялся застать Ярослава. Тот как раз успел отойти, уже несколько минут дефилируя вдоль фасада густожития, и сейчас стоял на самом углу, так что Никита его не заметил.

Шут, по-старославянски, не удержавшись, помянул нечистого Ярик. Придётся всё-таки махаться. Ещё можно было слинять по-тихому, время встречи давно прошло, и он вовсе не обязан был здесь торчать. Он поборол искушение – зная свою слабость, Ярослав старательно её вытаптывал, окликнул Никиту и приветственно поднял руку. Тот, не снижая скорости, сразу махнул через клумбу, что вообще-то было не в характере Кита, и Ярику это не понравилось. Четвертый курс, а как несолидно несется... Тут Никита схватил его за рукав и потащил в сторону.

– Мы... – начал Ярослав, но спрашивать было поздно, как-то и воздуха сразу не осталось на вопрос, потому что они уже бежали, и совсем не в сторону парка, где собиралась чёрно-зелёная толпа, а в направлении почти противоположном. Из-под ноги вывалился бордюрный камень, Ярослав едва не упал, на что его то ли дернули, то ли поддержали, так что пришлось ещё прибавить скорости, и Ярик, порадовавшись, что не придется драться с бомбардирами, встревожился ещё больше.

Явно случилась какая-то хрень.

Глава 13

– Надо успеть до полудня, – непонятно сказал Никита.

Тарас выглядел плохо.

Какой-то он был помятый, побитый и как бы чуть-чуть пристыженный. И, похоже, ему самому было всё равно. Последнее особенно не понравилось Ярославу. Тарас всегда был немножко пижоном и тщательно отслеживал, незаметно, конечно, какое впечатление производит любой его фортель на восхищенную публику. Обычно посмотреть стоило, но сейчас на имидж ему было наплевать. И ещё что-то было, очень непривычное. Ярослав внимательно вглядывался в раскисшее лицо друга. Всклооченный какой-то, царапина на виске... Ерунда, бывало и хуже... Серый, как от заклатья... Квелый, как недоваренный рак...

И вдруг Ярослав понял. И удивился, что не заметил этого сразу, настолько ясным оно показалось. Уж слишком не вязалось это качество с Тарасом, потому и пробуксовал очевидное.

Тарас боялся.

Ярик даже головой тряхнул, отгоняя наваждение. Ну да. Тарас боялся и совсем не пытался скрыть свой страх. У него левый глаз дёргался. И весь он как-то дёргался, подрагивал, жалко суетился... Кошмар.

– Ты в порядке? – деревянным голосом выдавил воспитанный мальчик. Тарас иронично кивнул. Остатки юмора в нём ещё держались.

– Тебя что, телегой переехало? – попытался пошутить Ярослав.

– Скорее каретой, – мрачно ответил Тарас, пытаясь унять дрожь в правой кисти. – И не один раз.

– На него заклятие наложили, – выдохнул запыхавшийся Никита. – Ма... – на следующем слоге он перевёл дух и сжевал его до всхлипа, тут же перешедшего в икоту, – ...ги... маги зае... ихр... заезжие. Тьфу. – Он вытряхнул из кармана складной стаканчик, щелкнул пальцами «конденсат» и выпил воды, сбивая икоту. Тарас сидел молча, только руки у него дрожали.

Всё предстало в совершенно новом свете. Ярик округлил глаза.

– Когда?

– Две... ихр... Две недели уже. – Никита повторил процедуру, и на этот раз, похоже, помогло. Воздух в комнате стал совсем сухим. – Совершенно по-дурацки. Зацепился на дороге.

– Это на вторую неделю его ещё так ломает?

– Это ещё даже пик не прошло.

– Ничего себе. – Воспитанный мальчик воздержался от более солёного выражения, но пришлось специально вспоминать слова. – Так это ж его насмерть ударили.

Никита кивнул.

– Он что, магистра переехал?

– Да нет, конечно. Там пустыки. Просто попались отморозки.

– Отморозки так не умеют.

– Эти умеют.

Ярослав смотрел, как лицо Тараса медленно, неуловимо сереет. Если не знать, не чувствовать поле, то и не заметишь ничего. Так, не в себе человек. На висках капельки пота...

– Да... – поддержал Ярик и покачал головой, ругая себя и за бойкость фразы, и за фальшивость жеста, но что предпринять, он действительно не знал. Вернее, всё, что он мог предложить, наверняка было уже сделано – он только на втором курсе, а Никита с Тарасом на четвертом. А идти на лунную драку в таком положении действительно идиотизм, даже думать об этом идиотизм, но чем же можно помочь при заклятти такой силы?

– Может, кого из старших поискать?

– Нельзя. Да и поздно уже, Тарас долго не выдержит. У него в любой момент какая-нито бляшка сосудик закупорит, и всё. Тромб. Естественная остановка сердца.

– А чего же делать-то? Для чего ты за мной бегал?

Не склонный преувеличивать свою значимость Ярослав сообразил, что отменять встречи – вопросы не сегодняшнего дня, и Никите что-то нужно.

– Раскрыть надо заклятие. Растянуть прогиб на всех. Тогда он через гребень перевалится.

– На троих, что ли? – Ярослав испуганно моргнул. Он знал, что согласится, но понимал, что делить такой ужас на троих – это можно получить не один, а целых три трупа. Но попробовать стоило. Иначе себя не уважать.

– На четверых. Варька ещё подтянет.

– А где она?

– Она утром уже сняла с него порцию. И только хуже сделала, не получилось. Хорошо наложили, сволочи. Как в демонстрационном зале. Она себе сразу руку обожгла – прикинь, соседка пролила спирт на свечку. Но это пустое.

– Так где она всё-таки?

– Сейчас придет, повязку на плече меняет.

Как раз вошла бледная Варька, и Ярослав понял, что ожог – это не пустое, что заклятие и рядом хорошо бьёт. Как же Тарас столько продержался, ещё раз подумал Ярослав и тут понял, насколько ему доверяют, если позволили участвовать в таком деле. Второй курс, он ещё плохо чувствовал такие вещи и поэтому слишком медленно соображал.

– Это что, если я сейчас мысленно пожелаю ему зла, ему кранты, что ли?

Никита совсем по-детски показал кулак и медленно кивнул. Прогиб могли делить только очень близкие, по-настоящему близкие люди. Иначе провоцировался обвал поля – приступ, удушье, любая смерть.

Настроение Ярослава странным образом улучшилось. Теперь он действительно был готов – понимал, насколько высоки ставки.

Никита, критически посмотрев на него, кивнул Варьке.

– Начинаем.

– Ты даже не спрашиваешь? – Ярослав попытался оттянуть жуткий момент.

– А что тут спрашивать? – Никита ослабил. – Если б ты был настроен против, Тарас был бы уже мертв.

Варька, бледная как смерть, поправила на плече повязку, пропитанную чем-то желтым, скривила лицо и шагнула к ребятам. Тарас еле держался – у него начинали закатываться глаза. Все четверо – Ярослав, плохо представлявший процедуру, старательно повторял движения Никиты – сплели ладони в единый клубок. Лицо Тараса посветлело. Никита зашептал слова отговора.

Чем закончилась в тот вечер драка, Ярослав даже не поинтересовался. Не до того было – ломовой извозчик травмировал ему ступню, так что домой школяра практически несли, дважды роняя, пришлось вызывать знахаря и накладывать шину. Причем, пока её накладывали, помощники костоправа ухитрились рассыпать на него целый короб каких-то склянок, так что и глаза едва не выжгло, и всё лицо изрезало. Испуганный знахарь надавал ученикам оплеух и отказался брать плату за лечение. Тщательно выбирая с постели осколки, пропустил только один, длинный и острый, возле самого горла – но бывший начеку Ярослав аккуратно двумя пальцами убрал в корзинку для мусора и его. И впредь, прежде чем делать малейшее движение, школяр осматривался и ошупывал вокруг постель – как бы чего не вышло; а на ночь упросил мать оставить ему сиделку. И хорошо сделал, потому что иначе от упавшей свечи начался бы пожар. Девушка, мгновенно погасившая пламя, уговорила ничего не рассказывать хозяйке, и Ярослав, понимавший, что её вины в случившемся не так уж много, согласился.

На следующий день в полдень гребень заклятия миновал, и сразу стало легче.

Все остались живы. Никита, сбросивший от напряжения осьмушку пуда, даже ухитрился ни одной травмы не получить.

Лизо, расслабленно лежавший на косогоре, свесил ногу в обрыв и медленно ею покачивал. Грач, вытянув серебристую сталь из ножен, счищал что-то невидимое с длинного клинка. Ладони, не касаясь металла, обхватывали рапиру полукольцом. Лениво жмурившийся Лизо – на него уже напозла тень – вдруг резко выдернул руку и как будто что-то подхватил, подсекая с поворотом. До реки было не менее ста саженей. Над водой показалась трепещущая в пустоте рыбка. Лизо разжал пальцы: рыбка плюхнулась, но удрать не успела – следующее движение снова подсекло её в ладонь, и какое-то время Лизо игрался плотвичкой, как играет мышкой сытый кот. Грач равнодушно наблюдал это развлечение. Наконец ладонь Лизо сжалась, и плотвичку – там, над омутом – сплющило в бесформенный комок, лопнувший жижей потрохов и раздавленными глазами. Уплывшее вниз по течению месиво напоминало рыбку только остатками чешуи.

– Зачем? – без осуждения спросил Грач, продолжая заниматься рапирой.

Лизо повернулся к нему лицом и сел на косогоре, скрестив босые ноги. Белые, холёные ступни удобно лежали одна на другой.

– Твой школяр жив.

Грач сделал ещё несколько движений над металлом.

– Уверен? – наконец спросил он.

Лизо молча кивнул.

– Ладно. У меня ещё есть время.

– Я думаю, разумно было бы использовать его как материал.

– Для бургомистра или в слуги?

– Для бургомистра.

По лицу Грача пробежала гримаса. Он поднял рапиру над головой и посмотрел вдоль клинка на чистое голубое небо. Затем, удовлетворенный результатом, убрал её в ножны. И укоризненно сказал:

– Мясник ты все-таки.

– Ты согласен? – Лизо изогнул красивую бровь.

– Да. Только добавь ещё неделю. Не с девочкой работать.

Над водой взлетела очередная рыбка. Лизо медленно кивнул и снова стиснул пальцы.

Глава 14

Замороженный щербет, кисло-сладкий, очень понравился Тарасу. Он аккуратно съел его ложечкой и, похоже, не промахнулся. Затем появилось запеченное яблоко с начинкой, над которым он встал в тупик. Рядом с прибором оказался короткий ножик и странная вилка с двумя зубцами. Яблоко выглядело аппетитно, но шинковать его этими изделиями... Лана со своей порцией управилась в момент, ловко придерживая плод двузубой уродкой. Решившись, Тарас взял яблоко в руку и откусил. Мать Ланы, сидевшая напротив, сделала удивлённые глаза, но промолчала. Ничего, пусть лучше так. Прошлый раз зашли в китайское кафе, поели палочками. Хватит.

Яблоко действительно оказалось очень вкусным, но глаза напротив перебивали аппетит. Однако доел всё. На всякий случай вместе с огрызком.

Когда Тарас поставил на стол чашку с кофе, мать Ланы позволила себе тяжело вздохнуть. Затем, косо взглянув на гостя, подсунула под его чашку блюдце.

– Зачем это? – спросил смущенный Тарас.

– Чтоб красиво было, – назидательно сообщила хозяйка.

Повернувшись к цветам, что свежей гирляндой закрывали правую часть окна, мать Ланы отвлеклась от гостя, используя для полива изящный кувшинчик, но затем обернулась на хихиканье дочери. Под чашкой Тараса, кроме блюдца, стояли ещё три тарелки разных размеров.

– Это вы зачем? – удивилась хозяйка дома.

– Чтобы очень красиво было, – объяснил школяр.

– Привет, Тарас! Отлично выглядишь.

– Чего это ты надумала комплименты делать?

– Так ты квелый ходил, как вареный огурец.

– Понятно. Ты тоже это... выглядишь хорошо. – Девчонка, на пару курсов младше, имени которой школяр, к стыду своему, не помнил, понимающе улыбнулась и ушла в глубину коридора. Густожитие. Видел-то часто. Где-то она в левом крыле живет, в стороне прачечной. Надо будет как-нибудь... Надо было у неё соль спросить, лопух. Не додумав до конца, Тарас заглянул к соседу – дверь оказалась не заперта – и остановился, пораженный. Корпевший у стола Фимка обложился невероятным количеством книг. Стопки громоздились по краю столешницы, косо стояли на стульях и даже на полу изгибалась, норовя завалиться. Нормальные люди эдак по весне учатся, а осенью? Тарас взял с полки горшочек с солью, бывший целью его визита, и полюбопытствовал:

– Чего у тебя там, спаситель?

– Где? – Ефим поднял голову. Он вообще не обратил внимания на то, что кто-то вошел, что-то взял и собирается выходить.

– Говорю – привет, защитник от ужиков. Чего это ты в учебу ударился? Вроде рановато. Забудешь до весны.

– А... да-да... – Фимка жалостно вздохнул. – Бывает...

– Что бывает? Что ты темнишь, файерболист?

– Реферат у меня, Тараска, – решился на признание сосед. – Реферат, п-понимаешь?

Тарас присвистнул.

– И ты клюнул на эту лажу? Этот их лишний балл – это мелочь. А вот возможность срезаться у тебя теперь точно появилась. Дополнительная.

– Не пей кровь. И так тошно. – Фимка вытащил из-за уха самописное перо и начал что-то набрасывать. Густо исписанные и так же густо исчерканные листы бумаги покрывали уже добрую треть стола.

– Нет, объясни хотя бы. Может, я чего-то недопонял?

– Да всё ты правильно п-понял, это я, пенёк... Так ведь поздно уже.
– То есть рефераты писать невыгодно?
– Мамой клянусь, невыгодно. Я потом пересчитывал – я только хуже сделал.
– Ну ладно, – кивнул успокоенный Тарас. – А то, знаешь... Они ведь этим баллом такую смуту внесли. Новаторы. Я тоже чуть не клюнул, пока вероятности не посчитал.
– Ну вот. Ты сначала посчитал, потом клевать собрался. А я сначала клюнул, а потом уже посчитал.

Тарас покатал в ладонях горшочек с солью.

– В этом, наверное, и фишка. Дополнительная проверка на внушаемость. С этой стороны подвоха не ждешь.

– Наверное. – Фимка зачеркнул написанное косым крестом. – Только мне от этого не легче. У меня теперь, считай, два экзамена вместо одного.

– Зато оба попроще.

– П-п-попроще. Но два. Сам, короче, виноват. Всё, иди, иди, не мешай.

– А ещё кто-то пишет?

– Ещё четверо. Но кто, мне, конечно, не сказали.

Тарас уселся рядом.

– Ладно, давай помогу.

– Ты серьёзно? – Фимка удивленно посмотрел на Тараса. – Это же не в твоих интересах.

– Да ладно. Мы на четвертом, а не на первом. Могу себе позволить. Мне будет полезно чем-нибудь отвлечься.

Фимка уже вытаскивал из стола пачку свежих листов, кремовые самописцы и двигал в сторону Тараса конспект.

– Отлично. Я тебя отвлеку по полной программе. С меня причитается.

Тарас махнул рукой.

– Чего тут у тебя? Вероятностная история?

Сосед кивнул.

– Только одно пре-предположение, но развить, и развитие обосновать. Причем как по-положено, с расчетами, с выкладками. Магический срез, картинки, диаграммы и всё такое.

Тарас посмотрел на исписанные листы бумаги и хмыкнул.

– Не одна неделя. Ладно. Это наши любят. Шаблоны-то хоть выдали?

Фимка кивнул, показывая на пачку лежавших на самом углу плотных листов, наполненных изнутри мерцающим светом. Тарас взял их в руки и внимательно рассмотрел.

– Ни хрена себе. Все маркированы. И много. Это что, если испортил, заменить уже нельзя?

Сосед помотал головой.

– Раньше ведь покупали.

Фимка скорчил гримасу. Кислая мина плохо уживалась с конопушками, весело скакавшими по круглой рожице.

– Заменить нельзя, всё посчитано и помечено. Шаблонов даже мало. Всего два запасных на каждый срез.

Тарас присвистнул. Он ещё раз порадовался своему решению не встречать в реферат, но всерьёз встревожился за Фимку.

– А если не хватит?

– Оценку снизят. До отрицаловки. Так что каждый срез обязан быть логичным. Иначе мне хана.

– Круто они завернули. Хорошо, что не со мной. Ну ладно, давай работать.

Реферат проверял самостоятельные выкладки школяров по стратегическому развитию. Предполагалось какое-то изменение реалий, и требовалось просчитать, к чему оно приведёт.

На срезах функцию проверки выполнял шаблон. Микромагическая конструкция разворачивалась в красивейшую иллюстрацию в случае, если вводимые посылки были верны, – и эта иллюстрация прилагалась к реферату. В случае ошибки шаблон, закончив струнный просчет, съезживался и сгорал – из него шел чёрный дымок, после которого вещь можно было выбрасывать. Стоили они дорого, изготавливались магами Колледжа индивидуально, под каждую задачу, но визуально не отличались. Основа была типичной, маги только вводили параметры. Само использование шаблонов предполагало очень серьёзное задание. При массовом пустом прожоге Фимка мог набрать слишком много штрафных баллов, что оборачивало летние шансы почти что в ноль. Теоретически предполагался и плюс, но, судя по количеству магических срезов, тут и на ноль за счастье выползти.

Тарас удобно устроился в кресле – приятно работать, когда топор висит не над твоей головой, – и спросил:

– Что там у нас предположено?

Фимка открыл было рот, но Тарас неделикатно заткнул его ладошкой.

– Погоди. Дай-ка угадаю. Какое-нибудь животное вдруг проявило черты разумности? И человек, соответственно, должен приспособиться... Нет? Ладно. Резко изменился климат? Все заледенело, урожай пропал... Нет? Ладно. Появился завоеватель, сбрендивший маг с повадками террориста. Он очень силен и режет силовые... Опять мимо. Да что ж они там придумали? Ладно, сдаюсь.

– Магию, алхимию и астрологию в средние века объявили лженауками.

– А с какой стати?

– Неизвестно. Просто вот объявили – и всё. И перестали развивать.

– Фантасты. Перестали развивать. А жить как? Погоди. Чего у нас там в реалии-то было в те времена?

– Чего. Объявили лженаукой физику. И астрономию. Будто не знаешь.

– Знаю, знаю. Погоди. Так иначе ведь и быть не могло! – Тарас усмехнулся. – Этот вопросик, если перевести его с русского на русский, звучит так: «Что было бы с обществом, если бы не было общества?» Наука – она ведь отдаёт пещерным прагматизмом. Физика полна противоречий и не в состоянии объяснить собственные константы. Её вообще нельзя назвать магией. Ну да. – Тарас начал складывать из листочка бумажного голубя. – Короче, наука – это чепуха и фокусы для дурачков.

– Ну... Это сейчас. А тогда люди вполне могли ополчиться не на физику, а на алхимию. Во всяком случае, так считает наш бакалавр.

– С бакалавром лучше не спорить. Но странно получается. Алхимия, например, приносит конкретную пользу. Она раскладывает вещества, показывает элементы, создает магические зеркала, парфюмерию, спирт, наконец. Это, заметь, уже в древности. И вдруг пьяницы протрезвели? А модницы начали смотреться в сковородки? Людей больше не интересуют гороскопы? Начинать ли войну, готовить ли жертву? Вместо этого развивается, с позволения сказать, астрономия? Ты вспомни тогдашнюю астрономию, они же ни одного затмения предсказать не могли! Сорок лет считали спутники у Юпитера. Кому оно надо?

– Сейчас-то посчитали.

– Вот благодаря астрологии и посчитали. Так сказать, побочное следствие. Ты скажи, тебя что интересует, собственная жизнь или спутники Юпитера?

– Меня ре-реферат интересует.

– Вот. Собственная жизнь. И у любого так. Птолемеи не глупее нас были. Ну да ладно. Пусть так. Наступило массовое помешательство, и все начали развивать астрономию. Гороскопы, значит, на хрен... Прорицателей на кол... А вот астрономам плюшки и новые колпаки со звездами. – Тарас задумчиво посмотрел на своего голубя. – Мне кажется, здесь всё притянуто за уши.

– Так. – Ефим переложил конспекты поближе, клацнул огненным амулетом и поставил чайник на горелку. – Ты помогать собираешься или будешь до-до-долбить условие?

Тарас разобрал голубя и теперь складывал из того же листа лягушку.

– Наука слепа. Она ничего не чувствует, прёт через все кочки. С отвратительным результатом. От любой мануфактуры смердит помойкой.

Лягушка получилась косая и прыгать не хотела. Тогда он и её разобрал. Получился мятый лист. Фима молча злился у плиты.

– Ты пойми, – конструктор бумажной живности наконец сформулировал свои мысли, – есть предположения реалистичные, а есть бред. Вот похолодание или потепление – это реально. Если метеор брякнется или комета близко пролетит. Разумные пингвины – это тоже реально. Если над ними магией поработать. Не, с пингвинами я приврал. Ну, слоны могут до разума дотянуться. Пробили же ягуаров. Но ты собираешься просчитывать нечто иное. Алхимия уже тогда создала минеральные и растительные краски, металлы, порошок бетон, кислоты, щелочи, мыло, наконец. И вдруг перестала развиваться? Это противно человеческой природе. Это лажа. И я очень боюсь, что твой реферат, по сути, является ещё одной проверкой – разгадаешь ли ты, что это провокация, или начнешь обсчитывать во всех подробностях этот идиотизм.

Ефим глубоко зарылся пятерней в волосы и ничего не сказал. Похоже, Тарас попал в самую точку.

– У остальных такие же вопросы?

– Я не знаю даже, кто это. Тем более вопросы, – буркнул Ефим.

– Ладно. – Тарас закончил препарацию лягушки и теперь мостырил из мятого листа кораблик. С этим получилось лучше, вскоре он уже лежал на ладони. Маленький, стандартный, готовый к плаванию символ весеннего ручья. – По-моему, Фима, твое задание – бред.

Ефим ещё больше поскукнел, на его глаза даже навернулись слезы.

– Всё п-правильно, Тарик. Тут или так, или эдак. Но если я не угадаю, это п-п-полный штрафной балл. И цветного у меня нет, а тогда уже точно... кто тогда п-п-прислонится... Если я не угадаю, я, считай, уже п-покойник. – Ефим махнул рукой. Мол, иди. Не отсвечивай попусту. Тарас скатал свой кораблик в бумажный мяч.

– Ладно. Тогда сделаем так. Проведешь специальную оценку обоих наших предположений. И обоснование того, что это проверка, сам сделаешь. Мол, ты все это понимаешь и учёл. И сделаем расчет от развилки. В смысле, их предположения. Все ж таки там будет не нулевая вероятность. Хоть какая-то дробь да получится.

Ефим кивнул. Тарас продолжал.

– Предположим, что деньги, ресурсы, люди, помещения – всё отдано науке. А магия получила шиш.

Ефим улыбнулся, хотя глаза его подозрительно блестели:

– Точно. Как изменится мир? Хотя бы в общих чертах? Я п-подробности прорисую, мне бы главное уловить!

Тарас уселся на стул верхом и задумался.

В супе у Лизо плавал таракан. Отрепённое лицо валча не отражало никаких эмоций, только глаза как будто изменяли свой цвет. То они казались светлыми, почти прозрачными, как у дикой козы, то набухали грозовой чернотой. Тонкие пальцы двигались над тарелкой, как если бы валч ощупывал что-то невидимое, мягкое или осторожно лепил из воска. Сидевший рядом Грач меланхолично доедал жаркое; больше в трактире никого не было. Рядом со стойкой россыпью лежала золотая мелочь и несколько серебряных ногтей, в дверях кто-то обронил котомку, но посетители не вспоминали о своих пропажах, торопливо уходя по важным делам в разные стороны. За стойкой кривил лицо относительно живой трактирщик, имевший неосторожность подать валчу горячее. На сотрапезников он внимания не обращал, полностью

поглощенный чем-то внутри себя, – безумные глаза выхватывали куски кошмара, трактирщик шарахался от потолочных пятен, от паука, плывущего на ниточке вдоль стены, от солнечных бликов на начищенной посуде. Между его дёргаными движениями и шелестом пальцев Лизо прослеживалась странная связь – не линейная, как у кукловода и марионетки, но не вызывающая сомнений. Впрочем, зрителей не было. Грач, методично поглощавший баранину, внимания на развлечение не обращал. Трактирщик корчился всё быстрее, раздирая ногтями лицо и горло, пытаясь вынуть что-то бегающее между зубов, шарахаясь от нарезанного квадратиками хлеба, снимая прозрачную паутину, выдирая из живота чьи-то лапки, и, наконец, с облегчением схватившись за острейший тесак для рубки мяса, одним ударом снёс себе полголовы.

Лизо вздохнул, впитывая в себя нечто невидимое. Грач невозмутимо вымазал подливку куском пресной лепёшки.

Баранина оказалась отменной.

Глава 15

- Странное получается общество. Государства начали бы расти.
- В смысле?
- В смысле, захватывать территории. Те древние империи, о которых сейчас сказки рассказывают, могли бы существовать и в настоящее время.
- Это если нет магии?
- Именно если нет магии. Может, даже весь мир был бы завоеван какой-нибудь одной страной. Хотя нет, очень крупно они бы не разрослись.
- Погоди вещать как пророк. Аргументируй. П-п-почему?
- Тарас уселся на стул верхом.
- Потому что короли были бы в безопасности. Имперский двор стал бы самым клёвым местом на планете. Король, или там султан, мог бы спокойно наслаждаться жизнью, обеспечивая единый центр управления.
- В смысле, не было бы убийств.
- Ну да. Той череды покушений, что в средние века выкосила все династии, не могло бы состояться. Без боевой-то магии.
- Точно. Погоди, а ножи, например? Обычные фанатики с ножами?
- От фанатика с ножом существует охрана. Дюжина бойцов, и никакой фанатик близко не подлезет. А если подлезет, так под саблями ляжет, а на это тяжело найти желающих. Это действительно фанатик нужен. Самое главное, от этого можно защититься. Покушение становится крайне опасным.
- А зомби?
- У нас же нет магии.
- Ах да. – Ефим снял с горелки вскипевший чайник, насыпал в заварник мелко молотого листа, добавил щепоть специально приготовленных трав, залил всё кипятком и поставил на край столешницы. – Я тоже никак не привыкну.
- А боевая магия превращала убийство в развлечение. Любой квалифицированный маг мог убить любого монарха. Почти не рискуя. И щелкали их одного за другим.
- Защита появилась много позже. Хм... А действительно... Но почему тогда не появится мировая империя?
- Связь. Дороги. Средства управления. Без магии здесь возможны лишь примитивные решения. Королевства объединили бы по несколько современных княжеств, а потом всё. Чем дальше от центра, тем тяжелее управлять. Провинция, брат. Осторожно!!!
- А, твою мать! – Ефим попытался поймать падающий чайник, но тот опрокинулся точно на Тараса. Всё же гость успел среагировать – качнулся вместе со стулом так, что основной сплеск пришелся на спинку стула, которой как бы загородился Тарас. Лишь несколько капель попало на бедро, зато в ту же секунду хрустнула ножка, и школяр тяжело упал на спину, судорожно отползая от лужи кипятка.
- И-и... Извини, – с отяжкой выдохнул Ефим, помогая гостю подняться. – Как это я... Не пойму даже.
- Не бери в голову, пустое. – Тарас отряхнул штаны, поглядел на сломанный стул и в сердцах шмякнул его об пол. – Второй раз. Эхо маленько осталось, – непонятно сказал он.
- Зачем сломал? П-починить же можно. Было.
- Настроение хреновое, – объяснил свои проблемы Тарас. – Завари-ка снова чайку, только без крайностей.
- Ефим уже собирал тряпкой лужу и остатки заварочного чайника.
- Сейчас. Но заваривать придется в горшке.

– Давай в горшке. – Тарас снова подвинул конспекты. – Так вот. О децентрализации. Современные средства связи у них будут? Нет. Сегодня мы мгновенно узнаем новости из-за океана, а без магии? Посылать гонца на лошади? Парусный корабль? Там уже вовсю война, а тут ещё никто не чешется. Даже если у империи очень много сил, она везде будет опаздывать.

– А на-наместники?

– Наместник может и отделиться. Именно так разваливались наши королевства. Всё ушло к суверенам. А переброска войск? Сегодня высадка тверской дружины в Африке – это одни сутки. И дёшево. Сегодня как раз можно было бы империю создавать, когда бы защитная магия не превосходила качеством боевую.

– Зачем тверитянам высаживаться в Африке? Что у нас, ближе дел нет?

– Да я в принципе говорю. Как вариант. Мы просто привыкли к зельцкабинам, вроде так всегда и было. А триста лет назад? Попробуй снаряди туда флот. Очень сложно управлять через такие расстояния. Воздушных сил тоже бы не было. Нет, это не мир, это дичь полнейшая получается. Они даже летать не смогут.

– Аэростаты летают без всякой магии.

– Так когда их придумали? Тридцать лет назад! И потом, аэростат по ветру летит. Его всё равно магия тащит, задаёт направление. Кому нужен аэростат, зависящий от погоды? Тебе ведь надо не просто войска из столицы отослать, а куда-то конкретно их отправить. Если ты не идиот, конечно.

– Ладно, согласен. Погоди, я запишу. Итак, будет два импульса. Первый на создание крупного государства, многих крупных государств... Второй, по достижении ими определенной величины, станет этот рост снова ограничивать. По-помозгуй пока. А я кину шаблон на срез.

– Уверен?

– Чувствую, сейчас получится. Погоди. – Ефим ловко вытащил первый из мерцающих прямоугольников, выщелкнул специальное стило и стал быстро продавливать данные плоской лопаточкой. Тарас захрустел мелкими сухариками, очень кстати оказавшимися на столе. Ефим управился на одном дыхании и, чуть прикрыв глаза и даже немного отвернувшись, словно иллюстрация могла взорваться, вытащил страховочную нить. По краю листа вспыхнули разводы, и шаблон расцвел очень красивой географической картой.

– Есть! – Фимка щелкнул ладонями и исполнил несколько па диковинного танца. Довольный Тарас снисходительно на него поглядывал. – Есть, Тараска. Первый же шаблон в тему. Плюс два запасных. Отлично, сосед. Я тебе шесть файерболов соберу. Лично.

– Так ты что, правда, что ли, сам их крутишь?

Ефим кивнул. Он что-то черкал в блокноте.

– Ты хоть не болтай об этом, а то мне говорили уже.

– Да я не болтаю. Не бо-бо-боись. В кармане не взорвётся.

– А почему шесть?

– Их на дюжины считают.

– Почему?

Ефим пожал плечами. Круглая его рожица лучилась улыбкой.

– Не знаю. Так принято. На тебе, кстати... – Он полез в короб, стоящий у ножки стола и заваленный всякой всячиной, и вытащил снизу шесть матовых шаров с характерной перламутровой корочкой. Именно корочкой, продавливать её не рекомендовалось. Тарас осторожно взвесил файер на ладони. – Не боись. В кармане не взорвётся.

– Точно такой я в стражников пульнул. – Тарас внимательно разглядывал опасную вещьцу. – Точно такой же. Твой небось? – Он вопросительно посмотрел на Ефима.

– Может, и мой. У кого купил?

– Не важно. – Тарас был более осторожен в трёпе. – Может, и не твой. Не от тебя же.

– Да ладно. – Ефим махнул рукой. – Я их уже знаешь сколько сделал? – Он снова улыбнулся. – Ты посиди, посиди. Мы с тобой ещё поработаем...

– Андрей, представляешь, тебе вызов.

– От кого? – удивился рыжий рыцарь.

– От Ладьи.

Андрей по-простецки почесал затылок, пытаясь въехать в ситуацию. Его собственный звеньевой присылает вызов на поединок.

– А с какой стати? Вроде я ему на ноги не наступал.

Олег пожал плечами.

– Он считает, что если б ты тогда не поддержал монахов, – блондин замялся, – ну, этих, душегубов у шлагбаума, то отряд догнал бы банду.

– Возможно, – кивнул Андрей. – Ну и что? Надеюсь, он не считает, что я сделал это намеренно? И потом, решение принимал он как старший звена. Я только высказал своё мнение.

– Ты же знаешь Ладью. Иногда его клинит. Он считает, что обязан наказать тебя за ошибку. А поскольку формально наказывать не за что, то наилучшим решением будет трёпка на дуэли.

– Он так и сказал, трёпка?

– Именно так и сказал.

– Ну, боров... – Андрей покачал головой.

– Ты только не заводишь. Ладья очень хорошо фехтует.

– Да знаю я, как он фехтует, – хмуро сказал Андрей. – Но что ж теперь... До какого предела драка?

– Ладья предлагает до первой крови. Но я думаю, что ему мозги-то вправят, и всё обойдётся ударом о клинок. – Дуэльный кодекс предполагал четыре уровня поединка. Первый – когда вызов принят, противники обнажили оружие, клинки соприкоснулись, но дальше следует примирение. На этом обычно заканчивалось большинство недоразумений купцов, чиновников и многих бояр. Второй был более опасен, хотя звучал по-мальчишески, – до первой крови. Здесь уже можно было получить и тяжёлую рану. Иногда первый результативный удар бывал вообще смертельным. Это был «стандартный» уровень воинов, рыцарей и стражи. Третий – до серьёзного ранения – предполагал продолжение дуэли, пока противники в состоянии держать оружие. Это был уже не ритуал, а настоящий поединок. Четвёртый применяли только смертельные враги.

– Передай ему, что он боров и я хочу поднять предел до серьёзного ранения.

– Да ты что, Андрей? Он лучше тебя фехтует. А физически вообще как слон.

– Ну и хрен с ним. Будет меня каждый дуболом учить порядку.

Олег неодобрительно покачал головой.

Место под храм, как водится, было удачным. С возвышенности открывался отличный вид на город. Старый дом, что находился здесь раньше, уже раскатали, и теперь вокруг простирался строительный пустырь.

Варвара была в плотном, по сезону платье и высоких мягких сапогах. Смотрелось это очень аппетитно. Впрочем, раз посмотрев, Ярослав сам себя одернул и более скоромных мыслей в голову не впускал. К Варьке он относился как к старшей сестре.

– Замерзла?

– Пока нормально.

Ярик достал из-за пазухи складной сосуд – четыре плотных кольца и доньшко, мастерски вточенные друг в друга, – развернул и высыпал на дно щепотку конденсата. Из воздуха тут же сделилась чистейшая влага, от дождевой её отличала только малая толика специальной соли, что добавляли в конденсат.

– Чай будете?

Варвара кивнула. Никита, прислушавшись к себе, тоже кивнул. Ярик переломил огненный амулет – длинную керамическую палочку – и опустил её в сосуд. Вода стала быстро нагреваться. Туда же пересыпался золотник чайного листа. Вскоре напиток был готов. Никаких магических способностей такие хлопоты не требовали, вот только воздух конденсат сушил, а потому редко применялся в помещениях. Запасливый Ярослав достал два стаканчика и отлил в них темно-бордовой, дымящейся паром жидкости, оставив себе заварной сосуд. Сахару, правда, не нашлось – но пожалела об этом только Варвара.

Рядом, на площадке, работал зодчий.

Мастер – колоритный, классический мужичок с бородкой и повязкой, чтобы не мешали длинные волосы, вытащил из полотняного мешочка вершковый, саженный и локтевой наборы. «Вавилон» у него был хороший, отполированный ладонями самшитовый квадрант. Впрочем, на шпартгалку он едва поглядывал, сноровисто проводя замеры. Сразу же расставлялись вешки. Со стороны это смотрелось абсолютной китайской грамотой. Подмастерья помогали своему учителю, но видно было, что процесс остаётся для них загадкой. Неумытые рожицы учеников замечательно совмещали лень и внимание.

– Ещё год промурыжит, не меньше, – самодовольно сообщил Варваре Ярослав. Школяров «вавилонам» не обучали, только магии на раствор, куда входили в основном куриные желтки и наговоры. Но Ярослав случайно знал систему косых, морских, простых и прочих саженей, в которых путались не то что простолюдины – любые, кроме русских, мастера.

– А ты чего такой довольный? – хмуро спросил Никита. – Али ты в этом волокешь?

– Ну, волокешь, не волокешь... – скромно протянул Ярослав, которого почти физически распирало поделиться. Нечасто второкурсник может что-то рассказать старшим, а сейчас был именно такой случай.

– Ты чего, Ярик, про «вавилонны» знаешь? – Варька спросила в лоб с очаровательной непосредственностью. Тут уже надо было или отвечать, или таиться. Выдержав для солидности небольшую паузу, Ярослав начал рассказывать.

Знание было из сокрытых, «цеховое». Нуждались в нем только зодчие, что, впрочем, не умаляло его ценности.

– Знаю немножко. У меня брат двоюродный храмы кладет, я долго у него учился.

– Когда ж ты успел? Вроде на глазах был всё время.

– Давно, три года уж прошло. Ещё совсем пацаненком.

– И что, сам «вавилонны» просёк? Невероятно.

– Ну, он показал чуть-чуть. Но основное я допёр. Собственно, меня потому и отдали учиться в Колледж.

Они немного отошли, чтобы не смущать зодчего. Мастера не любят разговоров про цеховые секреты.

– Так вот, вся эта система – она в основном отмеряется. Там никаких расчетов, только мерный приклад. Вот смотри. – Ярослав сноровисто начертил «вавилон», перечеркнув вложенные квадранты правильными косыми штрихами.

– Погоди, а это что? Я таких крестов нигде не видел.

– Вот. Это оно и есть, самое главное. Квадрат, в нем круг, в нем ещё квадрат и так далее. И крест через общий центр. Отношение саженей можно в двух видах показать – графически и через таблицы. Ребро квадрата – обычная сажень, а диагональ – косая. А тут ещё промеры, видишь, пошли. Вот здесь морская будет, здесь египетская...

Ярик рисовал быстро и со знанием дела. Никита слушал невнимательно, Варвара, напротив, с неподдельным интересом.

– Тут, понимаешь, везде золотое сечение получается. На любой прикид. Потому каждый храм, что наши зодчие возводят, так баско смотрится. Гармония на уровне замеров. Причем

сколько ни откладывай, не собьешься. В самой системе заложено. Хоть башню крепостную клади, хоть мост. Все красиво будет.

Никита допил свой чай и поднялся.

– Ладно, Ярик. Нам пора идти. Ты, кстати, сам-то как?

– Да почти нормально. – Двигался Ярослав ещё с трудом. – А почему Тарас не пришёл? – смущённо спросил молодой школяр. Чувствовалось, что посещение Тараса было бы ему ещё приятней. – Как он, кстати?

– Румяный, как свежая булочка. Утюг только на ногу с утра уронил. – «Булочка» могла быть у Никиты и ругательством, и комплиментом.

– Он собирался зайти, но сейчас они с Ефимом закрылись, чего-то считают. С утра сидят пишут. Но там нужное дело, там теперь мой соседущка влетел.

Варвара любовалась городом. Она была из Вышнего Волочка, и Тверь ей нравилась больше.

– А что за Ефим? Я его знаю?

– Должен знать. С четвёртого, рыжий такой, круглолицый. Он ещё серого бакалавра дразнил.

– Когда?

– А, ты ж молодой. Никита, расскажи, у тебя лучше получится.

Никита стоял, привалившись спиной к огромному штабелю досок. Не забывая об эхе уходящего заклятия, школяр, прежде чем опереться, проверил крепление.

– С удовольствием. – Он улыбнулся. – Фимка, знаешь, неровно дышит к пиротехнике. Ну и ещё на первом курсе оглох. Перемудрил с фейерверком. Не то чтобы совсем оглох, но кричать приходилось. Потом вроде прошло постепенно. И ещё он заикается, это с детства. – Никита снова улыбнулся воспоминанию. – А в Колледже читал серого оттенка бакалавр, ему никак цвет не давали. И мнительный такой был мужик, всё ему как-то не так. Неправильно, да не вовремя, и тоже маленько заикался человек. Конечно, пока у бакалавра не цвет, а оттенок, над ним положено прикалываться, но именно над этим никто и не шутил, уж больно он был психованный. Варька, ты ж тогда была?

– Тогда все были.

– Ну да. Весь поток. Это в большом зале шли занятия, представь.

Ярослав представил. Большой зал был аудиторией с двумя огромными дверями и шестью витражными окнами, так что до углов не докричаться. Преподаватели его не любили. Величина порождала напряжение и неизбежный гул шепчущих голосов.

– Ну вот. И наш бакалавр, которому уже кисло – не с его дикцией там читать, подозрительно всех оглядывает. Его, видно, свои настращали, и он всё время ожидал подвоха. А тут видит, возле доски нет светящихся мелков. И сразу догадался. Это нарочно, это хотят занятие сорвать, плюс личная над ним издёвка. И зашипел, чтобы не заикаться: «Где дежурный?» Тут сразу тихо стало, но все молчат. Потому как дежурный Фимка. А тот на первой парте сидит и ни хрена не слышит. Про мелки-то он, конечно, нечаянно забыл. Это сейчас он обкатался, а тогда не рискнул бы с бакалаврами шутить. Но «серенький» считает, что его слышат все и просто игнорируют. Он, соответственно, шипит громче. Тот же результат. Причем все уже тихо сидят как мыши, видят, гроза собирается. Один Ефим на первой парте ёрзает, чего-то раскладывает, поскольку ни окриков, ни тишины не замечает. В общем, явно борзееет. А соседа у Фимки и тогда не было, он вообще как-то всё время одиночкой ходил. Так бы хоть локтем подтолкнули. Тут уж наш бакалавр пасть открыл и как гаркнет: «Я п-п-последний раз спрашиваю. Где дежурный?» Фимка в ужасе подскакивает, круглыми глазами смотрит и сообщает: «Я де-де-дежурный». Бакалавр понимает, что Фимка сволочь, и спрашивает: «Где све-светящийся мел?» Фимка, чувствуя, что пропал, сообщает: «Не-не-не знаю». Тут серенький рявкнул так, что из витражей стёклышки посыпались: «Быстро найти мне мел! Быстро!!!» Фимка мухой

вылетает из аудитории, все начинают ржать, бакалавр понимает, что это точно заговор, стучит указкой по столу, а помещение большое, в общем, все смеются ещё больше, друг друга переспрашивают, не всем было слышно, что они там пели, бакалавр свирепеет, и тут Фимка влетает в дальнюю дверь и кричит с порога дурным голосом: «И-и-извините, у вас мела не найдется?»»

Глава 16

На полу валялось три испорченных шаблона. Четыре, развернутые в иллюстрации, замечательной стопочкой лежали на столе. Тарас, весь обвешанный файерболами – он даже перевязь специальную присобачил, – напоминал бомбардира перед последней рукопашной. Фимка, лишившийся своих запасов, был очень доволен.

Оба устали.

– Ну. Давай, Тарик. Блесни рассудком. Что там может быть ещё?

Тарас задумчиво потер подбородок.

– Ещё. Что ещё... Ещё, пожалуй, быт. Домашнее хозяйство. Быт будет на примитивном уровне. Вот этой газовой горелки, – Тарас кивнул на вновь начинающий шуметь чайник, – уже не будет. Потому как в её конструкции есть магические составляющие. Им придется разводить очаг. Ткани вот этой упаковочной не будет, – он показал на кусок прозрачной пленки, – и ещё множества простых, но нужных вещей.

– Нет, но пятьсот лет наука развивается. Могут что-то другое придумать.

– Есть ограничения, Фима. Наука имеет дело с материей, с грубой холстиной, деревом. В лучшем случае с металлом. Хоть тысячу лет работай над металлом, как ты изображение передашь? Не эстамп, а живую картинку? Я уже не говорю об эффекте полного присутствия, как на наших аренах. Это невозможно.

Фимка тёр рыжие виски. Что-то в рассуждении ему не нравилось. Тарас продолжал:

– Арен вообще не будет. Или самые примитивные, по площадке на город. И видно плохо, и всё такое. То есть, чтобы народ развлечь, надо массу зверья или людей перекалечить.

– Зрелища будут. В том или ином ка-качестве.

– Вот именно, в том или ином. А магия делает их эффективными. Центральную арену видят сразу в сорока городах. Плюс зарубежные трансляции. Эффект присутствия вообще позволяет участвовать. Можешь даже копые под рёбрами почувствовать, только деньги плати. А убери отсюда магию, что останется? Будут драться в чистом поле? Кто это увидит? Если амфитеатр, то пять-шесть тысяч. И задние – так, еле фигурки разглядят.

– Нет, Тарас, погоди.

– Что погоди?

– Ты убираешь магический прогресс, но физику или там механику п-п-переносишь на нашем уровне.

– Ну и что?

– Они тоже чего-нибудь сумели бы достичь.

– Да чего эти пеньки могут достичь? Ты ещё медицине их позавидуй. Зайди к костоправу полечиться, он тебя и не выпустит живым. – Тарас взял с полки заворотку с черничным киселем, легким нажимом свинтил верх и, сузив ладонью шарик, плеснул в кружку. Мнением хозяина он не поинтересовался. Ефим, тоже не страдавший избытком деликатности, реквизицию зимних запасов воспринял как должное и только кружечку подставил – урвать остатки. Тарас поделился домашним лакомством и налил себе добавки. Опустевшая заворотка с легким хлопком развернулась, задымилась паром и исчезла, оставив малую толику теплоты.

– Вот хотя бы, к примеру, это. – Тарас взял к примеру вторую заворотку, уже с клубничкой. – Как ты всё укутаешь на зиму без самзатоворов? Как хранить?

Ефим задумался. Проследил, как пример, булькнув, открылся и перелился в кружку Тараса, а затем, по справедливости, и в его. Сполоснуть после черники посуду школярам не пришло в голову. Даже тень этой мысли не зародилась в напряженно работающих мозгах.

– Не знаю. Хранили же раньше продукты. В кадушках можно. – Ефим почесал измазанным пальцем переносицу, прочертив под глазом кокетливую черничную тень. – Или в бочках деревянных.

– Ага. В ушатиках. Вытрись, извозюкался весь. А здесь... – Тарас взвесил на ладони третий пример, на этот раз вишневого киселя.

Хозяин насторожился, поражаясь вместимости гостя, но на этот раз обошлось взвешиванием, заворотка вернулась на полку с домашней консервацией. «Надо будет занавесочкой прикрыть», – запоздало подумал Фима. Впрочем, зимние запасы в густожитии всегда заканчивались осенью.

– Здесь удобно, как раз покушать. И за сотню лет не испортится, и не разольется, благодать. Разве наука на такое способна? – продолжил Тарас.

– Крупа хранится без всяких за-завороток. Огурцы можно в бочках солить. Криночки с крышками.

– Ага. Повзрывается всё в твоих криночках. У нас в селе как-то не завезли заворотки, такое творилось... Стухнет все, сгниет. Даже варенье засахарится. Это не шутка, брат, это, считай, половина урожая. Будешь через каждые две недели в голбец лазать, картошку перебирать. А на золотой можно десять завороток взять. Хоть рыбу катай, хоть суп.

– Ну, ученые придумали бы что-нибудь.

– Ага. Банки из твоего хваленого железа. Наложил туда харчей и запалял. Потом открыл, съел. Потом банку выкинул на хрен. Прикинь, весь город будет в банках.

– Про-прогресс науки...

– Фима, Фима... Да в самом слове «прогресс» уже слышится магия. Прогрессируют заклинания, работа со словом, с тонкими растворами, позиционные расчеты звезд. Открывают струнные взаимосвязи, резонансные свойства эфира, и всё с умом, с узла на узел. Заворотка – это что? Просто кусочек напряжённого пространства.

– Ты это нашим ведьмам не скажи.

– Как ты будешь прогрессировать на месте механика с его железными шестерёнками? Зубья им наточишь?

– Придумали же мушкетеры. Они без всякой магии стреляют. П-порох горит, и все.

– Вот именно. И кому нужна эта дерьмовая трубка? Она тяжёлая, стреляет на сто шагов, и разброс у неё ужасный.

– Бомбардиры пользуются. Кстати, сейчас появились п-пистолы.

– Это укороченный кусок дерьмовой трубки. Из него даже застрелиться проблема, осечка может быть.

– А бомбарда? Она без магии, а п-попробуй заслонись. Как жажнет ка-ка-картечью...

Тарас задумался.

– Бомбарда, кстати, да... И брони есть железные. А без оберегов... Самоходы какие-нибудь... Сидишь внутри, за железом, а наружу только мушкет торчит.

– Что ты говоришь?

– Ладно, – помотал головой Тарас. – Ерунда всякая мерещится. – Он побарабанил пальцами по столу. – В общих чертах картина ясна. Мир этот будет примитивным. Примитивным и скучным. Летать там люди не смогут, передвигаться быстро – тоже, судьбу предсказывать не будут, жертвы нормально приносить... Свароже, какая дикость. Всё насилие останется внутри общества. Зрелища вообще... М-да. Ну, как ты говоришь, придумают что-нибудь. Будут петь хором. Кривыми палками мячики в воротца загонять, кто больше. Овец с лошадёй ловить. У дикарей свои забавы. В общем, оформляй. Быт будет никуда не годен. Куча неразрешимых проблем. Света нормального ночью не добудешь. Разве что лампы с керосином.

Ефим разлил по кружкам вновь заваренный чай и жестом пригласил присоединиться. Отхлебнув свежего чайку, конопатый хозяин потянул очередной шаблон, озаглавил его «Быт»

и быстро заработал стилем. Вскоре шаблон задымился и с ругательством был сброшен на пол. Тарас виновато развел руками.

– Не угадали.

– Ничего, – подбодрил себя Ефим. – Четыре на четыре. Это очень хороший результат.

– Мог быть и лучше.

– Утром я о таком и мечтать не смел. Ладно, давай ещё один, наудачу, и всё.

– А если не получится?

– Ну и хрен с ним. Давай про на-на-насилие. Ты там брякнул что-то, мол, насилие останется внутри общества, разверни.

Этот шаблон они снова угадали. Тарас предположил, что в обществе, лишенном магических разрядок, уровень счастья будет медленно снижаться. Разрывы поля выплеснутся волной преступлений, бытовой агрессией, иногда даже войнами. Люди перестанут чтить правительства и древних богов.

Счет стал пять-четыре в пользу школяров. Шаблонов оставалось ещё добрых две дюжины, но Тарас скрестил руки, отрицая дальнейшее участие, зевнул и пошел спать.

– Завтра уже сам, – буркнул он на прощание. Ефим, очень довольный результатом, попытался всучить внахлест ещё и радужную петарду, но Тарас уже не соблазнился пиротехникой. Он и так напоминал маньяка-поджигателя.

Приветственно махнув рукой, Тарас развернулся к выходу. Возле шкафчика за мизинцы гостя прочно зацепились два клюквенных киселя. Так и провисели до Варькиной комнаты.

– Лови, – закричал Марат.

В стремянного полетел алый шар. Тот вскинул меч и закрылся. Шар, врезавшись в гарду, отлетел в сторону.

– Плохо, – сообщил маг. – Если бы заряд был боевым, тебе бы ногу зацепило. И двигаешься неуверенно. Сейчас я увеличу мощность. – Марат снял с пояса ещё один шар и метнул в сторону курсанта.

Парень еле успел отпрыгнуть в сторону. Какое-то движение гардой он всё-таки обозначил, но в этой робкой попытке не было ничего серьёзного.

– Ещё хуже, – вздохнул маг. – Ты боишься их, что ли?

То, что курсант боялся ожога, было видно невооруженным глазом, однако парень решительно закрутил башкой. Он пригнулся, приготовившись встретить очередной бросок.

– Хватит пока. Иди в зал, с мячом потренируйся.

Осоловелые глаза курсанта сразу пришли в норму.

– Давай ещё. Не надо меня жалеть.

– Ну лови, – согласился Марат и прямо с пояса метнул в стремянного шарик. Тот вспыхнул, коснувшись тела, – на этот раз парень только бестолково взмахнул клинком, пытаясь разрубить файербол, как летящее яблоко. Курсанта отбросило на полторы сажени прямо на кучу грязных, мокрых и уже горячих от жара опилок. Марат усмехнулся, глядя, как поднимается парнишка. Волосы ему сегодня полоскать и полоскать. Заметив идущих к тренировочной арене звеньевых, он моргнул курсанту – тот хлопал себя ладонями по ушам. Видимо, в голове звенело. Парень сразу вытянулся, приняв положенную стойку. Его качнуло.

– Что, колдун, издеваешься над малышами?

Марат покачал головой.

– Учю правде жизни. В две десятых.

– Ну, в две десятых – это по-божески. А ну кинь свой мячик.

– Настоящий?

Старший из звеньевых на мгновение задумался.

– Учебный. Не размялись, если пропущу... Не хотелось бы так выглядеть.

Марат ловко, с пояса, швырнул в рыцаря огненный шар. Курсант даже не заметил броска, из руки мага как будто сверкнула молния, но рыцарь среагировал. Он молниеносно вскинул меч и гардой отразил удар в Дмитрия. Его спутник тоже не сплеховал, отбив файербол в Марата. Маг поставил левый блок, на всякий случай сдвигаясь в сторону, и заклятие, шваркнув, ушло в стену.

– Вроде ничего? – спросил сутулый рыцарь, который был на полголовы ниже напарника.

Марат молча снял с пояса ещё два шара и запустил их сразу в обоих противников, затем, через мгновение, ещё пару в Дмитрия и ещё пару в него же. Сверкающие клинки звеньевых, казалось, рубили столбы оранжевого света – след от файерболов оставался висеть в воздухе, растворяясь через какое-то мгновение, но более маг ничего не успел. Артур легко отбил свой удар, уводя его в стену, затем попытался перерубить один из файерболов, летящих в сторону товарища, но безуспешно – шар почти невозможно достать клинком, зато сутулый не сплеховал. Дмитрий отбил все пять летящих в него файерболов, в доли мгновения меняя положение гарды, из всех только последний чуть-чуть обжег ему ступню, зато три ушли обратно к Марату. Магу пришлось поставить вязкий блок, но досталось ему от собственной магии всё равно больше, чем сутулому. Он вынужденно шагнул назад, чертыхнувшись, оступился и принялся растирать обожженное колено.

– Костюмчик защитный надо надевать. А то боевое, боевое...

– С боевым ты бы так не выделялся.

– Ты бы тоже, – невозмутимо парировал сутулый. – И вообще с коня я бы тебя уже на третьем шаре клинком достал.

– Будь ты на коне, я бы в коня и целил.

Артур саркастически прицокнул языком, и Марат смущенно замолчал. Вокруг всадника в бою световая защита, причём у лошади, которой не нужно махать оружием, она почти как кокон, и достать файерболом коня не слишком реально. Всадник, которому необходимо более активное движение, защищен намного меньше, из активной защиты против магии только гарда клинка, но и этого, как продемонстрировал Дмитрий, бывает вполне достаточно.

Парнишка восхищенными глазами следил за пикировкой.

– Давай учебный, – сказал Артур.

Марат молча отцепил от пояса шар синего цвета и мягко «набросил» его на клинок Дмитрия. Тот, чуть ускорив движение, отбил шар Артуру. Несколько коротких «перепасовок», движения гарды каждого из рыцарей были безупречны, и Артур переправил изрядно ускорившийся шар курсанту. Тот ухитрился точно его вернуть, рыцарь одобрительно хмыкнул, молниеносное движение клинком – и шар сверкнул в сторону Дмитрия. Сутулый отбил и этот удар, но просто в стену казармы.

Марат отцепил от пояса ещё три синих «мячика» и оставил прямо на куче опилок.

– Развлекайтесь, господа, – сказал маг и, прихрамывая, удалился.

Глиняная птаха заверещала прерывистым, непривычным свистом. Кто-то незнакомый, мать его. Три часа ночи. Тарас слепо нашарил птицу и щелкнул клювом.

– Да...

– Борислав, ты? Пересчитай на складе мешки и готовь к отгрузке! – Голос на той стороне был свеж и бодр, а в интонациях слышалась такая командирская упряжь, что хотелось немедленно пересчитать мешки.

– Вы ошиблись... – Тарас сонно брякнул клювом об стол, не потрудившись проверить правильность прищелка, и через мгновение уже снова спал. Но не тут-то было. «Соловей» снова затоковал неродными трелями.

– Здесь нет Борислава... – так же сонно сказал Тарик, демонстрируя недюжинное терпение.

– Кто там свисток хватает? Мне нужен Борислав!

Школяр шмякнул клювом о стол, рискуя сломать хрупкую птицу, и упал на кровать в полной отключке. Рядом проснулась Варя.

Снова пошел вызов. Тарас зарылся в подушку, и клюв повернула девушка.

– Я слушаю.

– Кто это? – беспардонно поинтересовались на той стороне.

– Это Варвара. Кто вам нужен?

– Варька? Что ты там делаешь, почему крупу не сортируешь? Найди мне Борислава, живо!

Тарас выхватил птицу у девушки.

– Да, я на месте. – Его голос был полон решимости действовать.

– Пересчитай на складе мешки с крупой и всё готовь к отгрузке! И проезд на зельцкабины закажи!

– Понял, будет сделано. – Тарас разъединил связь. – Надо настройку поменять, этот лось меня доконает.

Рядом покатывалась со смеху Варька. Школяр сладко зевнул, деликатно отвернувшись к стенке, затем снова повернулся к подруге и, окончательно проснувшись, потянулся к её плечу.

– Что, Варя, не спится?

Та оценивающе на него посмотрела, пытаясь сообразить, спится ей или не спится, потом всё же решила, что партнер подходящий.

– Ну ладно, охальник, подкатывай. Что у нас в ночной программе?

– Не, я не понял. А о чем это мы думали? Или о ком?

Варя закатила хитрые глаза.

– Мы думали, что жаль. Жаль, где-то запропастился лапушка Борислав.

Глава 17

– Эй, ты... Где тут хороший постоянный двор? – Грач по-хозяйски свистнул, ускоряя движение грибника. У тропинки, выходящей к дороге, остались две большие корзины.

– Митрофанов самый лучший... – Селянин посмотрел на обоих всадников. – Вам только Митрофанов и подойдёт.

– Я понял, ты покажи, куда ехать.

– На развилке направо и ещё почти версту. Там высокий дом, не ошибётесь.

На пальцах седого мужика, перебиравшего грибы, налипла чёрная корка. Лизо брезгливо передернулся.

– Червей сортируешь, дед? Скоро и они до тебя доберутся.

– Всему своё время, недобрый человек.

– Как ты меня назвал, обмылок?

– Вы меня слышали.

Грач и Лизо переглянулись. Лизо крутнул пальцами – и мужика повело: левое плечо сгорбилось, выворачивая руку и лопатку, но страха в глазах не появилось.

– Ты что себе позволяешь, смерд?

Старик, покряхтывая, улыбнулся. Лизо остановил движение руки.

– И чему это ты скалишься? – Грач тронул поводья, подъехав к мужичку вплотную. Тот по-прежнему улыбался, не пытаясь отвести взгляд. Выцветшие глаза были спокойны. – Ты считаешь, мы недостаточно хороши? – валч чуть-чуть повысил голос.

Селянин ответил тем же ровным тоном:

– Волк не плох и не хорош. Но он опасен.

– Волк бывает голоден, – усмехнулся Лизо.

– Волк не ест грибов, – спокойно ответил мужичок.

Всадники переглянулись.

– Ладно, дед. Ступай к своим корзинкам.

Седой мужик кивнул, будто и не сомневался в подобном исходе разговора.

– Приятно встретить такую силу, – сообщил он валчам. Повернулся и пошел перебирать грибы.

Грач, хмыкнув, посмотрел на Лизо.

– Он ещё и последнее слово за собой оставил. Ты никак его пожалел?

Лизо покачал головой, с удовольствием глядя на старика.

– Жалость унижительна. Этому человеку жалость не нужна. Он слаб, но высок духом.

– Хорошо выглядишь, цветной.

Никита был доволен. Приятно, наверное, совершить такое дело, подумал Тарас. Реально жизнь спас. Освободившееся от проклятия тело как будто напевало, тихо позванивая. Отходняк называется. Он пожал протянутую руку, затем притянул цветного к себе, и они обнялись.

– Пойдешь сегодня на бои? – Никита выжидающе осклабился.

Вопрос был почти риторическим. Тарас пропустил бои всего однажды, и то потому, что, загуляв, проспал. Лучшее в городе зрелище стоило посмотреть. Вопрос был скорее предложением пойти вместе. Альтернативой выступала Варька, в отдельной компании с которой школяр последнее время посещал стадион. Пойти всем вместе... Нажремся же к вечеру, лицемерно забеспокоился Тарас, предвкушая попойку. Надо бы лекции подогнать – отстал за последнюю неделю, и вообще... Коллоквиум скоро... Вопросавший Никита успел удивленно приподнять бровь, но Тарас всё же кивнул, соглашаясь. Осторожность последних дней переросла в некоторую заторможенность.

– Варьку возьмем?

- Конечно. Жаль, Ярик ещё плохо ходит.
- Он бы и так, наверное, не пошел. Так что пусть отлежится.
- Молодец всё-таки пацан.
- Однозначно. Будем его в свой цвет настраивать.
- Ты его сначала получи, свой цвет. Или хотя бы оттенок.
- Вот как получу, так и будем настраивать. Да и так уже ясно: либо фиолетовый, либо сирень.

Никита поморщился. Судя по всему, сиреневый вариант ему не нравился.

– Цвет пока отложим. Через год. Может, тебя вообще в серый сектор запрут.

– Нас.

– Ну, нас. Так что, с Варькой идём? Я тогда тоже кого-нибудь возьму.

– Зачем тебе кто-нибудь? Пиво попусту тратить.

– Ты, однако, эгоист. Ты, значит, с Варькой, а я, значит...

– И ты с Варькой.

– Интересно. Так тебе-то вечером... А мне какой смысл?

– Можно подумать, тебе не с кем вечером. Это от дневного пива не зависит. Впрочем, как хочешь.

Никита поскреб квадратный затылок.

– Ты прав. И так по уши в долгах. Пусть лучше они нас приглашают.

Варька насупилась, когда узнала, что идут они втроем, но Тарас не обратил на это внимания. Тем паче что месяц назад, на прошлой луны боях, он вообще пообещал, что ходить будет без неё. Основательно тогда поругались. И два серебряных ногтя проиграл. Это сейчас она спасительница и лапушка, а тогда капризничала: мол, мало внимания обращаешь. Сточила в одиночку два флакона сбитня, и поначалу как-то не разбирало её, а потом вдруг разобрало, взяла третий, наклюкалась, визжала громче глины, швырнула на арену пустой флакон, за что, ежели поймают, двенадцать ногтей платить положено, хорошо, никто не стукнул. Моталась стража по трибуне, но не нашли, а когда уже расходились, ухитрилась встрять в компанию новослободских. Те и приставать-то не собирались, но она тогда, в пику Тарасу – в чем-то он, по её понятиям, провинился, – и глазки строила, и улыбалась плечиком наружу, чуть не на колени усаживалась, а как приобняли её, начала целомудренно отбиваться. Причем агрессивно отбиваться – левой сбоку, правой снизу, со знанием дела, так сказать. Тот пацан сначала опешил, потом, конечно, завёлся, и Тарасу пришлось добавлять, защищая её, непорочную. А вообще новослободскому зря попало – любой бы так же, и хорошо, что нормально обошлось. Отрицаловка тогда уже слетела, после боев народ вмняемый, нормальные рабочие пацаны. Потом могли и подружиться – ну, так, чуть-чуть, интерес по жизни разный, но в ухо, по уму, следовало засветить не только хватателю, но и Варьке, чтоб впредь прилично себя вела. Под конец она совсем разомлела, зюсюкнула ещё сбитня и что-то выдала про Лану – видно, сплетня дошла. И это она в отместку, так сказать. Тарас тогда честно сказал, что никакого флирта с Ланой у него нет, – умолчав, что эта стадия осталась в прошлом, обозвал Варьку дурой и зарекся строить семейную парочку. Поругались. Хотя, поди ж ты, он вот как-то всерьёз это запомнил, а Варька... Затаи она тогда злобу, не смогла бы ему жизнь спасти, даже если б захотела.

Теперь конечно. Теперь пылинки придется сдувать. Кругом должен.

Создатель, чего ж ему ещё надо? Девчонка чуть в могилу вместе с ним не закопалась, а он ерунду вспоминает. Тарасу стало стыдно. Маленько он и за себя порадовался: мол, совесть есть, не все потеряно.

Впрочем, деликатности проявлять все равно не следовало. Женщину баловать – только портить.

Трансляции можно смотреть хоть каждый день. И дешевле; но это, конечно, не то. А турнирные бои вживую – два раза в лунный месяц. Если праздник или большая жертва, бургомистр мог пустить добавочку, но случилось такое нечасто.

На боях народ сбрасывает отрицаловку, взвинчены все, орут – потом, правда, вокруг как бы теплеет. Но в ухо получить как дважды два, так что ходить положено группой, хотя школяры везде так ходят, и цепляют их реже, чем стражников. Чем ближе стадион, тем гуще становилась толпа на улицах. И не только зрители – сновали продавцы различных сладостей, сбитня, зонтиков от солнца, хотя кому они нужны осенью-то, и прочей сопутствующей чепухи. Сбоку проявился знакомец, Пиня. Весьма настойчивый провожатый Вариной соседки. Как там её... Кличут Свинкой, но она на это обижается... Пинина зазноба, демонстративно не замечая Тараса, поздоровалась с Никитой и Варварой. Собственно, прямой соседкой Варьки она уже не была – Свинка переехала куда-то на другой этаж, окончательно освободив Тарасу пространство. Пиня был настроен миролюбиво.

– Привет, цветная зелень.

– Взаимно.

Тарас ущипнул Свинку за бочок.

– Здравствуй, соседка.

Та шмякнула нахала по руке. Пиня понимающе покачал головой.

– Как здоровье? Ты чего-то смурной ходил, – сообщил он Тарасу и уточнил: – Может, случилось ли чего?

Корявость оборота Пиню не смутила, Тарас покивал, принимая заботу как должное, но не собираясь эту тему развивать.

– Всё нормально, пить надо меньше. – Школяр резюмировал шаблон высокой моралью. – Кто сегодня бьётся?

– Карелы с пруссами, – ответил ему Пиня. – А потом медведи. Обещали ещё саксов пустить, но это как первый бой сложится. – Он вытащил из сумки флакон горячего сбитня и предложил круговую.

Самое время мозги расслабить. Тарас отхлебнул хмельной сладости. Медовуха была хороша, не литовская подделка. Затем приложились Варвара, Никита, Варина подружка, и сам Пиня, довершив начатое, дососал сбитень. Пустой флакон он аккуратно примостил на бордюр. Топтавшийся рядом Никита приоткрыл полу школярского плаща и обнаружил высокое горлышко бутылки. Если уж такой сноб, как Никита, специально таскал бутылку, значит, она того стоила.

– Давай уже на трибунах, – сообщил обозначившейся компании Тарас, забеспокоившись насчет места. Поторопиться следовало, иначе можно было оказаться на задворках. Прихватив у разносчика ещё пару фляжек медовухи, школяры – Пиня был с пятого курса – прошли в высокие Южные ворота.

На арене уже лилась кровь – «рубленое мясо» полосовало друг друга крючьями. Смотреть там было не на что, техники боя ноль. Выпускали «фаршбойцов» для разогрева, само зрелище ещё не начиналось. На них тоже принимали ставки.

Зрители продолжали рассаживаться, прихлебывая спиртное, устанавливая зонтики, ругаясь из-за мест и не особо обращая внимания на арену. В «рубленое мясо» попадали преступники и душегубы, слишком плохие бойцы, чтобы выставлять их против профессионалов. В настоящем бою могли участвовать только гладиаторы, свободные бойцы по найму, пережившие хотя бы один «фарш» преступники и воины – коль скоро провинность забрасывала их на арену. Их на разогрев не ставили, берегли.

Все «фаршбойцы» были вооружены одинаково – металлической лапой с острыми крючьями, легко разрывавшими одежду и плоть. Каждый крючок, однако, изготавливался так, что нанести смертельную рану было сложно – разве что горло удачно зацепить. Сражались бойцы

почти нагими, только повязка на бедрах да цветная каска, закрывавшая лицо сплошным забралом. Назначение её было двояким – не заливаемая кровью, она позволяла различать бойцов и лишала каждого зрения, так что бой становился унижительным и, с точки зрения толпы, весьма забавным.

Когда «фаршбойцы» слишком разбредались, их подталкивали длинными острыми прутьями. Из группы выживали двое, редко трое – и каждый отдавал дань потехой и живительной кровью. Если среди приговоренных были душегубы, первые ряды занимали родственники невинно убиенных. Эти на сбитень не отвлекались, впитывая зрелище с первых минут.

Иногда «рубленое мясо» «готовили» через «гуляш» или «потешки». Здесь правила были мягче, и пройти такой бой живым было проще.

Случалось, погибали и гладиаторы. Сталь могла убить любого. Но попавший на арену душегуб, не обученный бою, имел меньше шансов, а в определенных приговорах случая его ещё и не «вытаскивали» знахари. Это было существенно, поскольку лечить раненых начинали быстро.

* * *

Трибуны постепенно заполнялись. Лучшие места были уже заняты, некоторые специально так подрабатывали, занимая хорошие скамейки, а потом уступая их опоздавшим за несколько ногтей. Лишнего золота у школяров не водилось, поэтому они, работая локтями, протиснулись к самому краю стоячей, восточной трибуны и, притулившись к резному балкончику, приготовились смотреть. В проходах, лавируя меж нависавшими людьми, сновали продавцы, не успевая донести товар даже до середины. Ярко раскрашенные гулены, понимая, что сейчас на них никто не позарится, тоже протискивались вперед, уже не обращая внимания, как лежит помада. На специально отведенных углах игроки делали ставки. Серебряные таблички главного табло показывали букмекерскую вероятность.

Все же столица – это хорошо, подумал Тарас.

Конечно, в любом городе можно посмотреть проекцию боя, и даже яблоко, брошенное там с трибун, упадёт на тверской арене. Но что-то всё равно теряется. Одно дело, когда зрелище транслирует магия, и совсем другое – слушать дыхание, чувствовать поле возбужденной толпы, глаза бойцов, запах крови, отзываясь на каждый удар собственной кожей.

В листках новостей бывали вялые кампании насчет сделать зрелища помягче, но... Покрытые шрамами профессионалы погибали не чаще гонщиков на ипподроме, охранных и воскрешающих заклятий здесь работала тьма. Да и разрядку оно давало такую, что чернь, пьяная и ленивая часть толпы, вечно ждущая удовольствий и не умеющая их зарабатывать, питалась играми почти как хлебом. Пробовали запрещать. Воспротивились все – и воины, потерявшие возможность блеснуть талантом, и холопы, среди которых начались волнения, и лишившаяся привычных развлечений знать, и даже сами душегубы. На арене оставался хоть какой-то шанс выжить. А так, милосердия ради, их начали просто вешать.

Конечно, изъяны были. Например, один громаила попадал на арену трижды. Каждый раз за убийство. И каждый раз, пробившись сквозь положенное количество боев, выходил на свободу и снова убивал. Укатали его только в четвертый раз, после целой вереницы трупов. Но большинство попавших на арену воров, бродяг и даже матерых душегубов, пройдя через этот кровавый пир, старались оставить прошлое.

Глава 18

Место для поединка было стандартным – тренировочный зал на первом этаже Башни. Андрей и Ладья не афишировали ссоры, но слухи, разумеется, расплозились. Почти все в Башне считали назревающую дуэль абсурдом, да и сами рыцари, чувствуя вакуум, что начал образовываться вокруг каждого из них, несколько поостыли, но отступить было уже поздно. Чтобы уменьшить количество зрителей, назначили время, совпадающее с боями на арене, но это не помогло.

Оглянувшись перед боевой площадкой, Андрей увидел почти всё население Башни. Молчание было вязким, и его охватило нехорошее предчувствие. Ладья действительно считался очень сильным бойцом. Мощная фигура звеньего виднелась в противоположном углу. «Хорошо, хоть женщин нет», – подумал Андрей и потянул из ножен клинок. Ладья, двигаясь удивительно легко для своего веса, сместился к нему почти вплотную, заранее выигрывая часть пространства. Не запрещено, но очень полезно.

– Вы готовы, Андрей?

– Разумеется, – сказал рыжий рыцарь, и клинки соприкоснулись. В это мгновение дверь тренировочного зала хлопнула, но оба дуэлянта уже смотрели друг другу в глаза. Андрей сумел парировать несколько хищных движений звеньего и провёл неплохой встречный, но Ладья отвёл его гардой.

– Рапиры в ножны, господа. – Сталь в голосе Анны не оставляла ни малейшего варианта. За её спиной стояла Светлана.

Ладья нехотя остановился. Андрей также опустил клинок.

– Я не позволю вам друг друга искалечить.

Ладья отрицательно покачал головой.

– Анна, мы только начали, – сказал рыжий рыцарь, но молодая женщина, сверкнув глазами, как отрезала:

– И достаточно. Клинки скрещены – миритесь. Иначе, обещаю, я дам победителю по морде. И буду драться с ним. А потом ему придётся драться со Светланой. На тех же условиях.

На этот раз задумались оба. Андрей на всякий случай убрал в ножны клинок.

– Госпожа, вы злоупотребляете правами прекрасной...

– Да заткнитесь вы, Ладья. Вам вообще должно быть стыдно. Настоящий звеньевой.

– Но он...

– И он тоже хорош. Андрей, к чему было поднимать планку? Школяры – и те ведут себя разумней. Миритесь, пока не наговорили ерунды.

Андрей пожал плечами. Ладья убрал в ножны клинок. Переглянувшись, они подали друг другу руки. Оба были смущены. Зрители, стоявшие неподалёку, вздохнули с облегчением. Один из молоденьких стремянных спросил у стоявшего рядом Димитрия:

– А что, с ней так опасно драться?

– Фехтовать с Анной? Всё равно что душить ягуара. Даже если задушишь, кишки останутся на земле.

– Да не в этом дело, господа, – сказал рыцарь с серебряным значком.

– Не в этом. Но и в этом тоже.

– Я предлагаю всем пойти к арене и сделать ставки. – Олег благоразумно зафиксировал разрядившийся конфликт.

– Я буду ставить против рыжего, – буркнул Ладья.

– А я... – начал было Андрей, но Анна закрыла ему рот ладонью.

А мы будем ставить против вас, Ладья. Но только ставить.

Пруссы наступали сомкнутым строем – они ухитрились выстроить этот самый строй, хотя на арену их вышло всего двенадцать человек. Пруссы славились групповым боем, поэтому основной задачей карел было расцепить стальной прямоугольник. Командовал пруссами высокий светловолосый парень со шрамом на левой щеке. Отдавая приказ, он показывал мечом направление, и вся дюжина, как единый организм, тут же разворачивалась.

Смотрелось это жутковато. Можно было себе представить, каково это для карел, которые рассыпались по арене, пытаясь убежать от стальной «черепахи», оцетинившейся мечами. Каждый из пруссов был укрыт тяжелой броней, в шлеме и с кожаным с металлическими пластинками щитом. Карелы, напротив, вооружения почти не имели – легкие луки с охотничьими стрелами, предназначенными для волка, не для человека, длинные дубинки, многие даже не обточены – настоящие, чуть искривленные древесные стволы, да пригоршня гольшей – металлических камней, которыми кидаются и дети на улицах. У некоторых были топоры и ножи, но не у каждого.

Сценарий назывался «Нападение отряда на деревню».

Самой деревни, разумеется, не было – так, обозначили домики на заднем плане, а карел, предполагалось, застали врасплох. Но было их зато почти в три раза больше.

Ширококостные, кряжистые, не слишком поворотливые, карелы казались плохо приспособленными для игры в догонялки. Пруссы действовали решительно и быстро – отсекая участок арены, устремлялись туда, стараясь хотя бы краем захватить, зацепить разбежавшихся мужиков, и иногда это получалось. Карелами командовал круглолицый здоровяк, быстро махавший руками, но слушались его плохо. Несколько раз подряд «черепаха» зацепила край сдвигавшихся «охотников», четверо из которых остались лежать на арене, а пятый смог вырваться из страшного кольца, зажимая разрубленную кисть, но только потому, что товарищи прикрыли его длинными дубинами. Стрелы скользили по броне, почти не нанося латникам урона, а на легкие уколы и удары гольшей пруссы не обращали внимания. Вот одного из немцев зацепили дубинами сразу трое карел, но «черепаха» тут же развернулась, меняя край, карелы брызнули в стороны, а слегка помятый латник вернулся в строй. И тут же ещё один из «охотников» попал в смертную западню – отступать на арене было неудобно, атакующий отряд лучше видел пространство. Парень со шрамом, прусс, показал движение назад, строй быстро попятился, и лучник, проскочивший за спины латников, оказался притерт к трибунам, бросил лук, попытался прокатиться в песке у самых ног крайнего мечника, но наткнулся на сталь, дернулся и замер. Кровь смешалась с золотым песком. Ещё несколько минут такого боя, и численное превосходство «охотников» окончательно сойдет на нет, подумал Тарас, и тогда пруссы просто вырубят оставшихся. Видимо, поняв это, круглолицый начальник мужиков заорал дурным голосом, привлекая внимание своей разношёрстной команды, и обеими руками показал на левый фланг пруссов, после чего и сам во главе общей свалки ринулся на этот край. Мечники сместились, уводя из-под удара крыло – очень трудно атаковать укрытый щитами строй, – и результатом истерической атаки стало ещё три трупа нападавших.

– Все-таки эту гадость надо запретить. – Голос Варвары был брезглив и трезв, несмотря на выпитый сбитень.

– А кто только что с трибуны орал? Типа выпусти ему кишки?

– Я такого не кричала.

– А что ты кричала?

– Я кричала: давай или держись. Я хотела, чтобы тот мальчик живой остался.

– Какой мальчик?

– Молоденький карел, что в конце против двоих дрался.

Никита почесал затылок.

– Там вообще было без шансов. А ты осторожней с ней, Тарас. Как бы она не ушла к тому мальчику.

- Типун тебе на язык, дурень. Ты точно перебрал сегодня.
- А что?
- Тому парнишке голову снесли, вот что.
- Ох ты. – Никита, сразу протрезвев, зашептал отговоры сброса. Даже случайная фраза в таком пробое могла повредить.
- Вот видишь. – Варвара была настроена категорически. – Одни неприятности.
- Между прочим, тот парнишка, как и все почти карелы, – это бывшая банда Колеса. Они два года вокруг Лихославля ходили, резали всех подряд.
- Там не только бандиты. Я читала программку.
- Два вольнонаемных. Так знали, на что шли. И оба живы. На арене не так-то просто откинуться. Там такие заклятия и знахари... Это надо, чтоб основательно нашинковали либо голову снесли, как тому пареньку.
- Все равно можно.
- Конечно, можно. На то и арена. А ты понаблюдай разок за первым рядом. За родичами караванщиков, что Колесо за два года покалечил. Посмотри, какими глазами они на карел любовались.
- И все равно. Можно просто повесить, в конце концов.
- Правильно. Хорошая какая. Ты самого бандюгу спроси, чего он хочет. Чтобы его просто повесили или четыре боя провести. Здесь у него хоть какой-то шанс. И почёт вместо позора. И вся кровь с арены, между прочим, на лекарства идет.
- Тогда скажи мне комплимент, – сделала неожиданный переход Варвара.
- Лапушка моя, – нашёлся Тарас.
- Лапушка не катит, – сообщила Варька. – Что-нибудь... – Она сделала обольстительное движение бёдрами. – Как тебе моя талия?
- Наклюкалась, – догадался Тарас. – Отличная талия. Мощная.
- Ах ты... – Варька выгнула «когтями» пальцы, собираясь задушить своего дружечку прямо на трибунах.
- Ладно вам. Они уже убрали, – сообщил Никита. – Сейчас медведи пойдут. Я, между прочим, на мишек пять золотых поставил.
- Ну-ну. Любитель животных. Мишки тоже, между прочим, из шатунов да людоедов.
- Это только втирают.
- Хватит болтать, борцы за нравственность. Смотри, они уж на арену вывалились. Оп-па, глянь! – Тарас показал направление.
- Что там? – Повинуясь движению Тараса, все посмотрели в сторону, но там лишь мелькнуло что-то непонятное.
- Пацанчик однорукый калиту у боярина срезал. Ловко. Кстати, Пиня, проверь свой кишень. И ты, Свинка, тоже.

На этот раз Варина соседка предпочла не обижаться, проверив наличный запас серебра. Всё оказалось в порядке.

– А вы чего? – поинтересовался Пиня. – Али кишень с секретом?

– С секретом, – вздохнул Тарас. – Пустой.

День оказался хорош на удивление. Кроме медведей, бургомистр расщедрился и на саксов, что долго бились с китайцами на длинных копьях, и на огромных, невиданных в тверской земле змей. Выглядели твари жутко, но, как шепнул по секрету знакомый устроитель, яду у них не было, и могли они только душить. Змей было три, в специальной золоченой клетке. Их раздражили длинными колючими прутьями так, что они чуть не сплелись в единый клубок, и тут в клетку ввалился бестиарий с длинным кинжалом. Впрочем, зрелище получилось не слишком эффектным. Оплести себя бестиарий не дал, но и на публику не слишком отработал – видимо, боялся заморских гадюк. Двум сразу снес головы, а с третьей уже поборолся, повалился по

золоченой клетке, но понятно было, что с одной-то, да без яда, парень совладеет. Так и вышло – как только трибунам наскучило и они начали свистеть, смелый бестиарий полоснул кинжалом последнюю тварь, после чего, поклонившись недовольным зрителям, убежал за трибуны.

– Вот все нормально, но с питонами этими полный отстой.

– Да на тебя не угодишь. Старался человек, лабуду всякую из Южной Америки выписывал.

– Лучше б наших рысей набрали. С этими по полу не повалешься.

– Ну, не угадал. Не всегда ведь угадаешь. Вон страусы в прошлый раз, вспомни.

– Да, страусы – это да. Ещё сначала все смеялись, как, мол, с курами драться.

– Ну. А там такие куры... Пинается, как лошадь. Золотистого тогда, по-моему, насмерть запинали.

Бестиариев тоже различали по цвету касок.

– Не, его потом откачали. Но на арене он не скоро появится.

– Если вообще появится. И все равно медведи лучше.

– Ладно, почти пришли.

У самого густожития Никита вдруг потянул Тараса вбок.

– Цветной, нам надо перемолвиться.

– Не поняла. – Варька уперла руки в боки и собралась качать права. – Ты куда это моего парня поволок, на ночь-то глядя?

– Варенька, ты иди пока, погуляй. – Никита махнул рукой в сторону густожития. – Он тебе позже достанется.

Пиня и Варькина соседка, переглянувшись, пошли к воротам.

– Чего-то я тебя не понял, Кит, – Тарас вступился за подругу.

– Ну, в смысле, пусть идет отдыхает.

– Никита, ты никак на солнце перегрелся? Чего это я должна одна домой идти?

Никита помотал большой головой.

– Все ранимые до невозможности. Куда там одна, вон уже, проводили до упора. Мне надо с Тарасом перемолвиться, так что, Варенька, я очень тебя прошу.

Тарас озадаченно кивнул, поскольку тон его цветного не оставлял вариантов. Варька возмущенно хмыкнула и пошла по лестнице так, как и положено уходить оскорбленной женщине. Смачно шмякнула входная дверь.

– Что случилось-то? – Тарас явно был расположен идти вслед за Варварой.

– Пошли. В «Цепи» пошли, по пиву хлопнем.

– Какое пиво? Сначала надо сбить слить.

– Вот. Сбить сольем, пиво зальем. Есть разговор, цветной. Есть у меня одно предположение.

– В «Цепи» так в «Цепи», – не стал упрячиться Тарас. – Предположение у него есть... А денежка у тебя есть?

Никита молча показал пригоршню серебряной мелочи, и Тарас вспомнил, что он поставил кое-что на пруссов.

– Отлично. А то у меня только два золотых. – Они уже свернули на тропинку – дорога в «Цепи» вела за овраг, через деревянный мосточек, когда Тарас все же надумал проявить благоразумие. – Может, тебе лучше долги отдать?

– Такой ерундой я всё равно ничего не покрою, – резонно заметил Кит. – По долгам придется папика доить, ты за это не расстраивайся.

– Да мне-то, – ухмыльнулся Тарас.

Глава 19

Официально пивная носила дурацкое имечко «Цветень». На вывеске красовался веселенький чурбанчик в ромашках, символизирующий то ли весенний месяц, то ли просто лесной пенек. В народе, и особенно среди школяров, употреблялось самоназвание «Цепи», поскольку столы здесь не стояли на ножках, а были по углам, четырьмя цепями каждый, подвешены к потолку. Выглядело это весьма колоритно, мощно, как кремлевская трапезная. Два полуподвальных зала с высокими горизонтальными оконцами, каждый на шесть больших столов, в любую жару наполняла приятная прохлада. Зимой здесь ставили масляно-факельный подогрев.

Друзья заказали пива, уселись, и Никита вытащил из-за пазухи настоящую драгоценность. Синхронизирующий кристалл.

– Ух ты... – Тарас даже не пытался скрыть восторга. – Дай поддержать.

– Держи. – Никита не разделял его радости.

– Настоящий?

– Ну, понятно, настоящий. Что ж я тебе, лапшу втирать буду? Самый что ни на есть.

Тарас отхлебнул пива, осушив почти половину кружки.

– Первый раз вот так вот вижу. Их же, шут... Сколько ж он стоит?

– Полсотни ногтей стоит. У отца ещё два таких. Ему по должности положено.

– Чего-то я тебя не пойму.

– Мы с тобой его сейчас потратим.

– Зачем?

– Затем. Чтобы я спал спокойно.

Тарас допил пиво. Вышел на минуту, подготавливая ёмкость к следующей порции, и помотал головой.

– Объяснись, пожалуйста. У нас с тобой долгов немерено, а ты такую вещь собираешься в пивной тратить. На кого, интересно?

– На тебя, брат.

– Погоди. Эти кристаллы потом как свидетельские показания идут, так?

– Именно. Я хочу зафиксировать одну картинку из твоего прошлого. Прокрутить эпизод, так сказать.

Тарас хмыкнул.

– Там было достаточно бурных развлечений.

– Да не трепись ты, балабол. Я серьёзно. Сосредоточься лучше, сейчас вспоминать будешь. Я хочу знать, во что мы встряли.

* * *

– Куда ты едешь, дурень!.. Куда ты... А, твою мать. – Глухой удар слился с последней фразой, экипаж трянуло, да так, что Тарас приложился головой к стене. Благо всё внутри тканью обито, было бы большее.

Ускорился, блин. Только деньги потратил. Чувствовал, что не надо извозчика брать.

Экипажи стояли, сцепившись осями, одно колесо чуть не насквозь пробило другое, причем очевидно было, что виноват в этом не Тарасов кучер, а мордастый парень, разодетый в шелк. И беретка у него с павлиньим пером, красавчик. Извозчик уже слез, вытащил монтировку и пытался отцепить свою карету от встречной, на которой одни резные диски стояли столько же, сколько весь его потрепанный экипаж.

Парень спрыгнул на мостовую, потянувшись, и было в его кошачьих движениях столько наглости, что извозчик поубавил тон, а потом и вовсе перестал браниться, хотя полоса была его и что здесь делала чужая карета, было непонятно. Но, видно, не первый год мужик на облучке сидел, понимал, что компенсации тут не дождешься. Ноги бы нормально унести.

Не получилось.

– Ты, быдло, куда прешь?

– Я же по своей...

– Куда ты прешь, я тебя спрашиваю? – Парень медленно подходил к извозчику, поигрывая желваками, и ясно было, что добром это не кончится.

– Я по своей, а куда ты...

– Я тебя, баран, спрашиваю, куда ты прешь? У тебя что, денег много?

– Я по своей...

– Или здоровья? Или ногти за день отрастают? – Парень уже нависал над извозчиком, который был в полтора раза меньше, так что в исходе стычки, в общем, сомневаться не приходилось. Из узорчатых, инкрустированных серебром окон лениво поглядывали двое. Их кучер, чувствуя молчаливую поддержку господ, поднял руку, ещё не на удар, просто пугая, но в этот момент маленький извозчик извернулся, выдергивая из колеса монтировку, и с традиционной русской фразой: «Да пошел ты», – врезал детине стальной осью в пах и тут же сцепленными в замок руками добавил по загровку.

Уже через секунду берет лежал в грязи, а кучер валялся рядом, ещё не понимая, как ему будет больно приходить в сознание. Извозчик пнул мордастого в бок и снова ковырнул колесо монтировкой. Кареты наконец расцепились. Из богатого экипажа вышел один из пассажиров.

– Ты зачем ударил моего кучера, хорек? – Властный голос человека, одетого в чёрный бархат, заставил извозчика вздрогнуть и как-то странно присесть. И без того невысокий, теперь он казался совсем маленьким, каким-то крохотным и униженно покорным. Не как раньше, когда он просто связываться не хотел, но ещё прятал зубы, а реально покорным, так что казалось, вели ему чёрный подползти на брюхе, и подползет. Не в силах более оставаться нейтральным, Тарас тоже выбрался наружу.

– Вы же всё видели. – Внутри у школяра позванивало напряжение, смешанное со страхом, но и лихость какая-то несла, он знал, что бояться этих расписных богатеев себе не позволит, хотя чувствовал не просто спесь – дыхание магической силы, которое шло от пассажиров дорогой кареты. – Извозчик не виноват, виноват именно ваш кучер.

– Я что, спросил тебя, кто здесь виноват? – Чёрный повернулся лицом, и Тарас против воли попятился. Одернув себя, он принял максимально независимую позу и сообщил:

– Магическое воздействие на простолюдинов безопасно. Это признак слабости, а не силы.

– Школяр, что ли? – Чёрный подошел вплотную к извозчику и поднял его за шкуру, как поднимают нашкодившего кота. – Когда я буду нуждаться в оценке своих действий, радужный болван, я тебе сообщу. – С этими словами он несколько раз хлестнул извозчика по лицу, так что голова бедняги, дергаясь при каждом ударе, моталась из стороны в сторону. Из безвольно разжавшихся пальцев выпала монтировка, руки повисли, как если бы полностью лишились костей.

– Патруль!!! Зовите патруль!!! – закричал сбоку истошный женский голос, но Тарас не обернулся.

– Лови, урод, – сообщил он чёрному и махнул рукой, кидая мощную бытовую плюху – можно было и поумнее заклятие сложить, но сработал рефлекс уличной драки. Чёрный не глядя отвел удар, самого его даже не качнуло, и Тарас, растратив попусту запас своей очень небольшой силы, с тоской подумал, что зря он связался с этими парнями, и больше он ни о чем подумать не успел.

Его противник сделал неуловимое движение запястьем – и Тараса скрутило так, будто здоровый жлоб сзади вывернул руку.

– Тебя где воспитывали, хорек? Ты почему нарушаешь чужую беседу?

– Да пошел ты... – сказал теперь школяр, пытаясь вырваться из невидимого захвата, но магическая формула простонародья не помогла, и тугая боль хлестнула через руку куда-то под глаза.

– Я не расслышал тебя, недоносок.

– Сам недоносок.

– Рыцари, рыцари, сюда, сюда, здесь человека убивают!!! – Женский голос слышался сверху и сбоку, может быть, с балкона, Тарас почти увидел, как машет руками тетя, и подумал, что никогда раньше не ждал рыцарского патруля.

– Ты, кажется, собирался что-то сказать?

Тарас хотел схамить, но боль полыхнула ещё сильнее, даже слёзы навернулись, чёрная тварь. Невидимые тиски сзади качнулись, и неожиданно для себя школяр упал на колени, стервенея и от унижения, и от боли.

– Пусти, гад. Я уже понял, ты сильнее.

– А раньше ты об этом думал, когда ручонками махал?

– С вашей высоты как-то даже гребостно... Вы же маг...

– Ну, если ты извинишься и поцелуешь мне руку...

Встречное предложение Тараса было значительно более грубым.

Очнулся он от того, что его поливали водой.

Никита вытащил из-за уха синхронизирующий кристалл.

Некоторое время он молчал, медленно прихлебывая пиво. Тарас, под впечатлением вновь пережитого, разминал правую кисть. Боль как будто появилась снова. Может быть, так оно и было. Превозмогая себя, Тарас скрутил голову сушёной рыбке. Добраться бы... Но не добраться. Это он ощущал каждой клеточкой обожженного магией тела.

Наконец его цветный резюмировал:

– Завсегда ты в чужую историю встрянешь.

Тарас задумчиво кивнул.

– Теперь чего уже. Теперь прорвались. – Он сноровисто вскрыл рыбке брюхо, разделил ребра и в несколько движений снял кожу вместе с чешуей. Никита молча следил за preparацией.

– Ты считаешь, я не прав?

– Прав, конечно. За тебя мне стыдно не было, и показать запись можно кому угодно. Но, думаю, мы с тобой хорошо попали.

Тарас впился крепкими зубами в ребра, затем отхлебнул пивка. Он переживал меньше своего цветного.

– Ничего. Все ж таки обошлось.

– Сварог не выдаст – свинья не съест, – хмуро сказал Никита. – Но это пока.

Тарас с видимым удовольствием сделал ещё несколько глотков. Последние дни он порозвел, к нему возвращался вкус к жизни.

– Вот и ладушки. Думаю, этим вся бодяга и закончится.

Никита с сомнением покачал головой.

– Я видел того, в карете. Ты, наверное, и внимания на него не обратил.

– И что? – Тарас действительно плохо запомнил парня в карете.

– Они были парой. Цветной парой. И мне кажется, это были валчи.

Тарас поморщился. Про валчей он слышал много всякой всячины, но особо эти легенды не сортировал. В Твери можно было жизнь прожить и ни разу с этими уродами не встретиться.

– И что же? – Рыба начала спору разбираться на плавники и мясные волокна.

– А то, – Никита допил пиво, но, похоже, только протрезвел от последней порции, – что в покое они тебя не оставят.

Молчаливый вопрос Варьки Тарас проигнорировал. Его подруга всё ещё сердилась.

– Слушай, весь день только пиво, нет ли у нас чего-нибудь... После боёв так есть охота, – ловко ушёл от разборок школяр. Хозяйка комнаты пихнула его в спину, и Тарас понял, что на этот раз успел вовремя. На столе дымилась сковородка, полная восхитительной смеси жареной картошки и лука со свиной. В баночке томилось несколько соленых огурцов. Зная манеру своего парня, Варя не стала перебарщивать с сервировкой – отложила себе немного аппетитного жарева, пододвинула ему сковородку и пошла ставить чайник. Стол между тем оставался в поле зрения хозяйки. За несколько мгновений её отсутствия Тарас дважды промахнулся – его наглая вилка вместо сковороды скользнула в тарелку и подцепила там кусочек поподжаристей.

– Ай-ай-ай, – попыталась укорить его Варька, но это плохо получилось.

– Чего, картошки жалко? – уничижительно спросил Тарас.

– Да нет, не жалко, но...

– То есть не жалко? – снова спросил Тарас, цепляя ещё кусок для верности. – Мне ведь нужно силы восстанавливать.

– Не жалко. Мне для крокодилов ничего не жалко.

– Ну, вот я и взял. Я знал, что тебе не жалко. Мне нужно понажористей питаться, – объяснил школяр.

– Мне для тебя и полной сковородки не жалко. – С этими словами Варвара взялась за деревянную ручку и замахнулась на Тараса так, что школяра и стол щедро обсыпало картошкой.

– Огурчик хочешь? – как ни в чем не бывало спросил Тарас, невинно хлопая ресницами. В пальцах у него крутился зелёный огурец в пупырышек, на волосах лежали два поджаристых ломтика.

– Свести ни на ноготь. – Варя шмякнула об стол сковородкой, смахнула с Тараса картошку и впихнула её ему в рот. – Ешь, крокодил. Понажористей.

Школяр, жуя, сгреб все, что ещё было возможно, в зону активности своей вилки, быстро порезал огурец и проложил его кружки по краешку, а затем щедро отложил Варваре почти половину.

– Понял. Сделал глубокие выводы. Три дня мою посуду. Аки пчёл.

Варя только вздохнула. Тарас благостно открыл рот наподобие птенца. Варька пихнула туда кусок картошки. Благодарно жуя, Тарик подтянул себе свининки.

– А будешь дальше шляться со своим Никитой... – Его подруга попыталась развить локальный успех.

– Лебёдушка, закрой свой клювик, – безмятежно сказал Тарас. Дожевал кусок, вытер губы и поцеловал Варькино плечо, с которого уже стянул халатик. Та возмущенно его отпихнула и независимо уселась на кровать.

Закинув ногу на ногу.

В результате горячее доели холодным.

Глава 20

На практике отработывали пальпирование струн. Уловить нюансы столь тонкого движения очень сложно, но в Колледже существовал особый кабинет. В центре на специальном возвышении инструктор показывал тему. А его активированные ощущения передавались каждому из находящихся в классе школяров. Повторить, однажды почувствовав, намного проще. Подключалась так называемая мышечная память.

Аффектация внимания, теплый шарик, колючий шарик, растереть руки, сложить их лодочкой, медитационный вдох, выдохнуть холодом, мысленно напиться, пальцовка, перещелк... И вот она, под ногтем... Соскочила. Тарас взмок, но со второго раза как будто получилось. По третьему получилось точно. Кроме всего прочего, такая «молчаливая» практика хорошо сохраняла информацию – объяснить это движение словами было практически невозможно.

Когда школяр почувствовал, что струна отработана, он зафиксировал пасс специальной иглой – для этого требовалось проколоть палец, выдавить каплю крови, смешать с радужным порошком и втереть в дёсны. Поначалу пёстрый или бесцветный порошок постепенно набирал определённый цвет, с каждым годом становившийся всё более отчётливым. У Тараса и Никиты это были фиолетовый, лиловый, иногда сиреневый оттенки.

Школяр осмотрелся. Кроме него, с заданием справились ещё трое. Остальные продолжали пальпировать, сосредоточенно глядя на инструктора.

Следующим по расписанию было право.

* * *

– Одно из основных отличий рабства второго рода – это отдаленная от конкретных людей «книжная законность». Многие государства Европы прошли через это убожество. Указы, подуказы, толкования к ним множатся и составляют десятки, сотни специальных томов. Разобраться в них простому человеку невозможно, потому появляется каста профессионалов, «специалисты», которые не занимаются более ничем другим. Так называемые юристы. Это особый цех, защищенный не только профессиональной этикой, как любая специальность, но и законом, поскольку именно эти ребята курируют его толкование. Простой человек в суд почти не ходит – понимает, что свои интересы надо защищать самому, а государство в этом деле не помощник. Любому государству до простого человека дела нет. И нашему тоже. Почему? – Лектор указал рукой на длинноволосую девушку, та с готовностью подскочила.

– Потому что государство заботится о своих интересах, как и положено любой системе, желающей сохранить самое себя. Интересы холопов защищаются только в том случае, если совпадают с интересами государства.

– Правильно, – кивнул лектор. – Но сегодня приходится слышать и другое мнение. Мол, мировой судья – это слишком просто, присяжные линча не всегда разбирают нюансы и руку отрубить могут вовсе не тому человеку, который виноват. И это действительно иногда происходит.

– Сплошь и рядом, – буркнул рыжий школяр на первой парте.

Лектор, явно настроенный на дискуссию, жестом предложил ему подняться. Тот встал.

– Сплошь и рядом несправедливость. У нас рыцари руки рубят за малейшее что угодно. Ковригу хлеба спёр – виноват. И всю жизнь без руки. А ваши присяжные линча, то бишь местная толпа, недавно чуть не повесили парня, который просто попал под раздачу. Убийца удрал, а пацан курицу резал и вышел с ножом, да руки в крови. И всё. Потом, правда, разобрались,

выпустили. Так он за два часа седой стал, и глаз у него дергается, дружок мой, со двора. Разве так можно?

– Очень хорошо. Интересно, а что бы вы подумали, преследуя душегуба, которого, как я понял, увидеть никто не успел, и наткнувшись на мужчину с окровавленным ножом и руками? И мировая пауза сработала – парня отпустили. Седые волосы в такой ситуации не самый худший результат. А насчет ковриги хлеба, сударь, так у нас в городе можно не только хлеб, всё что угодно на прилавках на ночь оставлять, что на базарах и делают каждый вечер. Только плёнкой от дождя прикрывают. Можно одежду сушить и не бояться, что её утащат. Коляски детские не воруют вообще никогда. И ещё много чего можно, о чем вы не задумываетесь, поскольку это для вас привычно, а это, молодые люди, далеко не везде так. И несколько отрубленных рук – у воров или бандитов – это не слишком высокая плата за спокойствие в городе.

– Все равно. Всего не предусмотреть, мировой судья может столкнуться с ситуацией, которую можно истолковать двояко. И непонятно, как правильно. Вот в римском праве все было расписано до мелочей, до малейших нюансов. И все работало. И поговорка у них была классная – пусть Рим горит, но торжествует юстиция.

– Отлично. Сядьте пока, сударь, будем разбирать ваше возражение по пунктам. Действительно, многим наша система судопроизводства кажется слишком простой.

– Да её вообще не существует!

– Я же попросил вас сесть, юноша. Прерывать старших очень невежливо, и в следующий раз я напомню об этом совсем иначе. Итак. Приговор местных присяжных считается окончательным и выносится незамедлительно. Приговор может быть любой. Жениться на обесчещенной девушке – если она сама, конечно, приемлет такой вариант, отрубить насильнику голову либо что-нибудь другое, отправить на арену во искупление, на общественные работы, штраф в пользу общины, штраф в пользу пострадавшего – присяжные линча разбирают дело сразу и за один-единственный день. Присяжных выбирает общество, это уважаемые люди, и всякая месть в их адрес считается позорной, почти как месть в отношении родителей. В случае спорных ситуаций, когда дело требует дополнительного расследования или спровоцировано стражей, в дело вступает мировой судья. Он защищен должностным закланием и также никогда не является объектом мести, к чему вы все давно привыкли, а это важно, и не везде это так. Судья решает любое дело «по справедливости». Судья знает множество местных нюансов, знает подноготную района, в котором живет, и его решение обычно, – лектор поднял руку, останавливая рыжего паренька, что пытался что-то сказать, – все-таки соответствует общественным понятиям о справедливости. Наибольшие нарекания здесь вызывают широкие права судьи. Практически он единолично решает, виновен человек или нет. Конечно, остаются недовольные. Иначе бы не было этой самой спорной ситуации. Альтернативой выступает сложный, многотомный закон, который предписывал бы то или иное наказание за каждый проступок, учитывая, как в римском праве, всё до мелочей. Звучит неплохо. Но на практике, напомню, Рим всё-таки сгорел. И подобное крючкотворство – один из признаков упадка государства. Попытка всё регламентировать вовсе не добавляет справедливости, она её душит. Чем сложнее закон, тем труднее в нем разобраться. Огромное количество молодых и здоровых людей, вместо того чтобы работать на пользу общества, будут изучать и трактовать законы. Они потратят на это всю жизнь, у них не будет другой работы, они повиснут на шее общества увесистым балластом, поскольку люди это умные и жить предпочитают хорошо. Проще говоря, кушать они будут то, что приготовили другие. А они будут истолковывать спорные ситуации. И в конечном-то итоге всё равно истолковывать закон будет конкретный человек со всеми своими слабостями и пороками! Только в нашей стране он честно берет на себя ответственность за решение, он может быть проверен закланием лжи, наказан и даже сослан на арену. Редко, но среди судей попадаются проходимцы. А в многотомном книжном праве юрист, истолковывая противоречивые параграфы, уходит от ответственности, прикрываясь той буквой закона, которая выгодна ему в

данный момент. Поверьте мне, в целом это омерзительно. Истина никого не интересует. Человек может получить чудовищное наказание за ту же ковригу хлеба или, наоборот, выйти на свободу после убийства, да ещё так, что к нему не будет никаких претензий. В конечном итоге таким законом просто управляют деньги.

– А что более справедливо? – Рыжий прорвался наконец с вопросом.

– А что есть справедливость? – спросил в свою очередь лектор. И сам же себе ответил: – Справедливость – это устоявшаяся форма общественных отношений. В каждом обществе она отлична. В каждом столетии своя. Поэтому закон, записанный на бумаге, – это мёртвый закон. Его необходимо обновлять и корректировать. Именно это делает книжную юриспруденцию фатально сложной. В нашем обществе мировой судья априори владеет ситуацией. Он в ней живёт. Во время войны, во время чумы, в праздники – всё надо прикладывать к конкретике и отвечать за своё решение, не прикрываясь книжным параграфом.

Тарас поднял руку. Лектор сделал знак говорить.

– Мне непонятно, при чем здесь рабство? Кто здесь рабы, а кто рабовладелец?

Лектор кивнул, принимая вопрос.

– Два вида рабства существовали на земле. Древнее рабство, как вам известно, основано на принуждении, личной несвободе, полной потере самостоятельности. Хозяин решал, жить рабу или умереть. С кем именно будет спариваться принадлежащая ему особь, что будет сегодня кушать и будет ли есть вообще. Где работать, когда спать и многое другое. Затем сменилась целая эпоха. Империи разрушились, и граждане стали считаться свободными людьми. Но только формально. Рабство второго рода характерно тем, что отсутствует конкретный рабовладелец. Его якобы нет. На его месте стоит вся машина государства. Оно решает те же вопросы, полностью владея своими гражданами. Оно решает, какая форма семьи приемлема для граждан, а какая аморальна, и с какого возраста юноша и девушка имеют право друг с другом спать. Оно выдаёт патенты на ту или иную работу. Оно может лишить человека жизни или посадить в зиндан за нарушение своих приказов. Многотомные законы сложны, и обвинить в их нарушении можно любого. Виновны все. А судят тех, кто попался или не угодил власть имущим. Да, степень свободы граждан несколько возросла. Но ситуация осталась прежней. Эта невидимая уздечка порождает массу бытовых неурядиц. Государство по своей прихоти объявляет войны и обязывает жителей принимать в них участие, не интересуясь, хотят они этого или нет. Государство создает системы налогообложения, регулируя потоки товаров и продуктов, запрещая что-то вообще, а что-то до определенного возраста.

– А что в этом плохого? – На этот раз руку вскинула светловолосая девушка и встала. По правилам Колледжа это означало, что она вызывает преподавателя на дискуссию. Сонный голос лектора блеснул раздражением.

– В этом нет ничего плохого и нет ничего хорошего. Это просто описание системы, существовавшей ещё в прошлом столетии в некоторых странах Европы. Пример – регулирование питания, так сказать, подчиненных особей.

– Но, может быть, этот продукт вреден. Может быть, его стоит запретить.

– Запретить вы можете рабу или собаке. Равный вам человек решит всё сам. Расскажите ему, что вы знаете о вреде или пользе. Но не принимайте за него решение. Даже если оно кажется вам очевидным.

– А дети?

– Дети растут в семье. За них всегда отвечают родители.

– Но... Вы называете этот строй вторичным рабством, а ведь люди этими законами были защищены. Они жили, любили, работали, рожали детей. Может, им было лучше, чем нам?

– Хороший вопрос. – Голос лектора был скучен, почти тосклив. – Вы, барышня, демонстрируете умение думать. Попытаемся продолжить вашу, с позволения сказать, мысль. Как вы считаете, обычному рабу доводилось жить, любить, работать? Рабыням рожать детей?

– Да, конечно. Но...

– Значит, подобные качества мы не можем считать отличием. Эти функции обеспечивает любая общественная система. Абсолютно любая. Качество обеспечения разное, но это уже отдельный вопрос. Мы сейчас разбираем признаки рабства. А это, извините, не уровень жизни, а признаки личной несвободы.

– Но люди были защищены. У них были права. Государство, например, карало убийцу. Я читала древнее германское право.

– Всё верно, барышня, всё верно. Всё изложено верно, вот только вывод вы делаете не тот.

– Объясните.

– Разумеется. Хозяин тоже защищает своих рабов. Любой человек защищает своё имущество. Это нормально. Но – именно хозяин. Сам раб защищаться не мог, во всяком случае, оружие носить ему не позволялось. Только в сопровождении хозяина мог следовать вооруженный раб-охранник. Как собака на поводке. Во вторичном рабстве мы видим те же признаки несвободы. Простые граждане – лектор выделил слово «граждане» саркастической интонацией, – не имели права носить оружие. Это привилегия стражников, специально обученной милиции и прочих охранных служб. Гражданам в этом отношении не доверяют. Иногда, после унижительной бюрократической процедуры, оружие разрешалось носить и так называемым свободным. Но дело даже не в этом. Вы справедливо сказали, что за обиду, нанесенную гражданам, карало государство. Вы считаете это признаком «защищенности». А на каком основании, позвольте вас спросить, государство присвоило себе право карать? Поставьте себя на месте отца, у которого убили дочь или сына. Представьте себя на месте избитого или униженного человека. Нужна ли ему месть по закону? Ведь закон – очень скользкая штука. Добиться правосудия во все времена и для всех народов было нелегко.

– Нужна. Человек не всегда может защитить себя сам.

– Правильно. – Лектор поднял палец вверх, фиксируя внимание аудитории, хотя в зале и так стояла тишина. – В том случае, если сам не способен, должны существовать структуры, желающие ему помочь. Иначе можно будет безнаказанно обижать вдов, стариков и детей. Это так. Но есть и право сильного, которое отбирается государством. Ведь потерпевший не всегда слаб. В его груди бурлит желание боя, он хочет справедливой мести, он готов разорвать насильника голыми руками. Но он раб системы. Он не имеет права на ответный удар, он обязан пойти и пожаловаться стражнику. Даже справедливая месть карается законом, как, к примеру, укус неразумного животного. Это унижительно для любого мужчины. Государство присваивает себе исключительное право карать виновных, да и право определять степень их вины. Таким образом, реально потерпевшей стороной становится государство. Оно, а не обезумевший от горя отец, определяет степень вины насильника.

– Но отец ведь обезумел от горя, как он может решать...

– Да как ему угодно!!! – В голосе лектора неожиданно сверкнула сталь. – Как решит, так и будет. Он отец, и если у него погиб ребенок... Не лишайте его права карать. Это неправильно. Это жестоко. Впрочем, мы отвлеклись от конкретики. Итак, государство берет на себя труд наказывать виновных. Повреждена его неявно обозначенная собственность, которой являются якобы свободные граждане. Реальную дееспособность проявляет, таким образом, именно государство, а граждане имеют возможность жаловаться ему на обиды, ровно так же, как раб жалуеться хозяину, если кто-то побил его на улице. – Лектор сделал паузу и отхлебнул воды. – Не степень защищенности, не уровень благосостояния, не возможность воспитывать детей определяют рабство. Можно быть нагим и свободным. Можно быть богатым, иметь хорошую работу, вкусно питаться, но оставаться рабом. Кстати, о правах. Рабовладелец содержал своего раба в старости. Выбросить его на улицу считалось постыдным. Как, допустим, престарелого родственника.

– Но ведь случалось и такое.

– Случается всякое. Люди бросают и детей, и жён, и родителей. Но это нонсенс. А мы говорим об общественной норме.

– А государство?

– Государство своих рабов не слишком балует. Когда холопы перестают быть ему полезны, они прессуются в шлак. В переносном смысле, конечно. Но рабы обычно вполне довольны своим положением. Самое главное, им не нужно принимать решения. Что-то решать – это признак свободы.

– Но если все будут соблюдать книжный закон...

– Закон всегда соблюдают только слабые. Они ищут в нём оправдания своей слабости и своему бездействию.

– Но и сегодня то же самое.

– Да. Отличие только в том, что наша система не лицемерит. Судьи отвечают за свои решения. А любого подлеца можно призвать к ответу. Хотя бы через поединок.

– Так что же лучше? – Девушка наконец опустила на своё место.

– Сегодня каждый решает сам. Но это сегодня. Когда есть возможность такого выбора. Когда несчастной вдове достаточно обратиться к рыцарскому патрулю, чтобы у неё появились десятки закованных в сталь защитников. У нашей системы много изъянов, но рабства в ней всё-таки нет.

Девушка снова встала.

– Извините. Но вот с армией. Государство – оно ведь должно защищать своих граждан. Ну, хотя бы от другого государства.

– Чтобы не бояться чужого дракона, заведите своего собственного. Вы знаете, барышня, если человек принимает осознанное решение идти воевать, он действительно воюет. И в бою стоит пятерых, загнанных в дружину насильно. А когда граждане отдают в рекруты детей против воли... И при этом продолжают считать себя свободными людьми... Вдумайтесь. Отдать своё дитя, но считать себя свободным.

Глава 21

Муха мягко потянул кишень, но неудачно. На его беду, купчина полез за деньгами, да так, что скользнул пальцами прямо по его руке. Реакция у мужика оказалась отменной – поймать Муху он, понятно, не поймал, но не хватило к тому самой малости, цапнул у ворота воздух. Муха, извернувшись, юркнул в толпу, да не тут-то было. Хреновый был сегодня день. Как-то сразу не получилось затеряться, пьяный мужик попробовал загородить ему дорогу, но тут Муха, оттолкнувшись в прыжке от забора, просто сшиб мужика с ног, даром что тот был в два раза больше. Народу на базаре было мало, так и тот расступался, пальцами тыкали, кричали и свистели уже с разных сторон. А у обрыва к Тьмаке, последнего его пути отхода, как раз шёл наряд городской стражи. Эти кинулись навстречу, как волки на зайца.

И Муха, спихнув крышку, прыгнул в сточный коллектор. Прямо в дерьмо, вытекающее из трубы. Один из стражников, совсем они были близко, разрядил ему в спину двуствольный мушкет, пули цвякнули о камень, да только Муха уже забрался в самую глубь, завернул глубоко в трубу, под туалеты, что стояли на базаре, и теперь, по уши в нечистотах, думал, что делать дальше.

Вылезать отсюда было некуда – в одну сторону очистные, да туда и не пролезть мимо открытой крышки, а в другую – тупик, туалет, источник всей вони. Сверху слышались голоса, а сбоку то и дело раздавалось характерное журчание. Муха обшарил рукой осклизлые каменные стены. Сплошные, ни единой дырки. Постепенно глаза привыкали к темноте, и он понял, что вокруг действительно стена. А это означало...

Если только полезут следом... Неужели не погребуют?.. Муха попытался прислушаться, но все звуки заслоняли разговоры в туалете. Что там сзади происходило, не было слышно. Вроде кто-то... Нет, это крышку на место привалили. Небось запах не понравился. Если только купчина подаст жалобу... Им даже лезть сюда не надо, поставить у люка пост и спокойно ждать. Всё равно когда-нибудь вылезет. Муха изогнулся, примащиваясь, чтобы удобнее стоять. Каменный свод не давал разогнуться, зато дерьма под ногами было не так уж много – всего по щиколотку. Но вонь такая, что пацанчик уже начал задыхаться.

Вот это попал. Давно надо было в лес к Хвощу уходить. Шустрил бы сейчас в разведчиках. А тут весь в дерьме... Так оно ещё ладно, а вот к ночи, гляди, и башку оттяпают.

Руку Мухе отрубили ещё в прошлом году, а следующей, по закону княжества, рубили голову.

– Давай пошевеливайся. Потерпишь. Давай на улицу, кому сказал. – Судя по интонациям, в туалет зашли стражники. Муха опёрся кулечей о камень, наклонившись, чтобы удобней было слушать.

- Не, отсюда тоже не достать.
- Да там, может, ещё отводы есть.
- А может, и нет.
- А если есть? Попусту мараться.
- Крысу проще поймать. Если есть отвод, он уже знаешь где...
- Надо взять гадёныша. Всё время тут промышляет.
- Ну давай, возьми. Он уж колчерукий. Если у него пистоль за пазухой...
- Да нет у него ни хрена.
- Всё равно в дерьмо лезть неохота.
- В караулке потом оборжуются.
- Давай, Кирюха. Тебе медальку дадут.
- Да пошёл ты. Подождём. Сам вылезет.

Муха понял, что сейчас к нему никто не спустится. Да и тесно здесь было, даже ему тесно. Неужели купец таки пожаловался? Сука. Если бумагу накатал, точно выставят пост. Тогда хана. Муха почувствовал, как внутри всё похолодело. Получалось, его жизнь зависела от неизвестного купчины. Но, может, поленился... Али решил, что хватит с пацана, и так в дерьмо окунули... Если постоянного поста не будет, надо подгадать так, чтобы не было стражи. Они тут часто ходят. А теперь, видно, конкретно будут ждать. Муха решил вылезти аж на следующую ночь. Вроде придышался...

Терпения, однако, хватило ненадолго. Уже к вечеру пацан решил рискнуть и вообще не дожидаться темноты. В конце концов, ждут его именно к ночи. А то ещё люк завалят...

С трудом откинув крышку – пришлось упереться спиной и толкать ногами, с крышки скатилось здоровенное бревно, – Муха вывалился в ослепивший глаза вечер. Вонючая его фигура стремглав понеслась к обрыву, но не к реке, хотя Тьмака была совсем рядом, а к густому кустарнику, где располагалась местная помойка, Муха решил, что там точно не будут караулить. Базар давно разошёлся, редкие прохожие шарахались в стороны, сзади свистнули, сердце у пацана обмерло, но свист был обычным, наверное, просто прикололись, он юркнул в кустарник, раздвигая ветви единственной рукой, и исчез среди листьев.

Стражи не было.

В Башне рыцарей мягкими лапами перекатывался полумрак. Цветные пятна расслабляли, хотелось прилечь и смотреть на играющие переливы, как смотрят на бегущую воду в реке. По углам зала, очень кстати, стояли уютные диванчики. Андрей повернул специальный шпенек, убирая добавки к свету. Контуры сразу стали четче – солнца было ещё достаточно, а зелень, сочными листьями заполнявшая ниши, окон почти не заслоняла.

– В городе убийство. Двойное. Дети.

В зале отдыхали сразу две группы: четверо пили чай из узорчатых точеных пиал, курящихся благородным запахом очень дорогого сорта, ещё четверо в другом углу слушали Анну, читавшую вслух старинную книгу. Один из них дремал, и сейчас его толкнули в бок.

– И чего? – зевнул заспанный парень с косым шрамом через бровь. Он вроде и не спал, а как раз собирался. – Коли душегуб, так поехали. Повесим – и все дела.

– Просто у тебя, Самсон.

– Ну зарубим, если трепыхаться станет. За детей ему арена не положена. Али он в леса убег?

– Убийство не раскрыто. – Олег, принёсший плохие новости, откинул сползшую на глаза прядь. Кто-то тихо присвистнул. На него даже не шикнули – сам осекся, но посвист прозвучал вполне отчетливо.

– Что за дети?

– Обычные дети. Мальчик и девочка. Сын знахаря и дочь торговца сладостями.

– Выкуп, угрозы?

– Ничего. Только трупы детей. Страшные трупы, много резаных ран.

– Ведуны управы, пифии, ясновидцы? Маги Колледжа, наконец? – Анна отложила книгу.

– Все пытались. Убийство всё-таки. Здесь магистрат серебра не жалеет. Ещё и дети. Никаких следов.

– Может, секта?

– Тела целы. В смысле, все фрагменты целы. Даже кровь не сливали.

– Значит, как магическое сырьё их не использовали.

– Судя по следам, убийца один.

– Значит, не использовал.

Анна поморщилась.

– Зачем? Кому выгодно детей убивать? Бессмыслица какая-то.

– Маньяк. Причём ведьмачит или маг, иначе не смог бы замести следы. Странно.

- Обычно маги вполне лояльны.
- Либо опытный заезжий маг, либо зомби.
- Почему заезжий? Замести следы и местный маг может.
- Потому что среди местных нет таких придурков. У нас всё-таки столица, и Колледж в городе.
- Раньше не было. Мог и завестись.
- Если завелся новенький, он как раз и есть приезжий. Белокурый, кудрявый, лубочной внешности рыцарь отхлебнул из пиалы чаю.
- Не спорьте. Может, это зомби?
- По почерку вполне подходит, убийство лютое, и сила ударов нечеловеческая. Но тела не нашли.
- Тела зомби? – Круглолицый паренек смотрелся самым младшим. На его рукаве виднелась нашивка стремянного.
- Тела зомби, Мишенька. Зомби, когда отработает, рядышком ложится. Второй раз его не используют.
- Утопиться мог. Проверяли? – Парень со шрамом снова зевнул. Ему явно хотелось спать.
- Самсон, ты или спать ложись, или сядь нормально. Устроил тут лежбище. Тюлень.
- Сам ты тюлень. Я с ночного дежурства.
- Так иди спать.
- Не хочу. – Самсон протер ладошками лицо, прогоняя дремоту, и сел ровнее. – Я понять хочу, что случилось.
- Что случилось? Детей в городе режут, вот что случилось. А мы тут плюшки трескаем.
- Ты не причитай. Ты можешь хоть плюшки наворачивать, хоть за ребро подвеситься, маньяку это восьмёркой. Думай. Кстати, даже если это зомби, за ним всё равно стоит маг.
- Следа зомби нет вообще. Проверяли тщательно, даже собаку пускали.
- Собаку-то зачем?
- Потому что всё остальное не сработало. В провинции, кстати, часто так делают.
- И что собака?
- Ничего. С таким же успехом можно было бы корову пустить.
- Стрег, сделай всем чай. И с тоником, пожалуйста. Чтобы Самсон не уснул. – Анна вынула из кармашка на груди тонкое стило и развернула книгу боком, застелив её листом бумаги для записей. Белокурый рыцарь встал и пошел ополаскивать заварочный чайник. – Олег, давай по порядку. Без эмоций и сенсаций. Ближайший аналог дела?
- Московские призраки.
- Кто-то снова присвистнул. Анна шикнула:
 - Держите себя в руках. Дурная и вредная привычка холопов. – Она перегнула листок пополам, провела, выравнивая, ногтем по сгибу, но тонкое волокно хрустнуло, разрываясь. Ещё раз сложила, потом, едва не чертыхнувшись, бросила в сердцах: – Стрег, и захвати нормальной бумаги. И сюда, значит, добрались.
 - А что было в Москве?
 - А ты что, не знаешь?
 - Знал бы – не спрашивал.
 - Там каждый месяц убийства. Маленький городок, а народу режут – жуть. И режут странно... Чуть не на части рвут. В общем, по-всякому. Стреляют какой-то дрянью, не мушкетные даже пули, кислотой травят, взрывают. Форменный кошмар.
 - И почему мы это терпим?
 - Мы не терпим. Маги не могут понять, кто так развлекается. В убийствах нет смысла. Во всяком случае, связи не прослеживается. Нет никого, кому бы это было выгодно.
 - А тех магов, что искали, проверяли? Может, это они и есть?

– Проверяли, Мишенька, проверяли. Их так проверяли, что тут уже не может быть накладки. И литвинов вызывали, и магрибцев. Даже майя приезжали, магистрат оплачивал. У всех один и тот же результат.

– Никаких следов?

– К сожалению.

– Фантастика. Значит, по логике, за всеми странностями должна стоять одна и та же причина.

– Не обязательно.

– Но весьма вероятно.

Дождавшийся свежего чаю Олег отпил аккуратный глоток и заметил:

– Нечто подобное, кстати, бывало и в других европейских городках. В Германии есть такой Берлин, может быть, слышали?

– Нет.

– Немудрено. Это крохотный городишко в Пруссии. Практически то же самое. Чудовищный процент убийств, народ, натурально, разбегается. Байки ходят одна страшней другой.

– Интересно. Например?

– Да они разные. Одному одно привидится, другому другое. Запуган народ.

– Но кто за этим стоит, непонятно.

– Именно. Но там средств поменьше выделяли. Берлин городок небогатый, а баронство их чхать хотело на провинцию. Это наш Князь всё правду ищет. Хотя, по результату, разницы никакой.

– А ещё?

– И ещё есть, мелочь всякая. Париж во Франции. Возле самого Версаля, кстати, рядом со столицей. Я читал такую подборку, проклятые города. Там ещё Рим, Прага, Варшава и Лондон. И, кажется, Мадрид.

– Городки-то всё неизвестные.

– Погоди. Это же все бывшие столицы? Или нет?

– Андрей, не глупи. Здесь только Рим и Лондон когда-то были столицами.

– А Варшава?

– Чтоб ты знал, столица Польши – Краков.

– Москва была столицей княжества.

– Когда это было. У нас чуть не каждый город был столицей княжества. Захирела давно.

– Господа, мы отвлеклись. У нас имеется череда необъяснимых, бессмысленных убийств, на исполнителей которых не могут выйти ведуны. И всё это по разным странам.

Константин, до этого времени молча разливавший чай, вымолвил:

– По разным странам – не наше дело. В Твери детей начали резать.

Как-то сразу всё стихло. Потом прорисовался Мишенька.

– Если так, то одна причина, конечно, вряд ли. Или, может, орден какой?

– Какой ещё орден?

– Ну, руги или эссеи. Или валчи, наконец.

– А что вообще ведуны говорят? Им же убийцу найти – что коня в конюшне.

– В этом-то и дело. Обычно так и есть. Ведуны не могут ничего увидеть, только тени скользящие.

– Может, новый уровень магии проявился? Какой-нибудь особо глубокий? И маньяк на нём убивает.

– Возможно. Нам с вами это не проверить. Разве Олег что почувствует.

– Олег, ты как?

Олег молча кинул в рот виноградину из вазы с фруктами.

– Чего ты глупые вопросы человеку задаёшь? Тут ведуны на месте ничего просечь не могут, а ты хочешь, чтобы Олег из нашей башни рассмотрел. Кстати, а просто проверить, по жителям, одного за другим, без всякой магии? Москва ведь город очень небольшой.

– Проверяли, конечно. Каждого, и с магией, и наши допрашивали. В смысле, тамошний отряд, клинские. Ни на ком нет следов убийства, обычная зашуганная чернь. Никого не укрывают, сами всего боятся. Им бы добраться до тех уродов, они бы их раньше нас порвали. Натуральная нежить на людях практикуется.

– Вызвали бы магистра.

– Приезжал. Несколько раз приезжал, чистили город. Однажды только получилось: что-то они там сожгли в конце лета, я толком не понял, в небе горело, и стало полегче, но всего на несколько недель. А потом опять тот же кошмар. Москва – худший город на Руси. Бежит оттуда народ. Разъезжаются.

Лихорадочный порыв действовать спал, теперь все говорили спокойно. Анна что-то набрасывала на своём листке.

– А ещё где-то на Руси было подобное?

– На северных болотах, говорят, встречается такое. В смысле, такая же нежить. Но там ничего достоверного. Места глухие, граница с финнами, кто кого порезал – не разобраться. Но жалился народ. Но там меньше.

– Так там и людей меньше.

– И теперь у нас, похоже, проклянулась такая же хрень. А увидеть убийцу смогли?

– Видели, много раз. И не только маги, обыватели тоже видели.

– Ну так... Там народу тысяч двадцать. На пальцах бы просчитали.

– Не получается. То ли грим серьезный, то ли ещё какая причина. Но не получается. И несколько их, похоже, разные. Нету с такими приметамы людей.

Анна с раздражением перечеркнула все свои записи.

– Ерунда какая-то. Есть, нету. И сразу несколько. Эти несколько хоть повторяются?

– Иногда повторяются. Но не как живые люди, а скорее как типаж. – Олег выдавал информацию, бесстрастно прихлёбывая чай. – Маги даже специальный термин придумали, пока это единственная версия. Но тоже хлипкая.

– Какой термин? – заинтересовался Самсон.

– Человеческий оборотень. Перевертыш.

– Это меняющий личину? На другого человека?

– Да, причем на таком уровне, что настоящего лица не видит даже ведун.

– Но ведь это невозможно. Перевертыши – большая редкость. Их и было-то всего...

– Было их около дюжины за три столетия. Это действительно немного. И любой из перевертышей мог обмануть только обывателей, никак не ведунов. И уж тем более не лучших магов княжества.

– То есть это может быть какой-то супер-оборотень, человек, перекидывающийся в человека?

– Сразу в нескольких людей весьма характерной внешности. Одна из его личин, например, урод с обожженным лицом и когтями на пальцах. Именно его в Твери и видели.

– А одет во что?

– Что-то грязное, оранжевого цвета.

– Ладно, господа аналитики. Ничего мы тут с вами не выдумаем. Надо ехать на место и смотреть, чего и как.

Все засобирались. Анна аккуратно сложила и спрятала исчерканные записи. Затем оглядела своё притихшее звено.

– Дежурить остаётся Мишенька.

Глава 22

– Смотри, класс. – Никита показал Тарасу маленький фиал с магическим парфюмом. – Запах почти неосязаем, на подглазье, а женщины залипают.

Тарас открыл крохотную пробочку, принялся. Чегой-то там действительно было. Можно, конечно, кинуть на проверку искру, но выгорит полфиала.

– Что-то не видно, чтоб они на тебя залипали.

– Ну, так ты же рядом идешь, – нашелся Никита. – Сбиваешь запах.

– Ага. – Тут до Тараса дошел глубокий смысл изречения, и Никите пришлось спасаться бегством. Дважды Тарас пытался навесить своему цветному плюху и оба раза промахивался. Наконец он зажал Никиту в проеме между лавками и смачно пробарабанил толстый смеющийся живот. На Никиту это не произвело должного впечатления. Он по-прежнему лоснился довольством и демонстративно сбрызнул капельку парфюма на обшлаг рубахи.

– Подарил кто или выменял?

– Купил, за серебрушку.

– В лавке, что ли? – удивленно спросил Тарас. Вообще-то его цветный не баловался подобной ерундой. Тем паче что у каждой уважающей себя горожанки есть духи-отвороты.

– Пиня продал. Ему на ставку не хватало.

– А, молодец. Пиня уже восемь штук таких продал. Это только я знаю.

– Сам, что ли, разводит?

– А ты догадайся.

– Да не может быть. Он, конечно, дешево продал, но не стал бы Пиня мне фуфлю подсовывать. Потом, я ведь проверял, это не бодяга.

– Да не бойсь, брат. У него шурин в Торжке на парфюме работает. Чего-то они там тырят по-тихому, а собирают уже на дому. Но с ингредиентами порядок. А куда мы, кстати, идём? Зачем нам в школу?

– Хочу показать тебе одну штуку.

Они поднялись в угловую башенку Колледжа, где Тарас бывал всего два или три раза. Вроде здесь не было ничего интересного.

– Ты про убийства слышал?

– Это которые как в Москве? Без следов?

– Ну да. Ведунов из управы уже кто только не полощет.

– Конечно, слышал. Про них весь город слышал. А что?

– Я тебя познакомлю с человеком, у которого есть версия. Понимаешь, здесь работает слухач.

Никита отворил тяжёлую дверь. В крохотной комнатке стояло высокое кресло с поворотами, наклонами и фиксацией. Такие стоят у знахарей, что ковыряются в зубах у холопов. На замазку заращивающей глиной денег у черни не хватает. В кресле сидел парень чуть постарше школяров, с закрытыми глазами и какими-то блямбами на ушах. Лица его не было видно, но на глазах тоже была повязка. Тарас осторожно заглянул чуть-чуть вперёд. Точно, глаза закрыты, только не повязка, а забрало с мелкими дырочками.

– Кто это? – прошептал Тарас.

– Да он не слышит, говори нормально. – Голос Никиты был достаточно громким, но всё же и он немного сбавил тон. – Совершенно уникальный маг. Ну, вообще-то такие есть, но их немного. Может напрямую входить в информационное поле. Слухач.

– Чего-то молод он для мага.

– А у него, понимаешь, своего рода чутьё. Или особое чувство, оно очень редко встречается. Даже среди бакалавров.

– Так он уже бакалавр?

– Нет. Пока только архон. Он мой сосед, через улицу. Недавно разговорились.

– А цвет у него есть?

– Тоже нет, только оттенок. Понимаешь, это направление магии всерьёз не воспринимают.

От него отдачи пока нет, только информация. Вот он слухач, и всё. Выходит в поле.

– Что, в Логос Создателя? – снова шёпотом спросил школяр.

– Нет, конечно. Он говорит, что есть ещё одно, попроще. Оно насыщено какими-то рядами типа молний, я это не очень понял, и флюидами людского восприятия. Причем непонятно, где находятся сами люди, поскольку информация явно чужая.

– А откуда всё это известно?

– Он говорит.

– Так, может... А, хотя есть же проверочные, тут не совершь. Но он может, скажем так, искренне заблуждаться.

Никита выглянул в крохотное окошко с круглым стеклом. Вровень с башенкой домов уже не было видно.

– Нет. Такие ещё есть. По разным странам, и слышат примерно то же самое. Не впрямую, но кое-что пересекается.

Тарас тоже посмотрел в оконце. Вид был красивый, но знакомый. На верхние ярусы Колледжа он поднимался не однажды.

– И как это связано с Москвой?

– А там звук очень хороший. Ну, не звук, а давление этого, как бы сказать, поля. Вот в Версале, во Франции, таких с полдюжины сидит. – Никита кивнул на кресло. – Там тоже хорошо слышно, и тоже ничего не могут понять. Но денег больше выделяют.

Никита похлопал слухача по плечу. Тот встрепенулся, как бы выходя из иной реальности, и снял с глаз забрало.

– А, сосед...

– Вот, знакомься, цветного привел. Это Игорь, это Тарас.

Представленные церемонно раскланялись. Игорь производил неплохое впечатление. Во всяком случае, понты на себя не напускал, хоть и был уже архоном...

– Чего там слышно?

– Да... – Слухач раздраженно махнул рукой. – Понимаешь, я прошлый раз эту фигуру видел.

– Душегуба, что ли?

– Наверное, его. Чётко так, урод с обожженным лицом и в оранжевом свитере.

– Прямо там, на месте убийства?

– Нет. Совсем нет. Там какая-то комната была, кровать, окошко... И предметы такие, в общем... Не совсем как у нас. Но похожи. И у него, кстати, не когти на пальцах, а накладные ножи. Такие раньше делали на арене для «рубленого мяса».

– Это ещё до крючьев, что ли?

– Ну да. Я вообще думаю, это какая-то другая реальность. И он оттуда приходит.

– Почему?

– Так он в этой комнате девочку убил. А у нас убийства не было. И комнаты такой нигде нет, предметы странные.

– Ты сказал ведунам?

– Да всё, что видел, я передал, конечно. Толку-то всё равно ноль. Я картинку потерял, и с тех пор ничего.

Никита уселся на подлокотник.

– Осторожней, шнур не зацепи.

Только тут Тарас заметил, что всё кресло оплетено тонкими медными шнурами, свитыми из ещё более тонкой проволоки. Сверху, над головой слухача, висела большая хрустальная полусфера, повёрнутая чашей вниз. Школяр осмотрелся внимательнее. Здесь было приспособление для курения ароматизаторов, «бычий цепень», прикрученный к подоконнику, и длинный металлический штырь, уходящий за окно. Даже не штырь, а скорее очень жесткая проволока, поскольку кое-где он изгибался.

– Зачем всё это? – спросил хозяина Тарас.

– Помогает слушать. – Игорь не пытался напускать тумана вокруг своей работы, как, возможно, сделал бы сам Тарас. – Правда, толком даже непонятно, помогает или нет, но вроде помогает.

– А попробовать можно?

– Валяй. – Слухач тут же встал, снял с себя странный полушлем, закрывающий глаза и уши, и протянул его Тарасу.

– Просто садиться?

– Да. Садись, надевай, к окошку разворачивайся. Можешь кресло отрегулировать, тут вот, сбоку, рычажки. Но, в общем, оно нормально стоит. А я пока покурю.

Игорь явно относился к приверженцам американского зелья, которых всё больше становилось в Твери. Он чиркнул огненным амулетом и отвернулся к дальнему раскрытому настежь окну. Тарас уселся лицом к маленькому, круглому, более похожему на амбразуру для бомбарды.

Школяр надел шлем и закрыл глаза игольчатым забралом. Для чего там были мелкие дырочки – а это действительно оказались дырочки, – он так и не понял. Видно сквозь них ничего не было. Забрало было двойным. Тарас вздохнул поглубже, придавил уши мягкими тампонами и закрыл глаза.

Сначала ничего не было. Обычная, пропитанная бордовым темнота, как всегда бывает при... Оп-па.

Что-то пронеслось мимо Тараса. Какой-то сполох непонятного цвета и формы. Но увидел он это не глазами, оно как бы срисовалось изнутри. Ни объяснить, ни понять изображение Тарас не смог, но прежде ему не приходилось наблюдать ничего подобного. Затем мелькнули яркие, танцующие люди и высокий сосуд темного стекла. И снова сполохи, рябь и еле слышное потрескивание. Школяр заёрзал, устраиваясь в кресле, и все тут же исчезло. Осталась обычная темнота с неровными пятнами. Тарас даже поморщился, ему хотелось рассмотреть картинку поподробнее. Какое-то время он терпеливо ждал, чуть покачивая головой, потом почувствовал, как его хлопают по плечу.

– Ну что? Голяк?

Игорь говорил, чуть отжав от ушей школяра наушник, иначе, пожалуй, и крик бы не услышал. Тарас встал.

– Не знаю. Так, ерунда какая-то.

– Ничего не видел?

– Да, можно сказать, что ничего.

– В смысле? – От Игоря резко пахло табаком. – Неужели что-то видел?

Тарас помотал головой.

– Ничего. Так, пятна какие-то, треск. И люди чуть-чуть плясали.

Игорь осклабился.

– Наконец-то. Я уж сам в себе начинаю сомневаться. Мало кто способен хоть что-то рассмотреть.

– Да там, в общем, ничего и не было.

– Это по-первах. Потом прокачается. Научишься настраиваться – будешь цельные картинку ловить.

Никита удивленно смотрел на Тараса.

– Ну ты даешь, цветной. Я вот ни хрена не рассмотрел.

Тарас гордо поднял бровь.

– А ты думал. Сколько во мне таланту и способностей. Кстати, что там вообще можно увидеть?

Игорь помялся.

– Ну, вообще-то мало интересного. И, главное, понять что-то сложно. Чувствуется только, что не наше это. Какая-то чужая, глубинная мудрость. В основном обрывки заклинаний.

– Например?

– Например, я сегодня верблюдов смотрел. Только они не настоящие, а как куклы. Но понятно, что это верблюды. И тоже пляшут.

Тарас недоверчиво хмыкнул. Игорь помотал головой.

– Я понимаю, звучит как бред. Но ты же сам видел кусок такой картинки. И вот они пляшут, а там ещё заклинание идет, – Игорь понизил голос, – только слова странные. Шоколад пикник.

– А что это значит? Ты сказал два непонятных слова. Ты их четко расслышал?

– Очень четко. Там ещё дальше рецепт зелья начинается, замешан и завернут. И яркое всё, веселое такое. И ещё он полон, понимаешь?

– Нет.

– Вот я тоже пока не понимаю. Но, наверное, это часть какого-то знания.

Тарас почесал затылок.

– Заклинание про верблюдов.

Никита помог ему чесать затылок.

– Не парься, цветной. Это заклинание для верблюдов. Тут можно год сидеть и ни в чем не разобраться. Пока никакой отдачи.

Игорь понуро кивнул.

– Но работать приходится. Ты хоть заходи иногда, поучишься слушать. Магистрат за час по два серебряных ногтя платит.

Тарас хмыкнул. Сумма впечатляла.

– Это за то, что я буду в кресле сидеть?

– Это за то, что ты слушать будешь. И можешь. На это, кстати, мало кто способен.

– Ладно, сосед. – Никита попрощался с Игорем. – За деньгами точно зайдём.

К коллоквиуму Тарас, конечно, не подготовился. И тема была пустяковой – чистая математика. Теория вероятностей, глубинный анализ арабских цифр, их угловая и алфавитная значимость, выход на римское число да замкнутость восьмерки. Никакой магии, однако всё это надо было выучить, а с чехардой последних дней так и не собрался.

А получать незачет было чревато.

Это, конечно, не летний экзамен, всё элементарно пересдаётся, но штрафная дробь останется. Ни ему, ни Никите такой подарок ни к чему. Надо было что-то делать. То бишь надо было, конечно, математику выучить, но не за один же день. А именно столько отвел на подготовку Мартын – бакалавр красного цвета, – полагая, что все и так знают его предмет. Тарас в число умников не входил, а за последнее время ещё и съехал.

Ладно. Нагнать мы нагоним, до лета время будет. Но коллоквиум надо сдать. Просто получить зачет и забыть о проблеме, потихоньку подгоняя математику.

Тарас успел выучить десять вопросов. Поскольку в билете их было три, то со свойственным ему оптимизмом школяр считал, что у него есть даже изрядный запас знаний. Семь вопросов лишние. Вот только общее количество их было за полсотни...

Сдавать следовало сразу, пока Мартын не сориентировался в общем уровне подготовки. Поскольку на этом уровне ставить Тарасу зачёт никак не следовало. Поэтому Тарас пошел в первой группе, в первой шестёрке и первым в этой шестёрке. Смело цапнул билет, перевернул и обнаружил, что один вопрос он всё ж таки знает. Остальные – нет.

То есть вообще не знает. Не дошел до них, не доучил. Думай, не думай...

– Можно отвечать без подготовки? – спросил Тарас, полагая, что хоть что-нибудь за смелость ему накинут. Тем более вспоминать всё равно было нечего.

– Похвально, молодой человек, похвально. – Бакалавр был, в общем, неплохим дядькой. Предмет свой любил и принимал весьма серьёзно. Мартын вытащил из сумки яблоко и смачно им захрустел, махнув этим же яблоком в сторону Тараса – мол, говорите, слушаю. Билет он положил на край стола и даже, кажется, не заглянул в вопросы. Тарас начал отвечать.

С первым вопросом он справился быстро. Сообщить, что это всё, у него как-то язык не повернулся. И Тарас начал отвечать про сходящиеся последовательности. Этот вопрос он тоже знал, вот только в билете его не наблюдалось. Мартын, которому за последние годы уже раз триста рассказали эти самые последовательности, слушал вполуха, аппетитно хрустел яблоком и благосклонно кивнул, завершая второй вопрос.

– Неплохо. Что там у нас ещё?

– Хочу рассказать про метод последовательных приближений.

– Давайте, давайте.

Тарас начал рассказывать метод последовательных приближений, но тут Мартын, совершенно не чувствующавший подвоха, потянулся за билетом – почитать, что же там всё-таки написано, и уверенный речитатив Тараса несколько сбился. Впрочем, он тут же выправил тембр, справедливо рассудив, что получить незачет всегда успеет. Мартын мельком глянул в листок бумаги, откусил яблоко и снова посмотрел в билет, едва не поперхнувшись. Затем перевел удивленный взгляд на Тараса.

– Позвольте, юноша... Вы что мне тут рассказываете?

– Метод последовательных приближений.

– Так его же нет в билете. И сходящихся последовательностей там тоже нет! И... А, с этим в порядке. Но...

– Господин красный бакалавр, виноват, рассказываю то, что знаю. Но всё ж таки что-то знаю? Нельзя ж сказать, что вообще ничего не знаю...

– М-да... – Мартын выдержал длинную паузу. – Давно не встречал подобной наглости... – Бакалавр посмотрел на Тараса смеющимися глазами. Потом ещё раз посмотрел в билет. – Ну, ладно. Не буду вас подрезать, устроили мне развлечение. – Он опять с хрустом откусил яблоко. – Но если ещё кто так пошутит, мало не покажется.

– Понял, господин красный бакалавр. Таких больше нет, я самородок. И я тоже нагоню. Так уж сложились обстоятельства...

– Идите уж... Зачёт. Хм... Самородок...

Выходя из аудитории, Тарас вытер со лба испарину. Шутка могла закончиться совсем иначе.

Глава 23

Тараса снова начали посещать мысли об Ольге. Да и неудивительно, срок уже подходил. Что такое жертва, школяр знал с самого детства.

Не абстрактно – мол, необходимая дань развитию общества, естественная плата за магический прогресс. Он бы тогда и половины этих слов не запомнил. Знал, как знают те, чью семью посещают жрецы во время Отбора. Чьим горем движется этот прогресс.

Родная сестра Тараса была весталкой.

Это значило, что скоро её принесут в жертву. Во имя Родины, Князя и Веры. Во искупление грехов городского быдла. Во имя краснорожих ублюдков, что сидят наверху, делят деньги и издают законы о том, как им эти деньги поделить менее хлопотно. Чтоб и в палаты боярские не ходить, чтобы жратву прямо в дом носили, да девки сами приходили, мудростью избранных восторгаясь.

Невинная кровь как цемент – пролитая в нужный час и в нужном месте, многократно укрепляет общество, и тот несчастный, кому выпало быть жертвой, забирает на себя массу чужих проблем. У жертвы уровень удачи вообще отсутствует – это колодец, бездонный провал, степень глубины которого зависит только от подготовки. Эквивалент скольких смертей, пятисот или пяти тысяч, оттянет на себя бедная девочка, зависит от жрецов и устроителей зрелища. Примерно столько жизней она и спасет обществу, примерно на столько же поднимет общий уровень удачи.

Всем будет хорошо, всем будет ощутимо легче. Кому-то ноготок прибавится, кому-то мешок с ноготками.

Это правильно. Это рационально. Экономично, наконец.

Вот только жертвой будет его сестра. Его родная сестра. Его Ольга.

Много лет назад её уводили рыцари.

Тарасу тогда было девять. Он плохо понимал, что происходит, цеплялся за одежду, за доспехи, слышал плач матери и плакал сам. Сестра не хотела уходить. Её уводили силой. Она пыталась спрятаться, дернулась к задней двери, но её догнали, сбили с ног и ударили по щеке. И это сделали рыцари. Те самые, к которым полагалось бежать при любой, при всяческой обиде, защищавшие женщин и детей... Он столько добрых сказок про них прочитал, так хотел хоть раз увидеть... Чтобы они приехали в деревню... Иван, пришлый мужик, работавший у них лето, замахнулся на стражника, но его тут же укатали в две дубинки. Стоявший у входа рыцарь потянул было клинок, но потом опустил – Иван упал на порог и не стал подниматься. Тарас так и не вспомнил потом, сколько было стражи, петушиных перьев. То ли два, то ли три человека. Но немного, и вели они себя потише. Запомнились именно защитники добра и справедливости.

Он видел, как рослый, сильный, светловолосый парень в световых латах держит меч у горла его отца. И отец, руками ломавший поленья, ничего не мог поделать. Он хотел, он бы, наверное, попытался, будь хоть какой-то шанс, а может, это только казалось тогда Тарасу, всё равно ведь деваться некуда, братство из-под земли достанет, лучше трех монахов убить, чем одного рыцаря, но ведь дочь, единственную дочь под нож уводили... Как Ивана ударили, Ольга уже не кричала. Поняла, видимо, что своих под кровь подведёт. Молча стояла, только слезы катились, потом сказала: «Сама пойду», – и только и сдернула, что амулет из-под семейной лампадки. Парень в латах меч от горла отца опустил, а Ольга – она гордая была, хотела, Тарас видел, хотела ту пощечину вернуть – встала перед рыцарем, ноздри раздулись, и снова поднялся меч, а Иван уже сам к дубине потянулся, но не решилась. Да и не надо было – тот, что её ударил, сам удара бы не стерпел. Видно было по несущей добро роже.

А Тарас тогда боялся. Тоже хотел кинуться, если б Ольга хлестнула, наверное, кинулся бы, он тогда мало что планировал, но вот... Так и простоял, вцепившись в мать, подвывая хнычущим волчонком...

А мама умерла через два года...

Нет, рыцари, конечно, ребята хорошие. В принципе. Многие так считают. А уж сами про себя они это знают точно. Абсолютно точно. Без них на улицах творилось бы черт знает что, холопы б друг дружку перерезали, благородные, пожалуй, тоже. А так... Любой знает: чуть оступишься – и на тебя наедет свора правдолюбцев... А рыцари не стражники, здесь монетой не откупишься. Если в эти бронированные головы втемьшится, что ты встал на пути добра и справедливости, никакие увертки не помогут. Что там школяр или простолюдин, барона в оборот возьмут, княжество конями стопчут. Мораль их не интересует, в одном фиорде за убийство полагается штраф, в другом виновного рвут лошаадьми на части. Эти ребята принимают всё. Главное, чтобы закон выполнялся. Богом данная власть может изгаляться как угодно. Хоть на кол простолюдинов сажай, если по закону... Вдовам они, конечно, защитники, но сколько понаделали этих самых вдов...

Жестокая практика жертв иногда критиковалась в Княжестве, но разумной замены не существовало. Раньше Тарас думал иначе – в основном, конечно, из-за Ольги, но после первых лет обучения понял, что к чему. Итальянские и бельгийские феодалы, где пытались практиковать «гуманизм», развивались медленно, их захлестывала преступность, якобы случайные катастрофы, войны с соседями и восстания крестьян. Их преследовали эпидемии, неурожаи, горели леса и ухудшался климат.

Конечно, надо было соблюдать время и ритуал, следить за тем, чтобы жертвы приносили обществу, а не клану избранных либо секте противоправной. Жертва не должна обернуться убийством, а жесткой грани не существовало. Но иначе пришлось бы платить невинной кровью, заливая разрывы поля, что неизбежно создаются при управлении. Любая общественная структура, группа «государственно» живущих людей порождает напряжение, копит его на болевой разрыв. Вероятностное поле иногда сравнивают с обычной тканью, что постепенно скапливает в порах грязь и нуждается в банальной стирке. Иначе от всего общества душок пойдет.

А стирать приходится кровью.

Компенсация за весталку обычно выплачивалась деньгами. Погоревал человек о дочке, покручинился, ну да чего уж теперь. Добру не пропадать же. Всё равно положено, а девочку не вернешь, да и лучше ей там пока, жертва – это ведь ещё не скоро... Весталку готовили пятнадцать, а то и шестнадцать лет... Да и кто из нас уверен, что проживет эти пятнадцать лет... А весталки многое могут...

Серебро берут практически все. Лишь однажды Тарас слышал о семье, которая отказалась от денег. Затем четверо братьев весталки пытались что-то предпринять, то ли на Князя напали, то ли на мага из городских... Трех вырубил охрана, один попал на арену и тоже погиб. В общем, была семья, да сгинула.

Но обычно просто берут деньги. И Тарасов отец, наверное, взял бы. Ну, не сразу, может, через год или два. Пять лет на это дается, чтобы остыть народ успел, погоревать, попрощаться с ушедшей. В деревнях же простые люди и практичные. А весталка в семье – это почёт и уважение. А деньги, что ж... Как доля за убитого дружинника.

Но тут случай приключился – фермер один, из богатых, из соседнего села, прижимать стал своих же людишек. Была у него банда не банда, но с десятков крепких ребят при хозяйстве обреталось. Стадо коров держал, огромное стадо. А те ж то в огород к кому забредут, то изгородь надломят, то ещё чего... И чуть что – драка. И не просто драка, а или глаз кому выбьют, или ребра помнут, или вообще – был человек и пропал куда-то. Лихие ребята вокруг фермера собрались, нехорошие. Им и Тарасов отец поперек дороги встал, коров со своей делянки кну-

том отвадил, говорили с ним сразу трое – мол, ты ходи, дядя, осторожнее, а не то споткнешься неровен час, ушибиться можешь. Они такое и бабке древней сказать могли, и вдове с пацанятами. А что сделаешь – их много, кровь дурная с молоком, здоровые все, крепкие. На деревне одолеть их было некому, а город далеко. Отец-то Тарасов, пока говорил с парнями, всё руку на топорнице держал. Так и разошлись ни с чем, только нервы друг дружке помотали. Может, и его бы подловили те парни в темное время, да не успели.

Перешли их коровки не ту межу, забрели в огород, куда не ходить бы.

Жила в деревне вдовушка, трёх мужей на тот свет отравила, выцвела уже вся, сухая да квелая, но яду на языке... И никто толком не знал, но шептали, что ведьмачит. Кто знает, правда ли, нет. Заломы-то у неё были, и по овсу, и по пшеничке, и, говорили, узлы на людей... В деревне много чего и зря болтают. В общем, отходила она тех коров кнутом с огорода, а один из фермерских костоломов кнут у бабы выхватил, да и саму её давай полосовать. Раза три приложил, а видать, нельзя было.

В две недели фермер сгинул. Всё вроде случайно, а беда за бедой. Одного из тех парней лесиной придавило, плечо и спину пластом развело, не то что драться – сесть неспособно. Другой въехал на своей кобыле прямо в Синюхин омут. То ли глаза ему застило, то ли ещё что – сквозь загородку, сквозь все. С обрыва сверзился, кобыла поломалась, но выбралась, а он сразу под воду ушёл. Выпивши был, конечно. Кобылу потом тоже пришлось кончить, потому как на трёх ногах осталась. Ещё трое между собой подрались, один двоих порешил колом. Сарай сторел, коровник. Лампа с керосином перевернулась. Фермер в горячку слег, как и жена его. Она-то вроде оклемалась потом, а он – всё. А мужик был крепкий. Остальные его ребята решили ведьмачку отловить и сжечь. Мол, помогает. Пошли было к ней во двор, с кольями, да один поскользнулся, так ногу о камень разрезал, мало кровью не истек. Остальные кинулись ведьму искать, а той, понятно, и близко нет. Только девочка малая сидит да говорит дядям – мамка сказала, чтобы вы ничего не трогали. Это уже потом они сообразили, что не было у ведьмы девочки. А тогда, говорят, всё как в тумане.

Разбрелись остальные, разбежались кто куда. И живы они али нет, то уж Тарасу осталось неведомо.

А его отец решил в Колледж отдать. Благо, разрешалось не деньги взять, а учебой или службой. Он и решил – учебой.

Может, и правильно решил.

Подъемный мост, размыкавший охранные заклития городской стены, был опущен. Солнце уже садилось. Белые клочья тумана ползли вдоль дороги, цепляясь за уходящее к реке русло ручья. На мост въехали два всадника на великолепных вороных конях.

Первый из них, коренастый крепыш в темном, протянул стражнику серебряный ноготь пошрины, брезгливым жестом поясняя, что в сдаче не нуждается. Второй, одетый в немыслимо дорогой костюм – кружевная, ручной работы, стамбульской моды отделка была заляпана грязью, – просто бросил монету стражнику под ноги, как кидают собаке кость. Орловских кровей рысак играл под худощавым всадником, гарда рапиры настоящего булата исписана мелкими серебряными рунами, да вокруг клинка дымка от заклятий – так можно деревья валить. Но столько презрения источала напыщенная фигура, что стражник помоложе, несмотря на переплату, не выдержал.

– Эй, ты... – вызывающе громко, чтобы слышали в караулке, начал было он. – Ты куда... – Рука коренастого скользнула на эфес рапиры, но тут металлическая перчатка въехала молодому стражнику под шлем, четко обозначив подзатыльник и одновременно пригибая его голову к земле. Худощавый франт презрительно поднял бровь. Грубым толчком старший охранник направил младшего поднимать монету. Проглотив обиду, в съехавшем на глаза шлеме стражник слепо шарил в пыли серебряный ноготь, а рядом переступал копытами холеный орловский рысак. Его напарник, битый жизнью Фрол, что даже бургомистру кивал, а не кланялся, пони-

мая свою значимость для власти, сейчас распластался в унижительном реверансе, растопырив руки, одновременно пригибая голову младшего к земле закованной в броню перчаткой, хоть реверанс этот и напоминал немного боевую стойку. Взгляд Фрола неотрывно, цепко сопровождал каждое движение франтоватых господ. Молодому, что поднял наконец монету, показалось, что Фрол готов прыжком уйти вправо, выхватывая из кобуры боевой жезл, но тот продолжал стоять в своей почтительно-напряженной позе, и только глаза блестели, как у волка, да по-волчьи же вздернулась в приветственной улыбке верхняя губа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.